ISSN 2658-7920

ВЕСИ № 10, 2022

СПЕЦВЫПУСК

ЭВАКУАЦИЯ НА УРАЛ. 1941–1942 ГОДЫ

Главы из книги

ВЕСИ

№ 10 (189)` 2022
декабрь
спецвыпуск

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

К 300-летию Российской академии наук
и к 85-летию Валентина Лукьянина.

СОДЕРЖАНИЕ

Дорогие читатели!

Уроки истории забывать нельзя. На них непременно нужно учиться. И немаловажным является изучение образа мысли, а порой и детали планов, неоправданных надежд, фатальных ошибок и философских обоснований своих действий (в том числе и желаемых) даже таких выродков, как Гитлер и его приспешники. Что привело мир к безумной Второй мировой и благодаря чему, благодаря какой нечеловеческой силе нашего советского НАРОДА мир победил в очередной раз, детально показано в новой книге выдающегося уральского публициста Валентина Лукьянина, с двумя частями которой мы знакомим сегодня читателей журнала (полностью книга готовится в издательстве Пакрус). Знать, чтобы не только не забывать, но и уметь предугадывать будущие опасности и вовремя на них реагировать. Знать, чтобы жить!

Татьяна Богина, главный редактор.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация
Восточного управленческого округа
Правительства Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры
«Банк культурной информации»
(620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Т.Е.Богина

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Дата выхода в свет 17.12.2022.

Отпечатано в АО «ИПП «Уральский рабочий». 620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Тираж 2500 экз. Заказ № 928. Цена свободная.

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

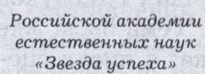
имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

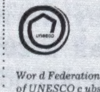
Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization

World Federation of UNESCO clubs, centers and associations

РБА

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Российской библиотечной ассоциации и Российского представительства TICCIH.

Международный Комитет по Сохранению Индустриального Наследия. Российское представительство.

ЭВАКУАЦИЯ НА УРАЛ. 1941–1942 ГОДЫ

Главы из новой книги

Валентин ЛУКЬЯНИН

На дальних подступах к 70-й годовщине нашей победы в Великой Отечественной войне кинокомпания «Снега» предложила мне поучаствовать в качестве сценариста в создании масштабного документального фильма об эвакуации – операции, «равной величайшим битвам Второй мировой войны», как оценил ее маршал Г.К.Жуков в своих мемуарах. Тема была мне интересна и близка; я писал сценарий, пытаясь вникнуть в суть событий и не очень заботясь о том, как это можно будет показать на экране. В результате получилась книга, которая в 2015 году с согласия партнеров по кинопроекту была выпущена в свет издательством «ПАКРУС» (спасибо издателю В.П.Сапову, заинтересованно и очень оперативно осуществившему это издание). 4-серийная киноэпопея «Равная величайшим битвам» (реж. Г.Негашев, А.Титов, П.Фаттахутдинов) появилась годом позже. В ней идеология и логика сценария были переданы, как и задумывалось изначально, экранными средствами. Мне понравилась работа кинематографистов, я радовался успеху фильма, но свою долю в нем не переоценивал: богатейшие краски, использованные для воссоздания образной картины народного подвига, найдены, увы, не мной.

Прошли годы, тема не оставляла меня, я накапливал новую информацию из многих источников и все острее осознавал, что в понимании эвакуации как события, повернувшего ход Великой Отечественной (а вместе с тем и всей Второй мировой войны) от катастрофы первых дней к полной и безоговорочной Победе, в книге и фильме осталось много недодуманного и недосказанного. Поначалу мы с В.П.Саповым предполагали «исправить и дополнить» первое издание, но в ходе работы стало очевидным, что «новое вино» не помещается в «старые меха». Причем дело не в подробностях (их «половодье» пришлось даже сознательно ограничивать, чтобы в потоке фактов не затерялся каркас мысли), а в необходимости с достаточной полнотой и убедительностью обнажить внутреннюю логику событий. В результате получилась совершенно новая книга, которая, надеюсь, будет интересна читателю уже тем, что это первое в отечественной литературе масштабное и систематическое историко-публицистическое исследование темы, которая прямо или опосредованно касается практически всех живших в то время граждан нашей большой страны (и потомков их тоже), но была «неудобна» для изучения и в советское, и в постсоветское время. Чем именно? Я думаю, вы это поймете, прочитав предлагаемые первую и заключительную ее части.

Первая часть посвящена трагическому началу войны, то есть катастрофе, которая предопределила весь дальнейший ход событий. Без нее эвакуация была бы просто не нужна; но сама логика эвакуации стала в определенном смысле зеркальным отражением логики блестяще (по мнению автора книги) спланированного гитлеровскими стратегами, а все же, к счастью, провалившегося блицкрига. Думаю, читателю интересно будет поразмышлять вместе с автором о том, почему война началась неожиданно, хотя все знали, что она начнется вот-вот; почему от сокрушительного удара не развалился, но даже окреп «колосс на глиняных ногах»; почему Отечественной она стала не вследствие того, что весь народ поднялся на борьбу с врагом, а, напротив, народ поднялся и победил, потому что война была объявлена и *организована* (это особенно важно!) руководством страны как Отечественная.

Объяснение катастрофы начала войны, предложенное в первой части («Катастрофы избежать не удалось»), поможет, как мне кажется, читателю понять логику событий, относящихся к собственно эвакуации и панорамно воссозданных во второй и третьей частях книги: «Полстраны двигалось на восток», «Тыл становится фронтом». В них большой массив фактов позволяет увидеть и понять, как в обстановке всеобъемлющего хаоса выстраивался порядок, как из обломков разрушенной промышленности формировался железный кулак, которым народ и стал громить врага. Журнальный формат не позволяет включить их тоже в предлагаемую публикацию. Прочитать их можно будет только в книге, которую издательство «ПАКРУС» предполагает выпустить где-то в первые месяцы 2023 года. Наберемся терпения!

Но заключительную, четвертую часть книги («Урал накапливает энергию») мы публикуем здесь. Она важна для понимания парадоксального итога операции, «равной величайшим битвам», ибо эвакуация не только повернула события войны от катастрофы первых дней к Великой Победе 1945-го, но и превратила СССР в могучую державу, обеспечивавшую стабильность двухполярной мировой системы на протяжении последующего полувека. Почему в конце концов стабильность эта была все же нарушена – тема для размышлений других историков и публицистов. Читатель предлагаемой книги, очень надеюсь, над ней тоже задумается.

I. КАТАСТРОФЫ ИЗБЕЖАТЬ НЕ УДАЛОСЬ

1. Перед катастрофой

«...Неожиданно вероломно нарушила»

Самая мучительная загадка Великой Отечественной войны – внезапность ее начала.

Всем в стране война казалась неизбежной, ее ждали, понимали, что она начнется вот-вот. Общественное мнение активно к ней готовилось: в кинотеатрах крутили патриотические ленты, по радио звучали духоподъемные песни, в каждом трудовом коллективе проводились политзанятия с акцентами на «Кратком курсе ВКП(б)» и международном положении; молодежь осваивала азы военного дела в кружках Осоавиахима, сдавала нормы на значок «Ворошиловский стрелок», тренировала волю прыжками с парашютом и закаляла тело и дух военизированными эстафетами. На гражданских предприятиях осваивали производство военной техники и прятали их обновленный профиль за камуфляжными номерами. Грозным предзнаменованием грядущих бурь стали правительственные постановления об ужесточении производственной дисциплины, которые принимались правительством еще с конца 1938 года.

В пресловутом «Сообщении ТАСС от 13 июня 1941 года» утверждалось, что «слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы»[1]. До сих пор историки гадают, была ли то попытка успокоить общественное мнение или же руководство страны решило таким образом прозондировать намерения не «вероятного», а к тому времени уже совершенно очевидного противника. Так или иначе, насчет того, чего следует ожидать от Гитлера в недалеком будущем, в Кремле точно не заблуждались. Мало того, меры защиты от грядущей агрессии принимали, как сегодня сказали бы, беспрецедентные.

Еще в мае руководством страны было принято решение упредить неизбежную агрессию со стороны Германии, перекрыв пути вторжения таким военно-стратегическим барьером, проломить который даже вермахту, возомнившему себя непобедимым, окажется не под силу. Воинские эшелоны, стараясь особо не привлекать к себе внимание (хотя германская разведка пристально за этими перемещениями следила), потянулись к западной границе. Историк М.И.Мельтюхов, однако, считает, что с этим решением сталинское руководство запоздало: сосредоточение войск должно было завершиться к 15 июля 1941 года, а гитлеровцы напали на три недели раньше, точно рассчитав момент: передислокация войск была в самом разгаре. Красная Армия, пишет историк, была «застигнута врасплох и не имела ни наступательной, ни оборонительной группировки. Советские войска не были отмобилизованы, не имели развернутых тыловых структур и лишь завершали создание органов управления на ТВД (театр военных действий. – В. Л).. На фронте от Балтийского моря до Карпат из 77 дивизий войск прикрытия Красной армии в первые часы войны отпор врагу могли оказать лишь 38 не полностью отмобилизованных дивизий, из которых лишь некоторые успели занять оборудованные позиции на границе. Остальные войска находились либо в местах постоянной дислокации, либо в лагерях, либо на марше»[2].

Это, конечно, так, но сам же М.И.Мельтюхов приводит данные о соотношении советских и германских сил, занимавших в тот роковой день позиции по ту и другую сторону границы. (Подчеркну: речь не о тех, кому было предписано выдвинуться к границе, а он не успел, а о тех, кто к утру 22 июня уже расположился и даже обжился на указанном месте). Не буду выписывать из его публикации всю обильную цифирь (хотя она чрезвычайно интересна), назову лишь итоговые цифры, вычисленные самим историком: по личному составу противник превосходил советские войска в 1,3 раза, зато красноармейская армада имела значительный, а в некоторых случаях даже и огромный перевес в военной технике: по орудиям и минометам – в 1,4 раза, по самолетам – в 2,2, а по танкам в 3,6!

Этого должно было с лихвой хватить, чтобы остановить агрессора! Даже люди, никогда не изучавшие военное дело, знают: чтобы идти в наступление на обороняющегося противника, твердо рассчитывая его одолеть, нужно обладать, по меньшей мере, трехкратным перевесом в военной силе. А немцы, собираясь атаковать советские войска, сосредоточенные на границе, не только не имели прописанного в учебниках перевеса, но очевидным образом и намного до уровня атакуемого

[1] Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4: Вторая мировая война: док. и материалы. – М., 2005. С. 01.

[2] https://rg.ru/2016/06/16/rodina-sssr-germaniya.html.

противника не дотягивали. Мало того, некоторые дотошные нынешние знатоки военной истории даже усугубляют ситуацию, убедительно, на мой взгляд, доказывая, что немецкие танки, и без того относительно советских малочисленные, были изрядно изношены во время победных маршей по европейским странам, да и по своим технико-тактическим характеристикам уступали советским. Примерно то же можно было сказать и о самолетах, пушках. Сами немцы, впрочем, так не считали[3].

Конечно, не техникой единой определяется боеспособность вооруженных сил: не меньшее (даже и большее) значение имеют выучка солдат, опыт и мастерство командиров, уровень организации войск, моральный дух армии. По этим показателям армия вторжения, безусловно, превосходила силы защитников советской границы. Стремясь представить коллизию более наглядно, М.И.Мельтюхов цитирует своего коллегу А.В.Шубина: дескать, «с Запада на Восток с большой скоростью двигалось плотное тело. С Востока не торопясь выдвигалась более массивная, но более рыхлая глыба, масса которой нарастала, но недостаточно быстрыми темпами».

Что значит «более рыхлая»? Об этом много писали разные авторы: прежде всего – плохая оперативная связь или полное ее отсутствие между воинскими соединениями, частями, даже подразделениями; отсутствие навыка, а в данном случае и технической возможности действовать согласованно: организовать совместную оборону, опираться на взаимную поддержку. Командиры не знали общей обстановки, не располагали сведениями о соседях, не имели возможности координировать боевые действия даже на малых участках фронта. Каждому пришлось воевать, по сути, в одиночку: либо, выражаясь упрощенно, до последнего патрона оборонять свой окоп, чтобы потом и умереть в нем, либо, видя безнадежность ситуации, отступить – без приказа и с непредсказуемыми последствиями. Было и то, и другое; был и третий вариант – плен. Количество красноармейцев, попавших в плен в первые дни войны, ошеломляет. Точной цифры нет, версии предлагаются разные, но во всех случаях цифры семизначные, так что можно предположить, что в плену оказалась половина, а то и больше половины тех, кто был поставлен защищать от вражеского нашествия нашу западную границу. В общем, как и предвидели гитлеровские стратеги, «колосс на глиняных ногах» начал разваливаться уже при первом ударе.

И все-таки – была ли настолько беспомощна Красная Армия на рубеже столкновения с вермахтом, как убеждают нас нынешние военные историки? Бессмысленно, по-моему, искать новые цифры и все еще неведомые науке факты из рассекреченных источников: главное уже давно обнародовано и обсуждено; не могу даже представить себе, какие еще невероятные подробности могли бы сколь-нибудь заметно повлиять на общую картину тех событий. Поэтому приведу лишь свидетельство очевидца, в котором тоже нет ничего неожиданного, однако, по-моему, достаточно хорошо просматривается ключ к разгадке.

Василий Ефимович Субботин, писатель-фронтовик, участвовавший в штурме рейхстага, автор очень знаменитой в свое время книги «Как кончаются войны» (1965), встретил войну двадцатилетним: он служил башенным стрелком среднего танка, и его подразделение в момент начала войны стояло на самой границе.

«В тот день, – вспоминал ветеран десятилетия спустя, – *мы стояли тогда на окраине, в казармах города Броды, в которых до нас размещались польские уланы, – утром, когда еще не встало солнце, нас поднял с кроватей возглас дежурного: «Тревога!» Накручивая портянки, еще не проснувшись окончательно, мы никак не могли сообразить, почему нас разбудили так рано, да еще к тому же в воскресенье. Никаких тревог в воскресенье вроде бы не полагалось.*

Но когда я выскочил из казармы... я услышал пулеметную очередь и, подняв голову, увидел низко прошедший над самой крышей самолет...

Танки у нас стояли на территории городка, на стояках, и были законсервированы – гусеницы были уложены на броню, а пулеметы вынуты из шаровых установок, перенесены в казармы и тоже были густо покрыты смазкой.

Потом началось отступление»[4].

Можно понять жителей глубокого тыла, которые в погожий воскресный летний денек отправились кто в парк, кто в лес, кто на пляж, а возвратились – и мир уже не тот, жизнь непоправимо раскололась на «до» и «после». Но тут ведь, в приграничных Бродах, – линия соприкосновения с противником, передний край, а у них танки на стояках, гусеницы сняты, пулеметы «густо покрыты смазкой». Разгильдяйство? Можно сказать и так, но очевиднее и важнее другое: войну ждали в принципе, но не в этот же день!

В таком состоянии пребывала тогда вся страна, и что бы изменилось в танковой роте, где служил красноармеец Субботин, если б и

---

[3] В этом легко убедиться, читая знаменитый дневник Ф.Гальдера: «У противника 400 истребителей современных типов; общее же число – 3 тыс. ... Бомбардировщиков – 1600–2000; в большинстве – устаревших типов» (27 февраля 1941 года). Подобных суждений в записях, относящихся к периоду разработки плана «Барбаросса», в дневнике много.

Генерал-полковник Франц Гальдер в описываемое время занимал пост начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта (Oberkommando des Heeres, OKH; ОКХ – в тексте русского перевода дневника даются немецкие аббревиатуры в русской транслитерации). Это один из наиболее приближенных к фюреру гитлеровских стратегов (хотя путь с Гитлером он не разделил до конца, но об этом чуть позже). Его оперативный дневник – очень подробная, нередко почасовая, а на совещаниях даже стенографическая (он владел этой техникой) запись всех событий в ближайшем окружении Гитлера. Дневник Франца Гальдера – ни с чем не сравнимый по насыщенности информацией источник, признанный всеми историками Второй мировой войны. Мне еще не раз придется к нему обращаться на следующих страницах, при этом я буду цитировать его по интернет-ресурсу: http://militera.lib.ru/db/halder/index.html, ссылаясь лишь на дату, когда была сделана запись.

[4] *Субботин В.Е.* Роман от первого лица. В 2 кн. Кн. 1: Как кончаются войны. – М., 2005. С. 27.

какая-то другая часть, направленная к границе из глубокого тыла, не двигалась еще в эшелоне к месту назначения, а уже размещалась рядом? И связь между штабами работала бы исправно? Даже и танки стояли бы на исходной позиции в полной боевой готовности? Да ничего б не изменилось: они просто не имели бы времени на организацию взаимодействия для совместного отпора.

Можно хвалить или критиковать советскую военную технику; можно как угодно оценивать уровень подготовки и моральный дух Красной Армии и ее командиров, – в любом варианте первой из причин нашей катастрофы на западной границе следует признать *внезапность* нападения: никто не сомневался, что оно случится, и, тем не менее, оно произошло, когда его не ждали! Это звучит парадоксально, даже неправдоподобно, но это факт. И с первого дня войны этот факт, в общем-то, для рядовых граждан страны в то время очевидный, использовался для объяснения разгрома Красной Армии в первые часы войны: сокрушительный удар противника застал ее врасплох, она просто не успела вступить в бой.

В радиообращении В.М.Молотова, из которого страна узнала о начале войны, нападение Германии оценено как «беспримерное в истории цивилизованных народов вероломство». В тот же день к «пастве» обратился митрополит Сергий, патриарший местоблюститель, – и он тоже говорил о внезапном нападении «фашиствующих разбойников»[5]. Тот же мотив прозвучал и в радиообращении И.В.Сталина к «братьям и сестрам» двенадцать дней спустя: «Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину...»[6] Такая трактовка начала войны, воспроизведенная на столь авторитетном уровне, стала канонической, усомниться в ней на протяжении десятилетий не решался у нас никто.

Между тем один ее аспект с самого начала должен был вызвать вопрос: почему нападение – «вероломное»? Вероломство (проверьте по любому словарю) – это не просто неожиданность, но нарушение обязательства, клятвы. Какое такое обязательство нарушили гитлеровцы? Конечно, у советских граждан лета 1941 года подобный вопрос не возникал: они-то помнили, что менее чем за два года до рокового дня, 23 августа 1939 года, в Кремле был подписан «пакт Молотова-Риббентропа» – договор о ненападении между СССР и Германией. Вот то действительно было «вероломство»! Даже Черчилль был поражен неестественностью этого альянса: «Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным». А уж каким потрясением стал этот дипломатический кульбит для советских граждан: дружба – подумать только – с фашистами, которых перед тем наша пропаганда подавала не иначе как злейших врагов человечества?! Тем не менее ни Черчилль, ни советские коммунисты не усмотрели в этом дипломатическом акте потрясения неких основ: это была достаточно понятная дипломатическая игра с учетом расстановки фигур на геополитическом пространстве предвоенной (такой она уже тогда ощущалась) Европы. То есть, я имею в виду, всерьез эту противоестественную «дружбу» никто не воспринимал, но, когда нападение совершилось, экспрессивное слово «вероломное» оказалось к месту.

Сталин в радиообращении 3 июля 1941 года даже не пытался оправдываться по этому поводу:

«Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии – если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом»[7].

Звучит вполне убедительно; однако дальше в рассуждении вождя был момент, который сегодня вызывает вопросы: «Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно вероломно нарушила пакт о ненападении... не считаясь с тем, что она будет признана во всем мире стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства». Между строк читается, что нарушение пакта было предопределено, вопрос лишь в том, кто возьмет на себя инициативу, предосудительную с точки зрения мирового общественного мнения. «Неожиданно вероломно» это сделали немцы; но разве могло быть *ожидаемо* вероломно? А ведь Сталина можно было даже и так понять, что инициативу могла взять на себя и «наша миролюбивая страна».

Коллизия загадочная, и нынешние историки трактуют ее поразному, причем всегда находят в ней повод для обвинения советского лидера. Наиболее радикальные – вслед за Виктором Суворовым-Резуном – считают, что это Сталину нужна была мировая революция и он собирался напасть, но Гитлер, разгадав коварство своего «двойника»-соперника, нанес превентивный удар. Более умеренные – в их числе цитированный выше М.И.Мельтюхов – намерение напасть приписывают обоим диктаторам, только ни тот, ни другой не

---

[5] Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4. С. 209, 211.

[6] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. – М, 1946. С. 9.

[7] Там же. С. 11.

хотели «брать на себя инициативу», ожидали оплошного шага от противника.

Самая же лояльная по отношению к Сталину версия заключается в том, что, дескать, вождь трезво оценивал возможности СССР противостоять военной машине Гитлера, самыми жестокими мерами понуждал страну наращивать военный потенциал и считал, что, возможно, к лету 1942 года желанный уровень военной мощи будет достигнут. Поэтому он нападать не собирался и даже стремился во что бы то ни стало отодвинуть начало войны, для того и «сделку с дьяволом» (тот самый пакт) решился заключить. Но при этом настолько уверовал в то, что держит ситуацию в своих руках, что ни о каких фактах, вызывающих сомнение в том, что все идет по его плану, и слышать не хотел. Не верил своим генералам, не верил разведке.

Третью версию подтвердил и В.М.Молотов – самый компетентный свидетель тех событий (но, конечно, не беспристрастный, ибо и сам их направлял), – отвечая на расспросы писателя Ф.И.Чуева тридцать лет спустя: «А с моей точки зрения, другого начала войны и быть не могло. Оттягивали, а в конце концов и прозевали, получилось неожиданно»[8]. Но, в отличие от историков, обвинявших Сталина в патологической подозрительности, – мол, разведка же ему не только о самом факте готовящегося нападения доносила, но и точные сроки сообщала, а он только отмахивался, – верный соратник Сталина и тут встал на сторону вождя: «Я считаю, что на разведчиков положиться нельзя. Надо их слушать, но надо и проверять. Разведчики могут толкнуть на такую опасную позицию, что потом не разберешься. Провокаторов там и тут не счесть <...> Когда я был Предсовнаркома, у меня полдня ежедневно уходило не чтение донесений разведки. Чего там только не было, какие только сроки не назывались! И если бы мы поддались, война могла начаться гораздо раньше»[9].

Резонно! Однако после такого разъяснения проблема не снимается, а даже усугубляется: так тщательно отслеживали события, так взвешенно оценивали информацию, а все ж «прозевали» – почему?!

Кажется, все версии разгадки этой тайны сформулированы и обсуждены, но ни одна не убеждает: все они какие-то зыбкие, основанные на предположениях и допущениях, с которыми можно согласиться, но можно и не согласиться.

Но почему никто не задумывается о том, что *внезапность нападения* была ключевым моментом стратегии блицкрига, «молниеносной войны», которая, в свою очередь, составляла основу плана «Барбаросса»? Это ж лежит на поверхности!

Возможно, дело в том, что самый этот план в нашей стране всегда и безоговорочно считался авантюрным, а если так – что тут обсуждать? Есть легенда, будто копию этого документа, настолько секретного, что даже не все из ближайшего окружения фюрера были с ним ознакомлены, сумела раздобыть группа Яна Черняка (того самого, что послужил Юлиану Семенову одним из прототипов Исаева-Штирлица), и ее передали Сталину. Очевидно, гитлеровский план показался вождю настолько безумным, что он не принял его всерьез – посчитал, что это очередная провокация.

И даже в энциклопедии «Великая Отечественная война», подытожившей изыскания советских историков о войне к 40-летию Победы, о пресловутом плане говорится пренебрежительно: «В плане “Б.” наглядно проявился характерный для политич. и воен. руководства фаш. Германии крайний авантюризм, что было подтверждено дальнейшим ходом истории»[10].

И постсоветская историография не проявила особого интереса к этому провалившемуся прожекту зарвавшихся вояк.

Между тем план «Барбаросса», в разработке которого участвовали самые опытные генералы вермахта (Гальдер, Кейтель, Браухич, Паулюс и др)., не был ни безумным, ни авантюрным. Он был, как сказали бы сегодня, креативным, оттого неожиданным, нарушающим канонические представления о правилах ведения войны. И в то же время вызывающе дерзким. Конечно, предполагал долю риска: при проведении беспрецедентной по масштабу операции что-то могло не состыковаться (и отдельные такие случаи, как говорится, имели место). Но кто ж выигрывал сражения и войны, не отваживаясь на риск? Однако безответственной надежды на удачу – русские сказали бы: на авось – в их разработке точно не было: только строгий расчет, только наверняка.

Создатели плана опирались на успешный (если отвлечься от морального аспекта) опыт покорения Европы менее чем за два года (если традиционно вести отсчет от 1 сентября 1939-го). При этом Польша сопротивлялась 27 дней, Франция – почти полтора месяца, Бельгия – чуть больше половины месяца, а для Дании немцам хватило шести часов. И так далее[11].

Гитлеровские стратеги продуманно готовили армию вторжения, добиваясь ее полного и безоговорочного превосходства по всем параметрам над армией противника. А чтобы ее мощь сработала наверняка и при минимальных потерях, они положили в основу плана «Барбаросса» технологию *блицкрига*, теоретически обоснованную еще в начале XX века прусским фельдмаршалом фон Шлиффеном, но впервые – и с большим успехом! – примененную на практике ими самими при нападении на Польшу в 1939-м и на Францию в 1940 году.

Причем нет оснований утверждать, что пойти на «авантюру» блицкрига в войне против

[8] *Чуев Ф.И.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф.Чуева. – М.: ТЕРРА, 1991. С. 31.

[9] Там же. С.31–32.

[10] Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. С. 78.

[11] См.: https://big-rostov.ru/eto-nadoznat-skolko-protiv-fashistov-derzhalis-strany-evropy/

СССР гитлеровских стратегов побудила пьянящая эйфория только что одержанных побед: это было основательно продуманное решение с учетом особенностей той обстановки, что сложилась вокруг Германии (в первую очередь, конечно, благодаря ее действиям) на втором году Второй мировой войны.

Почему, спросит читатель, я так настойчиво твержу, что к плану «Барбаросса» и блицкригу как способу его осуществления нужно относиться не как к авантюре, а как к неординарному стратегическому решению, достойному высокой репутации немецкой полководческой школы? Сразу подчеркну: разумеется, не для того, чтобы хоть в какой-то мере обелить преступный замысел и его творцов. Я делаю это по иным причинам. Одну из них считаю «попутной» и второстепенной, но все же назову: не много чести одолеть зазнавшегося, зарвавшегося, неадекватного в своем самодовольстве врага, и совсем другое дело – победить умного, расчетливого, изощренного в своем губительном искусстве противника.

И все же главное – в другом: понимание того обстоятельства, что план «Барбаросса» – не авантюра, а тщательно, с учетом всех сложившихся к тому времени в Европе и мире условий, во всеоружии самой продвинутой военной науки разработанная инструкция вермахту и всем завязанным на него службам милитаризованного государства по проведению скоротечной военной кампании против СССР, позволяет, на мой взгляд, иначе, нежели это принято с советских времен, воспринимать и всю историю «дружбы»-вражды Советского Союза с Германией в межвоенный период, и мотивы нападения гитлеровского рейха на нашу страну, и сам ход боевых действий в первые месяцы Великой Отечественной войны. Эти, скажем так, нюансы представляются мне очень важными для понимания той роли, которую сыграла в изменении хода событий от сокрушительного поражения к решительной и безоговорочной победе «операция, равная величайшим битвам» – эвакуация.

Лозунги и прагматика

Сообщение Молотова о нападении гитлеровской Германии на СССР вызвало у советских людей целую гамму сильных чувств, но не было среди этих чувств удивления: репутация разбойного режима была к тому времени всем хорошо известна. Уже на пятый день войны на перроне Белорусского вокзала прозвучала знаменитая песня, где были слова: «Дадим отпор душителям / Всех пламенных идей, / Насильникам, грабителям, / Мучителям людей», – и эти слова можно трактовать как объяснение ситуации, понятное всем.

По сути, такое же объяснение содержалось и в радиообращении Сталина 3 июля 1941 года:

«Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов»[12].

Когда читаешь сейчас этот текст на бумаге, бросаются в глаза полемические вольности, допущенные вождем в духоподъемном обращении к народу. Ну, не было у Гитлера – даже в форме «а что, если бы» – варианта с «восстановлением царизма». И помещиков он не собирался возвращать: как это ни парадоксально, его больше устраивали колхозы. Также не припомню, чтобы он где-то высказывался и по поводу этнического многообразия населения СССР: для него все мы были «русские» – дикие азиаты, претерпевшие некие исторические трансформации, которые он в своем «арийском» высокомерии оценивал очень невысоко[13]. Добавлю, что ни в советско-германских документах, предшествовавших катастрофе, ни в радиообращении фюрера к немецкому народу и своим единомышленникам национал-социалистам в день нападения на СССР не было и намека на те цели, которые советский вождь приписывал агрессору, выступая по радио 3 июля 1941 года.

Но Сталина можно понять: шел всего двенадцатый день войны, а уже далеко «за шеломянем» остались республики советской тогда Прибалтики, 28 июня был сдан Минск, вот-вот волна нашествия должна была докатиться до Смоленска – и никто в мире в тот момент не мог сказать хотя бы предположительно, какая сила и на каком рубеже остановит эту коричневую лаву. Тут логические аргументы отходили на задний план: чтобы заручиться доверием слушателей, Сталину пришлось обращаться не столько к их разуму, сколько к эмоциям и, прежде всего, к стереотипам мироощущения, сформированным отчасти советской пропагандой послереволюционных десятилетий, но имеющим более глубокие исторические корни. Тем объясняется и его апелляция к национальному самосознанию (ведь не объединил он народы одним обобщающим понятием, а уважительно каждый назвал по отдельности!) А четыре месяца спустя – на легендарном параде 7 ноября – он в силу той же логики поименно вспомнил самых известных защитников Отечества прошлых столетий: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского,

---

[12] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 13.

[13] Какие именно трансформации, Гитлер объяснил еще в «Mein Kampf»: всеми своими достижениями в прошлом «Россия обязана была германским элементам <...> В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи». (Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4. С. 9).

Александра Суворова, Михаила Кутузова!»

Пожалуй, только насчет «захвата наших земель, политых нашим потом, захвата нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом» Сталин ничего не придумал. Он, конечно, не мог читать дневник Гальдера (он будет издан десятилетия спустя), где на этот счет есть недвусмысленные свидетельства[14], однако маниакальную идею завоевания «Lebensraum» («жизненного пространства») для германцев – «высшей расы» – Гитлер отнюдь не держал в секрете. Она была «обоснована» им еще в «Mein Kampf» (книга впервые издана в 1925 году), вокруг нее сплачивались толпы маргиналов, превратившиеся в результате демократических (!) выборов 1933 года в правящую партию страны великих философов, поэтов и музыкантов.

«Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе, – вещал будущий фюрер в своем программном сочинении. – Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Сама судьба указует нам перстом»[15].

Это ведь говорилось не в секретных документах, адресованных узкому кругу подельников, а в книге, которая в Германии 1930-х годов издавалась миллионными тиражами, переводилась на другие языки.

Особо подчеркну, что в этом «священном писании» национал-социализма нашли концентрированное выражение не только безбашенный расизм и оголтелый антисемитизм, но и антибольшевизм похлеще чубайсовского. Уже там утверждался «факт», «что правители современной России это – запятнавшие себя кровью низкие преступники, это – накипь человеческая»; «чтобы провести успешную борьбу против еврейских попыток большевизации всего мира, мы должны...» и т. п. И как эту риторику должен был воспринимать «главный большевик»?

А может, прагматик Сталин воспринимал ее как извинительные «грехи молодости» начинающего политика и не придавал ей значения, общаясь уже не с зачинщиком «пивного путча» в Мюнхене, а с лидером ведущей европейской державы? Нет, заблуждаться настолько он не мог: книга Гитлера, по сути, была изложением его политической программы, с которой нацистская партия прорвалась в рейхстаг, а ее идеолог был продвинут в канцлеры. Миллионные тиражи появились как раз после того (и вследствие того), как канцлер стал «фюрером». Вот тогда книга Гитлера стала политическим бестселлером во всей Европе, а в 1933 году она была переведена и на русский язык и издана, как утверждают державшие в руках то издание историки, в полиграфическом отношении очень хорошо (возможно, ее печатали в Германии), но микроскопическим тиражом – только для партийной верхушки. В личной библиотеке Сталина она, разумеется, была, и пометки на полях свидетельствуют, что советский вождь читал ее с карандашом в руках.

В таком случае, чем объяснить тесное сотрудничество между СССР и гитлеровской Германией, которое вызывает сегодня так много спекуляций? Думаю, ответ на этот вопрос достаточно очевиден: сама международная обстановка того времени принуждала непримиримых врагов искать помощи друг у друга.

Позицию Сталина убедительно, на мой взгляд, объяснил профессор МГИМО(У) А.Ю.Борисов: «Если говорить о сталинской стратегии в межвоенные годы, то она заключалось в одном слове "выжить" во враждебном капиталистическом окружении и обеспечить благоприятные внешние условия для индустриализации страны в кратчайшие исторические сроки ценой напряжения и перенапряжения всех сил народа. Что касается враждебного окружения, то оно не могло быть другим, так как крупнейшая и самодостаточная держава мира с колоссальной ресурсной базой противопоставила себя всем остальным под лозунгом национализации "священной частной собственности" и реорганизации всей социальной и экономической жизни на государственных, антирыночных началах. Выжить и устоять в таких условиях было поистине сверхзадачей, учитывая сложную динамику международной жизни в период после Версальского мирного урегулирования, что предполагало отчаянное дипломатическое маневрирование и рискованную игру на противоречиях империалистических держав»[16].

Что же касается Гитлера, то надо, прежде всего, подчеркнуть, что это не он инициировал налаживание отношений с Москвой и не с ним поначалу имел дело Сталин. Еще в апреле 1926 года между Германией («Веймарской республикой») и СССР был подписан в Берлине договор о том, что две эти страны «будут и впредь поддерживать дружественный контакт с целью достижения согласования всех вопросов политического и экономического свойства, касающихся совместно обеих стран». Пять лет спустя (опять-таки еще до Гитлера) Берлинский договор был пролонгирован. А Гитлер, придя к власти, несмотря на свою агрессивную антибольшевистскую риторику, денонсировать его не стал – из прагматических соображений: на первых порах ему было важно продемонстрировать миролюбие во внешней политике. В то время гитлеровская дипломатия стремилась выстроить на

---

[14] Здесь я, в частности, имею в виду запись, сделанную 17 марта 1941 года: «[Высказывания Гитлера] о тыловых районах: В Северной России, которая будет передана Финляндии, никаких трудностей. Прибалтийские государства отойдут к нам со своим местным самоуправлением. Русины будут нас приветствовать (Франк); Украина – неизвестно; донские казаки – неизвестно. Мы должны создать свободные от коммунизма республики. Насажденная Сталиным интеллигенция должна быть уничтожена. Руководящий аппарат русского государства должен быть сломан».

[15] Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4. С. 8.

[16] Великая Победа: в 15 т. Т. IX. Сталин в годы войны. – М., 2015. С. 8.

двусторонней основе внешне дружественные отношения как можно с большим количеством стран, не особо заботясь о том, насколько лояльно они относятся к переменам, происходящим в Германии. Для рейха важно было связать их договорными обязательствами с Берлином, чтобы затем, дергая за эти ниточки, не допустить создания альянсов между ними. В результате таких манипуляций[17] Германии быстро удалось достигнуть такого положения, когда она смогла безнаказанно нарушать ограничения, наложенные на нее Версальским договором, а потом и вовсе денонсировать его.

Здесь, я думаю, важно обратить внимание на ключевую роль, которую сыграл тот договор в период между двумя мировыми войнами. По замыслу «подписантов», он должен был стабилизировать политическую обстановку в послевоенной Европе, юридически закрепив «справедливый» международный порядок; но представления о справедливости у победителей и побежденных радикально не совпадали. Тогдашние немцы не считали себя более виновными в развязывании войны, нежели их победители, а расплачиваться за общие грехи заставили только их. Причем расплачиваться принуждали по «тарифам» и несправедливым, с их точки зрения, и непосильным. Так что чувствовали себя граждане Германии не только побежденными, но и униженными.

Чувство национального унижения – благоприятная психологическая почва для зарождения и развития в обществе радикальных националистических настроений. Именно такими настроениями и питался на ранней своей стадии германский национал-социализм. Ими и была проникнута книга «Mein Kampf».

Историк В.И.Дашичев убедительно показал[18], что в «своей борьбе» за власть в Германии Гитлер ничего принципиально нового не предлагал, а только *напоминал*; между тем обращение к исторической памяти, как правило, действенней новых лозунгов, в том секрет популизма. Фюрер завоевывал расположение немецкого обывателя, униженного Версальским договором, апеллируя к миражам национального менталитета, отражавшим настроения до Первой мировой войны, когда Германия впервые возомнила, что «право имеет». Расширение «жизненного пространства» и ресурсной базы за счет Российской империи – прожект тоже, оказывается, еще из тех времен, когда никаких «пламенных идей» на российской почве не проросло. Уловка фюрера была проста: униженный народ «поведется» на обещание сделать его снова великим. Чтобы образ величия был узнаваемым, кандидату в вожди понадобилось реанимировать имперские амбиции кайзеровских времен.

А что касается «пламенных идей» – они, в чем легко убедиться, нисколько не мешали Гитлеру налаживать сотрудничество с СССР в 1930-е годы[19]. Правда, нельзя сказать, что он от неприятия их хотя бы временно, из дипломатических соображений, отказался: напоминание об опасности «коммунизма» помогало ему интриговать в отношениях с ведущими европейскими державами, чтоб не допустить их сговора с Советским Союзом. По-настоящему же «душителем» этих идей фюрер заявил себя лишь после поражения под Москвой, когда стало очевидно, что «план Барбаросса» провалился и нужно заново объяснять если не доверившейся ему «массе» (поскольку «за нее думает фюрер»), так хотя бы генералитету, зачем он двинул свое воинство в эти бескрайние, холодные и враждебные просторы. Вот тогда-то Гитлер и заявил себя смертельным врагом большевизма. И он по-своему был прав, ибо вовсе не российские просторы, осеннее бездорожье и ранние морозы провалили так хорошо спланированный блицкриг, а именно организация «большевиками» отпора агрессору (но об этом речь впереди).

Итак, получается, что два государства-изгоя искали поддержки друг у друга в мире, еще не пришедшем в состояние стабильности после мировой войны. Хоть были они «смертельными» антагонистами, но из прагматических соображений отодвинули свои идейные разногласия далеко на задний план (что вовсе не предполагало примирения) и наладили деловое сотрудничество даже в столь не подходящих для «дружбы» антагонистов сферах, как военная промышленность и подготовка военных кадров. Сотрудничество это оказалось очень успешным. «Изгой» по версальской версии превратился в «гегемона», который уже с середины тридцатых стал определять «повестку дня» на европейском континенте. И «большевистская Россия» вышла в фавориты европейской политической игры, но в силу других причин: выломившись из общего порядка, она никому не стала «своей», никто не держал ее за стратегического партнера, но каждый опасался, что она, со своей растущей военной мощью, может из прагматических соображений вступить в сговор с противником, и старался правдами и неправдами привлечь ее на свою сторону, заручиться «в случае чего» ее поддержкой. И никакой идеологии.

«Гегемон» играет бицепсами

А мир в тогдашней Европе был непрочен, ибо все ощущали зыбкость «версальского порядка». Пушки не стреляли, но затишье больше походило на временную передышку, нежели на стабильное мироустройство. (Сегодня даже существует мнение, будто не было двух мировых войн: война была

[17] О них подробно рассказывает историк Н.В.Павлов в статье «Внешняя политика третьего рейха (1933–1945)» (https://mgimo.ru/files/210929/III_reich.pdf).

[18] См.: *Дашичев В.И.* Политика и стратегия Германии накануне Второй мировой войны (1938–1939 гг). / Великая Победа: в 15 т. Т. II. Вставай, страна огромная. – М., 2015.

[19] Публицист Д.В.Калюжный, полемизируя с историками и публицистами, которые упрекают нынче Советский Союз (Сталина, конечно, в первую очередь) в том, что он много сделал для возрождения германского милитаризма, вполне убедительно, на мой взгляд, доказывает, что в значительно большей степени немцы помогли создать оборонную промышленность СССР (https://zen.yandex.ru/media/kadmiy/kto-kogo-voorujal-v-1930e-gody-5d0df4d9b34feb00af5ded13).

одна, но с двадцатилетней паузой между двумя активными фазами). Все опасались, что какой-нибудь малый толчок может непоправимо дестабилизировать ситуацию. Откуда он последует, никто не знал наверняка.

Небольшие страны – осколки развалившихся империй – не в счет, им бы выжить. Начинать войну было также не в интересах держав-победительниц Франции и Англии, ибо послевоенный мир был скроен как раз по их лекалам.

Была ли под подозрением «большевистская Россия»? Конечно, но не больше, чем все остальные. Советский Союз стремился к идейной гегемонии – было бы нелепо отрицать очевидное. Более того, в нем таился и даже культивировался агрессивный «вирус» неуважения к власти капитала и традиционным буржуазным ценностям, который распространялся через Коминтерн, направляемый из Москвы, так что всей Европе хотелось так или иначе купировать этот рассадник социального безумия. Но военный конфликт был Советскому Союзу не нужен – хотя бы потому, что он к нему не был готов. В Европе это, в общем-то понимали и, пусть в свой круг «самопровозглашенное» «государство рабочих и крестьян» пускали неохотно, пренебрегать таким источником сырья и рынком сбыта считали непрактичным, так что они обменивались с СССР дипломатическими миссиями и торговали.

Ситуация с Германией для Европы была, пожалуй, понятней: «священной собственности» диктатура не отвергала, аристократическую приставку «von» при уважаемых фамилиях не упраздняла, а что касается усмирения демократической стихии силами жесткого порядка, так поначалу это у многих даже вызывало сочувствие. Порядок способствовал быстрому экономическому росту, а растущая экономика всегда – хороший торговый партнер. Когда же «экономический акселерат» начал распирать изнутри рамки, в которые был заключен Версальским договором, европейские политики предпочли с ним не ссориться, чтобы ненароком не нарушить зыбкое европейское равновесие; с другой стороны, им хотелось бы, чтобы рьяный устроитель жесткого порядка у себя дома помог навести порядок и во всей Европе, ликвидировав опасный очаг «вируса» большевизма.

А Гитлер заявил о намерении расширить «жизненное пространство» для своей «арийской» нации еще в «Mein Kampf», причем раздвигать якобы тесные границы рейха собирался на восток – а куда ж еще? Но выражение «Drang nach Osten» не он придумал, оно появилось еще в средние века, а сама идея приписывается Фридриху I Барбаросса, жившему в XII веке (отсюда и название пресловутого плана «молниеносной войны»). Идею захвата земель, населенных «расово неполноценными» народами, Гитлер отнюдь не оставил, став «фюрером». Напротив, вообразил, что теперь-то и достиг статуса, который дает ему возможность исполнить «историческую миссию». Но не сразу: осмотрительность не была ему чужда, иначе его режим не продержался бы двенадцать лет.

В беседе с Германом Раушнингом, бывшим нацистским деятелем и будущим автором книги «Разговоры с Гитлером», он заявил о намерении продвигаться к своим целям «постепенно, шаг за шагом, так, чтобы никто не мог помешать нашему продвижению». И тут же оговорился: «Каким образом все это получится, я еще не знаю»[20]. Разговор случился в середине 1930-х. Но «постепенно» не значит медленно; «шагал» Гитлер быстро, торопясь осуществить очередную авантюру до того, как европейская общественность разгадает его маневр и попытается воспрепятствовать. Потому всё у него до поры получалось.

Первым его шагом было – преодолеть предписанную Версальским договором государственную немочь. С момента прихода к власти он дал понять, что не намерен строго следовать требованиям этого документа, а в марте 1935 года Германия (уже не слабосильная Веймарская республика, а грозный рейх) не только в одностороннем порядке денонсировала – нет, разорвала, растоптала! – Версальский договор, но и отбросила какие бы то ни было моральные ограничения, признавая в отношениях между государствами только право силы и не видя во всем мире храбреца, способного оспорить у нее это право.

Европейские партнеры ее уже не остерегались, а откровенно боялись и во всем ей уступали. Это позволило Германии в обстановке внешне мирной, хотя при демонстративном участии крупных армейских соединений, сделать значительные территориальные, а вместе с ними военно-производственные приобретения: Саар, Австрия, Судеты, а вслед за тем и вся Чехословакия. Дело было, однако, не столько в расширении территории рейха, сколько в накачивании мускулов. Вот характерный пример. Захват Судетской области Чехословакии (а это была еще не война, а лишь «разминка» перед ней!) позволил Германии завладеть богатым военно-промышленным потенциалом одной из самых индустриально развитых стран Европы. Историк Н.В.Павлов комментирует: «Промышленность Чехословакии, в том числе и военная, была одной из самых развитых в Европе. Заводы «Шкода» с момента Германской оккупации до начала войны с Польшей произвели почти столько же военной продукции, сколько произвела за тот же период вся военная промышленность Великобритании. Чехословакия была одним из ведущих мировых экспортеров оружия»[21]. Ресурсы, пригодные для усиления своей военной мощи, Германия в изобилии находила и в других покоренных ею странах.

Проводя эти аншлюсы и аннексии, гитлеровская Германия пристально следила за реакцией столпов европейской политики: «экспериментально» выясняла границы дозволенного. Но тако-

[20] Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4. С. 10.

[21] *Н.В.Павлов*. Цит. соч. С. 13.

вые не обнаруживались, и, значит, можно было «шагать» дальше.

Сам фюрер признавался в беседе с Раушнингом, что «борьба с Версальским договором – это только средство, а не цель моей политики». Думаю, он не лукавил: его амбиции были неизмеримо масштабней. Но какую именно цель он имел в виду – расширение «жизненного пространства» за счет России? Это казалось логичным, и Раушнинг прямо у него об этом спросил. Гитлер возражать не стал, но ответил уклончиво: «Советская Россия – это очень трудно. Вряд ли я смогу с нее начать».

Как видите, в том, что это случится, он сомнений не оставлял, но – как-нибудь потом. Почему ж не сразу? Он опасался, что в такой конфликт может вмешаться «Запад», те самые версальские обидчики, – не ради того, конечно, чтоб защитить Россию, а чтобы сломить Германию, извечную соперницу. Тем диктовался его следующий шаг: устранить «угрозу с Запада». Раушнинг был поражен: «"Вы всерьез собираетесь выступить против западных государств?" – спросил я. Гитлер встал как вкопанный. "А зачем же мы вооружаемся?"»

Установить контроль над всей Европой, лишь бряцая оружием, было невозможно, да фюрер к тому и не стремился. Возрождение воинственных имперских амбиций после поражения в Первой мировой войне было стержнем его программы, когда он рвался к власти, поэтому в генералах, недовоевавших в Первую мировую, он видел главную опору своего режима. Генералы же его поддержали (при всех сомнениях и оговорках) по той причине, что ощутили: приходит их время. Между тем ожидание большой «работы», к которой они чувствовали свое призвание, затягивалось, и они уже изнывали от безделья, как боевые кони в стойлах. Для начала большой войны не хватало лишь повода – ну, так нацисты создали и повод, устроив провокацию на границе с Польшей. Эту страну, впрочем, Гитлер серьезным противником не считал: «Я могу разделить Польшу в любое удобное для меня время и любым способом», – похвалялся он, разговаривая с Раушнингом. Не много лет прошло, и подтвердилось, что это было не пустое бахвальство: счел время подходящим – и Польши не стало. При этом, однако, произошла та дестабилизация геополитической системы, которой Европа так боялась. Балансировать больше не было возможности, и Франция с Англией, связанные с Польшей договором, объявили Германии войну.

По сути, декларация этих стран об объявлении войны Германии была подарком Гитлеру: ему давно был нужен хороший повод, чтобы поквитаться с версальскими обидчиками и еще убедительнее подтвердить свой имидж «фюрера арийской нации». Тем более что, объявив войну агрессору, противники откровенно его побаивались и не торопились нападать. Их нерешительность была Гитлеру на руку: он трезво понимал, что если они объединят усилия, то вдвоем окажутся сильнее Германии, и вел политическую интригу таким образом, чтобы расправиться с ними поодиночке. Тем объясняется «странная война» (как ее по сей день называют историки): немецкие субмарины – «морские волки Гитлера» – пиратствовали на море, Англия и Франция, обладая несравненно более сильными военными флотами, почему-то вяло им противостояли. А на суше ничего примечательного не происходило. С обеих сторон немного постреливали, но друг на друга не нападали: «никто не хотел умирать».

И когда западные «контрагенты» окончательно «расслабились», адаптировались к сравнительно комфортному состоянию войны без войны, немцы нанесли внезапный и сокрушительный удар по Франции.

Кстати, в этой скоротечной войне Гитлер получил важную преференцию для себя лично: удачно поддержав почти авантюрный, однако приведший к блестящей победе стратегический план Манштейна (удар через Арденны), против которого благоразумно возражали более опытные и рангом повыше военачальники, он сам еще больше поверил в свою интуицию и, что называется, утер нос своим самонадеянным генералам – заставил их внимательнее прислушиваться к себе. С той поры эти потомственные военачальники, гордившиеся своей профессиональной репутацией и свысока поглядывавшие на ефрейтора Первой мировой Гитлера, стали охотней поддерживать его авантюры.

Так или иначе, французская армия, которая, по оценке экспертов, была в то время сильней немецкой, потерпела сокрушительное поражение, и маршал Петэн, герой Первой мировой войны, запросил мира. Но Гитлер согласился лишь на перемирие, ибо считал, что, оставшись без своего главного союзника, Англия тоже не замедлит капитулировать. Тогда мир будет подписан сразу с обоими обидчиками на его, Гитлера, условиях. Получится нечто вроде «Версаля наоборот».

Однако и подписание перемирия (оно состоялось 22 июня 1940 года; эта дата никаких ассоциаций тогда еще не вызывала) было обставлено театрально: по приказу Гитлера на станцию Ретонд в Компьенском лесу был доставлен тот самый железнодорожный вагон-салон, в котором 11 ноября 1918 г. немецкая делегация подписывала договор о перемирии с державами Антанты под их диктовку[22]. Фюрер успешно вживался в им же самим придуманную роль: начинал раскручивать маховик истории в обратном направлении.

В скорой капитуляции Англии Гитлер не сомневался, но на этот раз интуиция его подвела. Тогдашний советский посол в Лондоне И.М.Майский вспоминал позже

[22] *Wagon de l'Armistice* давно уже к тому времени был музейным экспонатом, в 1927 году специально для него на средства американского мецената было построено здание. По приказу Гитлера стену этого здания сломали, чтобы извлечь вагон для осуществления новой «исторической миссии». Подробнее об истории этого экспоната см.: https://pikabu.ru/story/istoriya_malenkogo_vagonchika_i_mstitelnyikh_natsistov_5423642.

в своих мемуарах, как встретили весть о падении Франции в английском парламенте. 3 июля (опускаю детали) стало окончательно ясно, что Франция выбыла из игры, а 4 июля в палате общин выступил Черчилль. «Премьер явно волновался, – вспоминает дипломат. – Депутаты слушали его, затаив дыхание. Когда Черчилль кончил, произошла сцена, которой, как говорили “старожилы” палаты, еще никогда не бывало: все члены парламента как-то сразу, повинуясь стихийному порыву, вскочили со своих мест и устроили настоящую овацию премьеру. Было видно, что у всех точно гора свалилась с плеч.

Для меня, как для посла СССР, события 3–4 июля тоже имели большое значение: они убедительно доказывали, что Англия действительно будет и дальше воевать»[23].

Упорство Англии явилось неприятным сюрпризом для Гитлера. До него начало доходить, что расправиться с ней, как с Францией, одним ударом, увы, не получится. Во-первых, она у себя на островах – как в неприступной цитадели: ширина Ла-Манша – около 240 километров, которые контролируются самым мощным в мире военно-морским флотом и авиацией, которая не слабее германской. Как под огнем противника переправить туда армию вторжения (по расчетам требовалось не менее 40 дивизий)? Во-вторых, Англия[24] вовсе не была просто островом у западного побережья Европы[25], но метрополией гигантской и мощной империи, над которой, по известному присловью, «никогда не заходило солнце», и население ее составляло четверть всех жителей планеты. Вступать с ней в единоборство для Третьего рейха было чистым безумием, но отступить перед ее силой значило бы, что все его претензии на мировую гегемонию – чистое бахвальство и на самом деле «Deutschland, Deutschland» вовсе не «über alles, / Über alles in der Welt» – не констатация бесспорного факта, а всего лишь надувание щек. При этом для Гитлера было совсем уж невыносимо, что главный версальский обидчик останется безнаказанным.

Смириться с такой «пораженческой» мыслью было непросто, и Гитлер все-таки решил применить военную силу: 16 июля 1940 года он подписал директиву о подготовке операции «Морской лев» – о вторжении германской армии на Британские острова. Генеральный штаб гитлеровского верховного командования (Oberkommando der Wehrmacht, OKW; ОКВ) занялся ее планированием, к ней основательно готовили «матчасть», даже была назначена дата вторжения – 15 сентября 1940 года.

Насколько большое значение гитлеровская верхушка и сам фюрер придавали этой операции, можно судить па записям в цитированном выше дневнике Гальдера в сентябре-октябре 1940 года. «Успешный десант с последующей оккупацией Англии приведет к быстрому окончанию войны. Англия умрет с голоду»; «Шансы на то, что удастся провести тотальный разгром Англии, очень велики. Результаты нашего воздействия на Англию потрясающи», – стенографирует Гальдер рассуждения Гитлера 11 сентября.

Примерно за неделю до вторжения германские люфтваффе начали массированные бомбардировки Лондона. Эту знаменитую акцию историки Второй мировой войны называют «большой блиц» (*the blitz* по-английски – бомбардировка). От 300 до 500 самолетов еженощно сбрасывали на британскую столицу до тысячи, а то и больше тысячи тонн бомб. Вы, может, подумаете, что это была подготовка к вторжению? Но в этом случае зачищали бы бомбежками от обороняющих сил место, куда планируется высадить десант, а какой безумец стал бы высаживать армию вторжения прямо в столицу? А может, немцы проводили отвлекающий маневр: здесь паника, а там высаживаются? Но и этого не было, ибо десант на самом деле не готовился! Для вооруженного броска через Ла-Манш, как рассчитали в германских штабах, не хватало ни десантных судов, ни авиации прикрытия, и операцию «Морской лев» отодвинули на неопределенное время. Так что правдоподобным остается один мотив: «наказать», заявить о своей безжалостной мощи. Дескать, смиритесь и приходите с повинной. Но – нет, не пришли.

Уже больше месяца продолжался «большой блиц», налеты совершались с немецкой пунктуальностью, англичане к ним даже в известной мере приспособились[26], но при этом все тверже укреплялись в запоздалом, увы, но единственно правильном убеждении, что государству, вставшему на путь террора, ни в коем случае нельзя потакать, уступая его требованиям. Для гитлеровских стратегов становилось все более очевидным, что англичане сдаваться не намерены, а попытки добиться капитуляции ненавистной страны посредством террора обходятся, как говорится, себе дороже – немецких самолетов над Ла-Маншем погибало чуть ли не вдвое больше, чем английских.

По этой причине начало операции «Морской лев» военачальники рейха поначалу несколько раз отодвигали на неопределенное время, а 12 октября 1940 года в дневнике Гальдера появилась запись: «ОКВ приняло решение об отказе от операции “Морской

---

[23] *Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата. 1925–1945. – М., 1987. С. 513.

[24] Нынче ее принято называть Великобританией или Соединенным Королевством (United Kingdom), что, очевидно, больше соответствует геополитическим реалиям; но в официальных документах и других источниках периода Второй мировой войны ее, как правило, называли просто Англией. Следовать здесь этой традиции не только проще, но и исторически достовернее.

[25] Кстати, он совсем не маленький, как представляется тем, кто судит о земных расстояниях и площадях по школьным географическим картам: проекция шаровой поверхности на плоскость бумажного листа более или менее адекватно отражает масштаб страны, которая находится в середине карты, но уменьшает масштаб стран, которые оказываются на том или ином краю листа. На самом деле, территория Британских островов почти равна, например, территории Италии, при том, что на английских картах Италия выглядит, наверно, гораздо меньшей, нежели Англия.

[26] «У них был 9-часовой “рабочий” день, и они строго его соблюдали», – пишет И.М.Майский (С. 535). Эта пунктуальность помогла англичанам приспособиться к налетам, перестроив в соответствии с их расписанием график своей жизни, что помогало снизить число жертв.

лев"». И через день: «Свертывание операции "Морской лев" и прекращение работ по улучшению судов для десанта». Но «большой блиц» продолжили – возможно, для маскировки этого отказа, а то и просто от бессильной ярости. Только перекинулись с Лондона на другие промышленные города Англии: тысячи бомб все так же каждую ночь обрушивались на Белфаст, Бирмингем, Ковентри, Ливерпуль... Разрушений и жертв было много, но цель не приблизилась ни на йоту.

Тем не менее, вопреки очевидности, фюрер убеждал своих приближенных, что «война (имеется в виду война с Англией. – В. Л). выиграна; доведение ее до полной победы – лишь вопрос времени» (запись в дневнике Гальдера 14 октября 1940 года).

Преждевременное анонсирование своих побед было характерной чертой Гитлера[27], его генералы в том не отставали, но в данном случае речь не об изъянах характера фюрера, а об оценке ситуации. Если до «полной» победы оставалось так мало, почему она не была одержана раньше? Что помешало ее добиться?

Этот вопрос обсуждался в «мозговом центре» Гитлера на следующий день (15 октября 1940 г)., и вот к какому итогу пришли берлинские «мудрецы»: «Причина стойкости Англии заключается в двойной надежде:

а. *На Америку*. Америка будет оказывать только экономическую помощь. США, переживающим большой спекулятивный ажиотаж (разрешение вопроса о рабочей силе, сбыт алюминия и моторов), фактом заключения Тройственного пакта сделано предупреждение. Беспокойство Америки перед перспективой ведения войны на два фронта.

б. *На Россию*. Эта надежда не оправдалась. Мы уже имеем на русской границе 40 дивизий. Позже будем иметь там 100 дивизий. Россия наткнется на гранитную стену. Однако невероятно, чтобы Россия сама начала с нами конфликт. "В России управляют разумные люди".

Таким образом, обе надежды Англии оказались ложными. Однако надо найти путь, с помощью которого можно было бы добиться полной победы над Англией, не прибегая к вторжению».

Не знаю, что имел в виду Гальдер, заключая фразу про разумных людей в России в кавычки, но совершенно ясны другие нюансы смысла этой записи. Американцев припугнули Тройственным пактом (Германия-Италия-Япония), и что это была не пустая угроза, станет очевидным для них после нападения японцев на Пёрл-Харбор (но это случится лишь в декабре 1941 года). Россию блокировали, но пугать пока что не стали, ее обрабатывали дипломатическими средствами: в тот же день, 15 октября, Гальдер делает запись о приглашении Молотова в Берлин. Война с Россией – на очереди, она уже не просто обдумывается, но и готовится (чему подтверждение – упомянутые 40 дивизий, а скоро будет 100), однако, судя по всему, она должна последовать за разгромом Англии.

Пока стратеги искали способ «полной победы» над Англией, бессмысленный и безнадежный «большой блиц» продолжался.

И вдруг вечером 11 мая 1941 года немецкие самолеты не прилетели – впервые за десять месяцев англичане смогли спокойно выспаться. Что случилось? Неужто Гитлер смирился с провалом своего плана – нет, своей маниакальной идеи, idée fixe! – покорить строптивых англичан?

Нет, причина иная: самолеты понадобились в другом месте. Ибо фюрер нашел «простой и гениальный» способ решить английскую проблему: надо быстренько победить Россию, и тогда доконать Англию будет гораздо проще.

2. В Лондон через Москву

Между делом…

В советские времена и сомнений не возникало: Гитлер напал на Советский Союз, потому что был одержим ненавистью к самой идее социализма и, следовательно, к первой в мире стране, приступившей к его строительству. Похоже, что в представлении советских идеологов зацикленность главного в истории человечества злодея на мысли об истреблении рассадника социалистических идей сильно поднимала акции социализма.

Историкам постсоветского времени такая мотивировка не подходит, но и предложить что-то правдоподобное в рамках нынешних парадигм не получается. Некоторые авторы ухватились за концепцию «превентивного удара», изобретенную Суворовым-Резуном, но она, как убедительно показано уже многими компетентными историками (их доводы коротко и внятно обобщил Ю.А.Никифоров[28]), основана на подлогах и передержках. Другие ищут ответ, опираясь на анализ геополитических и цивилизационных факторов, более популярных нынче, нежели «классовый подход».

И старые, и новые концепции в равной степени легко «подтверждаются» цитатами из «Mein Kampf», но – только «в принципе». Если же обратиться к ситуации, непосредственно предшествовавшей вторжению, то сразу возникает неудобный вопрос: а почему обсуждаемые факторы не мешали Гитлеру успешно сотрудничать с «большевистской Россией» на протяжении довольно длительного периода, а тут вдруг – раз! – и стало невтерпеж. Причем, казалось бы, в самое неподходящее время – когда Германия увязла в многозатратной и бесперспективной войне с Англией.

А вы не допускаете, что как раз в том и дело, что увязла и выхода не находилось?

Гитлер обращался за помощью и к итальянскому дуче (однако тот не захотел поддержать авантюру младшего по возрасту и политическому стажу, но чересчур амбициозного партнера), и к Франко (но осмотрительному каудильо в

[27] Так храбрятся иные боксеры перед боем, а потом получают нокаут.

[28] http://history.milportal.ru/sovremennye-rossijskie-istoriki-o-prichinax-vtoroj-mirovoj-vojny-i-napadenii-germanii-na-sovetskij-soyuz/

отношении Англии было выгоднее сохранить нейтралитет). Фюрер даже, представьте себе, пробовал и со Сталиным договориться! Возможно, «понарошку», для усыпления бдительности (некоторые историки считают именно так); а все же в документах запечатлено, как в ноябре 1940 года Риббентроп и сам Гитлер буквально навязывали Молотову, приглашенному ими в Берлин, так называемый «пакт четырех держав» (впрочем, таковым бы он стал, если б к нему присоединился СССР; пока же это был Тройственный пакт, подписанный Германией, Италией и Японией). Советский нарком принял предложение внешне благосклонно, но, руководствуясь строгими инструкциями Сталина, поставил заведомо неприемлемые для Гитлера условия, и сделка не состоялась[29].

И в такой вот ситуации фюреру пришла в голову «креативная» идея «вывернуть перчатку наизнанку».

Российский историк, хорошо изучивший немецкие источники, утверждает, что «многим в окружении Гитлера, особенно из числа военных, война против Советского Союза казалась “чистым безумием”»[30]. Наверно, лет за пять-шесть до того и сам фюрер счел бы ее таковой, но осенью 1940 года он воспринимал ситуацию уже иначе. Окрепшая Россия (СССР) теперь активно участвует в общеевропейском диалоге, твердо отстаивает свои интересы и как-то так получается, что все время встает поперек пути рейха – в Прибалтике, на Балканах, на границах с бывшей Австро-Венгрией. «*Россия* остается главной проблемой в Европе, – записывает Гальдер 4 ноября 1940 года, видимо, за Гитлером. И тут же добавляет фразу, в которой уже явно проступают очертания дозревающих намерений: – Должно быть сделано все, чтобы быть готовыми к полному расчету с ней».

Но о «полном расчете» – это только в узком кругу, а для непосвященных – чуть ли не идиллия: «Фюрер надеется, что ему удастся привлечь Россию к единому антианглийскому фронту» (1 ноября 1940 года); «Россия энергично требует поставок машин. Осуществимо!» (14 ноября). Молотов приглашен в Берлин для переговоров. Фюрер его обхаживает, как расчетливый жених выгодную невесту (16 ноября 1940 года): «Финляндия не должна послужить предметом конфликта... Мы держимся в стороне. Экономические интересы. Финляндия остается в сфере русских интересов»; «Балтийское море как район, обеспечивающий свободу действий Германии, интересует нас в последнюю очередь»; «Мы должны принять решение, должны ли мы стоять плечом к плечу, или друг против друга. Союз! Широкие перспективы!» (Это все Гальдер за фюрером записал).

Смысл ответов Молотова Гальдер резюмирует так: «В отношении Тройственного пакта ясно, что Россия хочет вступить в него не как подчиненная сторона, а как равноправный партнер. Пересмотреть Тройственный пакт!» (В подтексте читается: ишь, чего захотел!) Такая позиция России немецких «партнеров», конечно, совершенно не устраивает, а советский нарком иного и не ожидал. Наши «штирлицы», если таковые и были на самом деле, не настолько глубоко внедрились в гитлеровское закулисье, чтобы в «режиме онлайн» отслеживать мотивы и логику каждого очередного шага противника, но Молотов и напутствовавший его перед этой поездкой Сталин хорошо знали, с кем имеют дело. И они ничуть не заблуждались, что подтверждается сейчас записями в дневнике Гальдера: «*Генерал Паулюс:* Доложил об основных идеях операции против России (памятная записка)» (29 октября 1940 года); «*Турция.* Вопрос о ней затрагивает русскую проблему. Этот вопрос может быть поставлен лишь после устранения России»; «Подготовку операции на Востоке не прекращать» (4 ноября 1940 года). Все это говорилось перед самым приездом приглашенного на переговоры Молотова!

А вскоре после его отъезда домой в дневнике Гальдера появляются две весьма многозначительные записи. 18 ноября 1940 года: «Операция против России, по-видимому, отодвигается на второй план»; тут генерал явно неточно выразился: не на задний план, а по срокам отодвигается, но причиной стал не визит советского наркома, а усложнившаяся ситуация на Балканах, где Гитлер тоже увяз. Однако об отказе от операции речь не идет, подтверждение тому – запись, сделанная днем позже: «Мой доклад о плане операции против России. После этого – обсуждение текущих дел. Никаких существенных замечаний». «Мой» – значит, самого автора дневника, который был не просто летописцем, но одним из главных виновников исторической катастрофы, в которую немцы вовлекли едва ли не все население планеты. И еще обратите внимание: план величайшего преступления – пусть и значится первым в повестке дня, а все-таки одно из «текущих дел».

И в тот же день, 19 ноября, Гальдер сделал еще одну запись, дающую представление о том, сколь масштабную партию разыгрывали в тот момент эти гроссмейстеры военно-политических авантюр: «Снова ощущается недостаточная связь и несогласованность между ОКВ и нами[31] по балканскому вопросу. Дело продолжает развиваться в направлении нашего возможного наступления на Турцию. Это, естественно, меняет всю картину. Нам должно быть ясно, что возможности ведения войны против России исчезнут, если мы свяжем себя в Турции. На последнем совещании фюрер сказал мне: “Мы можем двинуться к проливам лишь после того, как Россия будет разбита”. Эта мысль влечет за собой вывод: мы должны избежать войны с Турцией, пока Россия не будет разгромлена».

Тема Англии доминирует в обсуждениях, которые ведутся в

[29] См.: Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4. С. 175–179.

[30] Великая Победа: в 15 т. Т. IX. Сталин в годы войны. С. 10.

[31] То есть ОКХ – генеральным штабом сухопутных войск вермахта, начальником которого был Гальдер.

ближайшем окружении Гитлера (и, следовательно, фиксируются в дневнике Гальдера) в ноябре-декабре 1940-го и в январе-феврале 1941 года. Положение дел гитлеровским стратегам видится двояким. С одной стороны: «Тяжелое положение Англии становится все более очевидным. Рузвельт якобы заявил, что Англия будет ликвидирована в течение шести месяцев, и поэтому Америке нет никакого смысла ввязываться в войну из-за Англии» (26 ноября 1940 года). С другой стороны: «Мы не сможем окончательно разгромить Англию только путем высадки десанта (авиация, флот). Поэтому мы должны в 1941 году настолько укрепить свои позиции на континенте, чтобы в дальнейшем быть в состоянии вести войну с Англией (и Америкой). (Иден – сторонник сближения с Россией)» (16 января 1941 года).

Картина особых пояснений не требует: Англия по-прежнему враг номер один, но ее не получится покорить даже вторжением десанта. Америка ей не поможет, но, чтобы утвердиться на континенте, нужно отодвинуть куда-то в сторонку Россию, чтоб не мешала. То есть главные трудности связаны с Россией.

Не всуе помянут Энтони Иден – министр иностранных дел в правительстве Черчилля. (И.М.Майский тоже свидетельствует, что Иден в той ситуации был за сближение с Москвой).

Ну, и как вы им, гитлеровским стратегам, прикажете тут поступить?

Этому вопросу было посвящено знаменитое совещание у Гитлера 5 декабря 1940 года, на котором обсуждались военные планы Германии на ближнюю перспективу. Очень узкий круг посвященных (кроме хозяина кабинета, как пишет Гальдер, «главком (то есть Кейтель. – В. Л)., я и некоторое время генерал Бранд») обсудил намечающиеся операции.

Первым номером в их повестке дня шла операция «Феликс» – по захвату английского Гибралтара. Овладеть военно-морской базой, контролирующей вход в Средиземное море, необходимо, считали они, незамедлительно, ибо это позволило бы получить контроль над всем средиземноморским регионом. Операцию назначили уже на январь, но, скажу сразу, она не состоялась: не удалось сторговаться с Франко о преференциях за пропуск германских воинских формирований через Испанию.

Второй по срочности была сочтена операция «Марита» – по захвату Греции. Но срок ее на том совещании не был определен.

Упоминалась также операция по вторжению в Ливию, но решили пока что не вмешиваться в дела этой страны: там все было завязано на итальянцах, а отношения германского руководства с капризным и безответственным дуче были не выстроены.

Вспомнили и про операцию «Морской лев»: «Операция возможна лишь в том случае, если будет полностью нейтрализована английская истребительная авиация. Этого ожидать нельзя, даже если наша авиация весной будет более мощной, чем она была весной прошлого, 1940 года». В заметках, сделанных Гальдером по окончании совещания у фюрера, эта проблема резюмировалась кратко: «*Операция «Морской лев»:* Не имеется в виду».

В общем ряду первостепенно важных проблем на этом совещании была рассмотрена и «программа Отто» – первый набросок операции «Барбаросса». Основные тезисы Гитлера по этой программе Гальдер изложил таким образом:

«а. Задача состоит в том, чтобы не допустить отхода противника.

б. Самая дальняя цель – овладеть таким рубежом, который исключал бы проведение противником воздушных налетов на Германию. После достижения этой цели – комбинированные действия с целью разрушения источников военной и экономической мощи противника (военная промышленность, шахты, нефтяные источники).

в. Цель операции – уничтожить жизненную силу России. Не должно оставаться никаких политических образований, способных к возрождению.

г. Будут участвовать: Финляндия, Румыния; Венгрия – нет.

д. Одну дивизию перебросить из Нарвика по железной дороге через Швецию и ввести в действие вместе с двумя горными дивизиями Дитля на самом северном, фланге. Задача – выход на побережье Ледовитого океана.

е. Сосредоточить крупные силы в южной группе армий. Русские войска должны быть разбиты западнее Днепра. Авиацию бросить на переправы через Днепр! Все, что русские имеют западнее Днепра, должно быть уничтожено.

ж. Прибалтику отрезать! В этом случае там достаточно будет иметь лишь дивизии ландвера [– дивизии 3-й линии]. Противник должен быть рассечен ударами сильных фланговых группировок севернее и южнее Припятских болот и окружен в нескольких «котлах» (аналогично операциям в Польше). Эти оба внешних фланга должны быть достаточно сильными и подвижными!

з. Захват Москвы не имеет большого значения [мнение Гитлера]».

Возможно, стоило бы сократить этот конспект, выбросив некоторые частные подробности, но я не стал этого делать, чтобы читатель воочию убедился: раз уж речь заходит о перемещении конкретной дивизии и взаимодействии ее с двумя другими дивизиями, при том что дивизий на восточном направлении сосредоточено, как вы помните, уже сорок, – значит, дело зашло так далеко, что никакой иной исход ноябрьских переговоров Молотова с главарями Третьего рейха ничего бы не изменил: локомотив был поставлен на рельсы и начал гибельный разгон еще до приезда советского наркома.

В тезисах фюрера отчетливо просматриваются основные параметры поручения, которое он дал своим подручным. Во-первых, речь идет о полном и окончательном разгроме СССР («уничтожить жизненную силу России»); во-вторых, уничтожить ее необходимо быстро, одним ударом («не

допустить отхода противника», сделать, как в Польше). И главное – по крайней мере, для нас с вами, читатель, главное: сделать то и другое необходимо для того, чтобы обеспечить скорую победу рейха над Англией.

Иными словами, разгром СССР Гитлер задумывал не как самоцельную операцию, но лишь как *эпизод войны с Англией*!

Всего лишь как эпизод!

В промежутке между главными делами. Проще говоря, между делом...

Кто-то из читателей, привыкший к традиционным трактовкам причины нападения нацистской Германии на СССР, сочтет такую версию и не очень правдоподобной, и даже, пожалуй, обидной, чуть ли не оскорбительной. Нам ведь привычно чувствовать себя гражданами великой державы, задающей повестку дня мировому сообществу, а тут нас пренебрежительно отодвинули на обочину. Но какой еще вывод можно сделать из приведенных фактов и процитированных текстов?

Тот же маршрут «через Москву в Лондон» фюрер обозначил в разговорах с фельдмаршалом фон Боком 1 февраля и 14 июня 1941 года: «Стоящие у власти в Англии джентльмены далеко не глупы и не могут не понимать, что попытка затянуть войну потеряет для них всякий смысл, как только Россия будет повержена»; «Как только Россия будет повержена, у Англии союзников на континенте не останется»[32]. А что будет повержена – это для него само собой разумеется.

В сущности, эту же версию Гальдер прямым текстом выражает в записи от 4 июня 1941 года как официальную позицию руководства рейха: «*Решение о проведении операции "Барбаросса":* Оно имеет далеко идущие последствия. Причина – лишить Англию последней надежды на поддержку со стороны России и завершить реконструкцию Европы без Англии. После выполнения этой задачи у нас освободятся руки, чтобы в основном усилиями ВВС и ВМС нанести окончательное поражение Англии».

И, наконец, именно эта версия положена Гитлером в основу его обращения перед «немецким народом и национал-социалистами» 22 июня 1941 года по случаю нападения на СССР[33]. Начинается эта пространная речь с обвинений против Англии, которая, по словам фюрера, «после многих войн погубила Испанию», вела войны против Голландии, Франции, «на рубеже столетия она начала окружение тогдашней Германской империи, а в 1914 году – мировую войну». Вот, оказывается, кто развязал Первую мировую войну!

Дальше Гитлер говорит про «новый подъем нашего народа из нужды, нищеты и позорного неуважения к нему»: это «авторская оценка» политики нацистов, пришедших к власти. «Англию, – утверждает фюрер, – это никак не затрагивало и ничего ей не угрожало (ну да: «сижу, чиню примус, никому не мешаю». – В. Л).. Несмотря на это, моментально возобновилась вдохновляемая ненавистью политика окружения Германии. Изнутри и извне плелся известный нам заговор евреев и демократов, большевиков и реакционеров с единственной целью помешать созданию нового национального государства и снова погрузить Рейх в пучину бессилия и нищеты».

После обстоятельной идеологической преамбулы фюрер обратился наконец к теме дня: «Никогда немецкий народ не испытывал враждебных чувств к народам России. Только на протяжении двух последних десятилетий еврейско-большевистские правители Москвы старались поджечь не только Германию, но и всю Европу. Не Германия пыталась перенести свое националистическое мировоззрение в Россию, а еврейско-большевистские правители в Москве неуклонно предпринимали попытки навязать нашему и другим европейским народам свое господство, притом не только духовное, но, прежде всего, военное».

Получается, что Сталин – союзник Черчилля, в том и виноват; «миролюбивый» фюрер тщетно пытался наладить с ним добрососедские отношения, шел на компромиссы, но русские отвечали «новыми и новыми вымогательствами». Фюрер долго терпел и молчал, а тем временем «возникла коалиция между Англией и Советской Россией», и тут уже нацистскому лидеру ничего другого не оставалось, как только осуществить «величайшее по своей протяженности и объему выступление войск, какое только видел мир».

«Задача этого фронта уже не защита отдельных стран, а обеспечение безопасности Европы и тем самым спасение всех.

Поэтому я сегодня решил снова вложить судьбу и будущее Германского рейха и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Господь в этой борьбе!»

Вот из таких благородных побуждений, если верить главарю нацистов, Германия 22 июня 1941 года напала на СССР. Заметьте: в этом обращении фюрер ни словом не обмолвился о «жизненном пространстве» для германского народа! Думаю, он все-таки понимал, что заявлявшаяся им прежде «высокая миссия» выглядела бы «не очень комильфо» в свете новых его деклараций и была бы вовсе не к месту в контексте идущей уже второй год мировой войны. А задача устранить главную помеху в борьбе с извечным врагом – Англией, – напротив, понятно объясняла новый поворот вооруженного противоборства, в которое уже была втянута практически вся Европа. Кому-то (даже не только в самой Германии, но и в тех странах, у которых, по присловью, чубы трещат, когда паны дерутся) подумалось тогда, что нападение на Россию – и вовсе к лучшему: наконец-то главный конфликт разрешится, и мир возвратится к спокойной буржуазной жизни.

Но в радиообращении фюрера осталось не объясненным нечто более существенное: почему «ответственный вождь Германского

---

[32] https://www.litmir.me/br/?b=231375&p=2

[33] http://hrono.ru/dokum/194_dok/1941gitler.php

рейха» (так он сам себя аттестовал) вдруг решил, что с беспокойной страной, которая мешает ему установить новый порядок на континенте и которой еще недавно он откровенно побаивался, он сможет теперь управиться, хотя и не запросто (вон какой фронт, «от Восточной Пруссии до Карпат», пришлось ему выстроить!), но быстро и радикально? Он, разумеется, не мог обсуждать такой вопрос публично: это значило бы разгласить военную тайну. Да и кто бы тогда решился задать подобный вопрос диктатору? Но, естественно, в германских штабах концепцию молниеносного разгрома СССР не просто обсуждали, но, раз приняли к исполнению, то взвешивали и просчитывали: им это было по штату положено.

Следы того «мозгового штурма» в документах сохранились.

«Как можно скорее разгромить!»

Упомянутое выше совещание у фюрера 5 декабря 1940 года длилось четыре часа – с 15-00 до 19-00, как педантично отмечено в дневнике Гальдера. Вслед за кратким изложением выступления Гитлера автор дневника зафиксировал собственные размышления – уже не «летописца» разбойных дел нацистской Германии, а руководителя генерального штаба сухопутных войск вермахта (такова, напомню, была его должность) о том, как выполнить указания самого главного начальника («Заметки о совещании у Гитлера 5.12.1940»).

Поражает география военно-политических притязаний рейха: Ливия, Албания, Болгария, Сицилия, Гибралтар, Франция и т. д. – всех гитлеровские стратеги собирались вписать в свой «орднунг». Круг связанных с этим проблем расписан в пятнадцати пунктах.

И только 16-й, заключительный, пункт посвящен России, но не потому, что он второстепенный, а потому что ключевой – как магистрал в венке сонетов. На проблеме России сфокусировались для Гитлера все другие геополитические вопросы, которые они тогда по-своему решали. Чтоб их решить, надо побыстрее покончить с Россией – на том сходились все деятели из ближайшего гитлеровского окружения.

Пункт о России Гальдер начинает с сильного, с точки зрения его подельников, аргумента: «Русские уступают нам в вооружении в той же мере, что и французы». (Эта оценка подкрепляется довольно уничижительной характеристикой русской военной техники. В первые же дни войны выяснится, что эта оценка оказалась не вполне достоверной).

Следующий тезис: «Русский человек – неполноценен. Армия не имеет настоящих командиров. Смогли ли они за последнее время серьезно внедрить правильные принципы военного руководства в армии, более чем сомнительно. Начатая реорганизация русской армии к весне еще не сделает ее лучше. Весной мы будем иметь явное превосходство в командном составе, материальной части, войсках. У русских все это будет, несомненно, более низкого качества. Если по такой армии нанести мощный удар, ее разгром неминуем». В общем, противник слаб как никогда, и нельзя упустить удобный для удара момент.

Дальше Гальдер подчеркивает необходимость предупреждения осложнений после первого удара: «Ведя наступление против русской армии, не следует теснить ее перед собой, так как это опасно. С самого начала наше наступление должно быть таким, чтобы раздробить русскую армию на отдельные группы и задушить их в “мешках”». (Война на уничтожение! Много позже, 13 июля 1941 года, уже в ходе боевых действий, Гальдер записал со слов Гитлера: «Для нас более важно уничтожить живую силу противника, чем быстро продвинуться на восток»).

И завершается этот сюжет изложением ожидаемого результата: «Если русские понесут поражения в результате ряда наших ударов, то начиная с определенного момента, как это было в Польше, из строя выйдут транспорт, связь и тому подобное и наступит полная дезорганизация». Что им и нужно.

Нетерпение совершить эти удары как можно скорей у гитлеровской верхушки день ото дня нарастает: «Решение вопроса о гегемонии в Европе упирается в борьбу против России. Поэтому необходимо вести подготовку к тому, чтобы выступить против России, если этого потребует политическая ситуация. (Заинтересованные служебные инстанции получат соответствующие задания!)» (13 декабря 1940 года); «С точки зрения русской идеологии победа Германии недопустима. Поэтому решение: как можно скорее разгромить Россию. Через два года Англия будет иметь 40 дивизий. Это может побудить Россию к сближению с ней».

Торопиться заставляют и другие обстоятельства: «Разрешение русской проблемы [Германией] развяжет Японии руки против Англии на Востоке. Поэтому необходимо радикальное решение проблемы. Как можно скорее!» (16 января 1941 года).

И еще одна запись в дневнике Гальдера, сделанная в тот же день: «*”Барбаросса”:* “Директива по стратегическому сосредоточению и развертыванию” находится в стадии разработки». То есть операция уже получила «высочайшее» одобрение и окончательное название; уже прорабатываются конкретные аспекты. Спешат!

Судя по записям Гальдера, работа над директивой в декабре-январе идет очень интенсивно, весь генералитет, как говорится, стоит на ушах. Решаются задачи интенсификации разведывания советской территории (не хватает самолетов-разведчиков, нужно немедленно их где-то раздобыть), берутся на учет переводчики с русского (всего нужно 400 «толмачей»), продумываются пути снабжения войск на захваченной территории, комплектуется матчасть механизированных дивизий. На самом высоком уровне решается даже вопрос о производстве подметок для солдатских сапог: их всегда делали из резины, а теперь

в рейхе возник дефицит каучука: он весь нужен для автошин.

При такой спешке и громадном объеме привлекаемых ресурсов очень трудно свести концы с концами, но исполнители – на высоте, и 28 января Гальдер записывает: «Задача на Востоке (“Барбаросса”) должна рассматриваться как уже решенный вопрос».

Однако «должна» еще не значит, что все уже с ней решено, и в тот же самый день руководитель штаба ОКХ высказывает своему непосредственному начальнику фон Браухичу сомнения на этот счет: «Смысл кампании не ясен. Англию этим мы нисколько не затрагиваем. Наша экономическая база от этого существенно не улучшится. Нельзя недооценивать рискованности нашего положения на Западе. Возможно даже, что Италия после потери своих колоний рухнет и против нас будет образован южный фронт на территории Испании, Италии и Греции. Если мы будем при этом скованы в России, то положение станет еще более тяжелым».

Разумные, в общем-то, сомнения, но, похоже, служака Браухич их не поддержал: машина уже запущена. В дальнейшем план «Барбаросса», не меняясь по сути, лишь конкретизируется.

Всего на разработку детального плана беспримерной по масштабу операции ушло два месяца, и уже 3 февраля Гальдер докладывает его Гитлеру. Сомнения, если они остались, он не высказывает вслух, зато с такой уверенностью говорит о превосходстве германских войск («боевой опыт, боевая выучка, вооружение, организация, руководство, национальные особенности характера, наличие идей») и так четко выстраивает порядок взаимодействия всех родов войск, а также развертывания и дальнейшего движения армейских группировок, формы участия стран-сателлитов, что фюрер, конечно, доволен. Во всяком случае, зафиксировано лишь его замечание насчет обстановки на Западе. Оттуда, однако, никакой опасности не предвидится.

Впрочем, об одной опасности сам фюрер заявит на одном из следующих совещаний по этой операции: «Если Англия будет ликвидирована, он (Гитлер. – В. Л). уже не сможет поднять немецкий народ против России. Следовательно, сначала должна быть ликвидирована Россия» (17 февраля 1941 года). Месяц спустя операция снова обсуждается у Гитлера. Фюрер категоричен: «Мы должны с самого начала одержать успех. Никакие неудачи недопустимы». И добавит еще один аргумент в подтверждение избранной стратегии: «Специалисты по идеологии считают русский народ недостаточно прочным. После ликвидации активистов он расслоится».

Словом, нет никаких сомнений: Россия была для них не цель, а средство. «Ликвидировать» ее им хочется как можно скорей, иначе не удастся развернуть ситуацию в Европе и мире в пользу Германии, оспаривающей у Англии статус мирового гегемона.

Пожалуй, стоит еще процитировать Гальдера. 25 июня 1941 года, когда вторжение в СССР уже произошло, фюрер сообщает Муссолини, почему это случилось и, между прочим, уверяет своего итальянского коллегу, что «война против России имеет своей целью победу над Англией». Вроде не было у него в этом случае повода лукавить.

Таким образом, блицкриг – это не от профессионального зазнайства, а в силу жесткой необходимости: либо так, либо никак. К тому ж у них есть опыт молниеносного разгрома Польши и Франции, о котором они постоянно с удовлетворением вспоминают, а у СССР, напротив, – провальный опыт финской кампании. Фюрер и его сподвижники не сомневаются в успехе, но готовятся тщательно, чтоб уж наверняка, и потому раз за разом отодвигают дату начала. На первых порах называли 1 апреля 1941 года, потом переориентировались на 16 мая, однако еще в апреле переключились на 22 июня, но и эта дата была под вопросом, пока 30 мая Гитлер не подтвердил ее окончательно. После того обсуждалось только, в котором часу удобней начать вторжение: глубокой ночью или под утро?

Главные трудности

Не следует, однако, думать, что скоротечные победы над Польшей и Францией настолько вскружили головы наследникам германского имперского милитаризма, что они утратили чувство реальности. Генералы из ОКВ и ОКХ были людьми достаточно трезвомыслящими, чтобы понимать: механическое перенесение европейского опыта ведения «молниеносной войны» на российские равнины не пройдет. Не будем тешить себя патриотическими иллюзиями: как раз «особой стойкости» русского народа, с которым будто бы сам Отто фон Бисмарк своим соплеменникам не советовал воевать, Гитлер не опасался – тем более после провальной финской кампании РККА. Более того, он откровенно делал ставку на слабость советского строя, и для того были реальные основания[34].

По-настоящему заботили разработчиков плана проблемы, которые вытекали из гигантских размеров евроазиатского «Голиафа». Назову хотя бы три – самые очевидные.

Во-первых, оцените возможность собрать на границе протяженностью в несколько тысяч километров ударную группировку всеевропейского масштаба (имею в виду не только количество дивизий, но и участие государств-сателлитов) – да чтобы незаметно, не привлекая внимания противника, иначе ведь не получится никакой внезапности.

Во-вторых, сразить противника надо одним мощным ударом, иначе начнется затяжная война, к которой нужно готовиться совершенно иначе. О затяжной войне Гитлер и мысли не допускал, понимая, чем она опасна для Германии в принципе, а в протяженной на многие тысячи километров России – особенно.

---

[34] К вопросу об истинной природе «морально-политического единства» советского народа нам еще предстоит возвращаться.

В-третьих, надо ударить так, чтобы «уничтожить жизненную силу России» (напоминаю, что так записал мысль фюрера генерал Гальдер): чтоб ненавистная страна не только не смогла подкинуть откуда-нибудь из неоглядных сибирских просторов свежие дивизии, не учтенные в разведданных, но навсегда утратила бы способность возродиться как государство.

С подобными проблемами вермахту не пришлось иметь дело в Европе: там расстояния не те, да и с каждой европейской страной гитлеровцам удавалось разделаться поодиночке, не оставляя им времени договориться для совместных действий. А Россия (конечно, СССР, но на своих совещаниях они предпочитали называть страну Россией) – хоть и не монолит (как они резонно полагали), но единый массив. Словом, разработчикам плана «Барбаросса» пришлось столкнуться с новыми для них проблемами, причем с решения как раз их – на первый взгляд, неразрешимых – пришлось начинать, иначе все остальные пункты дерзкого плана «молниеносной войны» «обнулятся».

Они не стали решать эти проблемы каждую по отдельности, а связали в один узел: разгромить противника единым ударом, да чтобы он потом не смог возродиться, получится лишь при условии, если под удар будут подставлены сразу практически все его военно-стратегические силы и вся военно-промышленная мощь. Конечно, и удар при этом должен быть такой силы, чтоб не напугать и обратить в бегство, а уничтожить наверняка; значит, в исходной для нападения позиции нужно сосредоточить достаточное для того количество войск, и цели выбрать точно.

И, само собой разумеется, удар должен быть нанесен *внезапно* (вот оно, ключевое слово плана молниеносной войны!), чтоб противник не успел понять, что происходит, и совершить какие-то маневры, минимизирующие обрушившуюся на него катастрофу. Естественно, противник не будет играть в поддавки – значит, его нужно заставить играть в свою игру: где-то поманить соблазном, где-то продемонстрировать ложные намерения, а, в общем, ввести в заблуждение. Вспомните, как это бывает в шахматах.

Гитлеровские стратеги были гроссмейстерами военно-обманных игр. Они спланировали невиданный по масштабу и беспримерный по дерзости дебют и разыграли его как по нотам. Мы (теперь уж не наши вожди и полководцы, не сумевшие вовремя понять, что нам навязывается «мат в три хода», а сегодняшние историки и публицисты) до сих пор ломаем голову (и копья) по поводу «загадки 22 июня», кусаем локти: прозевали! – и пытаемся найти виновных. Между тем американский генерал Дуглас Макартур еще в 1941 году писал: «Немецкое вторжение в Россию – это выдающееся в военном отношении событие. Еще никогда прежде не предпринималось наступление в таких масштабах, когда за такое короткое время преодолевались такие огромные расстояния...Это триумф немецкой армии...»[35]

Макартур гитлеровской Германии отнюдь не симпатизировал, тем более не симпатизировал Советскому Союзу, но это был весьма компетентный знаток военной стратегии. Тогда, когда он высказался о вторжении вермахта в СССР, он еще не мог ничего знать о сверхсекретной гитлеровской директиве № 21 «Барбаросса» и лишь наблюдал профессиональным взглядом результаты ее выполнения, но, как видите, прекрасно понимал, что дело тут не в болезненной подозрительности Сталина, не в просчетах советского Генштаба или в недальновидности командира танковой роты, не ко времени распорядившегося законсервировать танковые пулеметы. Он оценил высокий класс стратегического мышления, который продемонстрировало военно-политическое руководство рейха, а также четкость работы командного состава и рядовых солдат вермахта.

[35] Цит. по: http://www.rusamny.com/archives/394/t04(394).htm

Как же задумывался этот «гроссмейстерский» дебют, едва не обернувшийся позорным «матом» не только для «сталинизма», но и для тысячелетней России?

Данные «недостаточно достоверны»?

Началось, естественно, с основательного изучения противника: каким вооружением он располагает, как оно рассредоточено? Каковы мощности военно-промышленных предприятий страны, с которой предстоит воевать? Что представляют собой вооруженные силы противника, насколько хорошо они подготовлены профессионально? На чем держится их боеспособность? Каков их моральный дух? Каковы имеются в стране резервы и армии, и военной промышленности? И так далее – всё ведь имеет значение в такой ситуации.

Данные об СССР собирались главными немецкими штабами из разных источников (разведка, дипломатические службы, открытая печать), интегрировались, анализировались, взвешивались, сопоставлялись с собственными ресурсами и возможностями. Следы такой работы постоянно отражаются в оперативном дневнике Гальдера: «Размещение русской военной промышленности: 32% – на Украине; 28% (в особенности авиапромышленность) – в районе Москвы и Горького; 16% – в районе Ленинграда; остальное – на Урале и Дальнем Востоке» (17 декабря 1940 года); «В России имеется 600–800 тыс. рабочих-подростков в ремесленных, железнодорожных и фабрично-заводских училищах (с 14 лет). Похожи на кадетские корпуса. Четыре года практической работы. Поднятие авторитета (армии и промышленности)» (27 января 1941 года); «Карта обстановки у противника: в европейской части предположительно: 121 стрелковая дивизия (13 моторизованных), 25 кавалерийских дивизий и по меньшей мере 31 мотомехбригада. В целом насчитывается до 180 соединений.

Мы считаем, что против Финляндии и на Кавказе [у противни-

ка] скованы 21 пехотная и 1 кавалерийская дивизии. Русские могут свободно распоряжаться: 100 пехотными, 25 кавалерийскими дивизиями и 30 мотомеханизированными бригадами.

Мы имеем: 104 – пехотные дивизии (включая и легкие пехотные), 34 подвижных соединения (включая кавдивизию). Дополнительно к этому – несколько румынских дивизий.

В численном отношении превосходство на нашей стороне (боевой опыт, боевая выучка, вооружение, организация, руководство, национальные особенности характера, наличие идей». (Это все записано Гальдером 2 февраля 1941 года).

На основе богатых и разнородных сведений планировались все войсковые операции. Можно представить (и дневник Гальдера в том поможет), сколь огромный объем информации переработан при детальной разработке операции «Барбаросса»! При этом использовались не только данные, полученные от разведок: несомненно, и активное торгово-промышленное, а уж тем более военное сотрудничество двух стран в предвоенные годы дало военным аналитикам богатый материал. Немцы хорошо знали, что и где у нас строилось в тридцатые годы! В том числе и для производства вооружения.

Конечно, немалые трудности для разработчиков плана нападения на Советский Союз возникали (у немецких стратегов) из-за режима повышенной секретности, который поддерживался в «стране большевиков». Характерная ремарка в докладе Гальдера главкому 28 января 1941 года: «Данные (о противнике. – В. Л). нельзя назвать исчерпывающими; они недостаточно достоверны». Подобные признания давали повод советским историкам объяснять провал плана «Барбаросса» недооценкой гитлеровцами политического, экономического и военного могущества СССР[36]. Нынешние историки про «политическое могущество» не говорят, но недоработки немецкой разведки тоже считают важным фактором поражения вермахта.

Думаю, это верно лишь отчасти. Немцы не столько «не знали», сколько «недооценили», а что именно недооценили, мы обсудим позже. Сейчас же хочу подчеркнуть: то, что нужно было для «гроссмейстерского» дебюта, гитлеровские генералы разведали, оценили и рассчитали точно. Именно поэтому в первые часы войны немецкие бомбы и снаряды падали не куда придется, а на отмеченные на оперативных картах аэродромы и места дислокации танковых частей; именно поэтому, разгромив красноармейские соединения на первом рубеже обороны, мощные танковые клинья вермахта стали пробивать коридоры для армейских группировок «Север», «Центр» и «Юг» не просто вглубь советских просторов, а к точно намеченным целям. Причем, когда генералы потребовали както усилить группировку «Центр» за счет танковых соединений, снятых с южного направления, чтобы быстрее захватить Москву, Гитлер повторил то, что говорил уже на совещании 5 декабря 1940 года: взятие Москвы не имеет большого значения. Он был, можно сказать, автором этой кампании, а генералы только исполнителями: он знал то, что им вовсе не обязательно было знать.

Словом, агрессор точно знал, какими военными силами располагает противник, где эти силы дислоцированы; а также знал свои возможности, знал, чего хотел, и в этом отношении операция «Барбаросса» была не только хорошо подготовлена, но в «дебютной» стадии развивалась строго по плану, а потому очень успешно.

Может показаться удивительным – но и противник действовал по этому же плану! Он сосредоточил почти все свои ударные силы там, где нужно было нападающим, – подставил себя под удар. Но удивляться тут особенно нечему: понятие военной хитрости известно чуть ли не с доисторических времен; заманить противника в ловушку – вполне стандартный тактический прием. Удивительно другое: почему историки Великой Отечественной войны – и советские, и постсоветские не обращают внимания на тот очевидный факт, что красноармейские соединения выдвигались к западной границе в полном соответствии с планом «Барбаросса»!

Речь, конечно, не о том, что в Берлине планировали, когда и куда такая-то дивизия или бригада РККА должна выдвинуться, а о том, что они якобы скрытно (или прикрываясь нарочито неубедительными поводами) подводили свои дивизии к советской границе и тем самым демонстрировали свое тайное (!) намерение напасть. Столь же «тайно» (ибо германская разведка на самом деле все видела и знала, но не спешила «спугнуть» будущую жертву какой-нибудь неосторожной нотой протеста) к линии готовящегося боевого столкновения выдвигались и красноармейские дивизии и бригады. В результате к моменту нападения гитлеровцев в приграничной зоне, в пределах досягаемости немецких бомбардировщиков и артиллерийских орудий, было сосредоточено (по данным М.И.Мельтюхова) 186 красноармейских дивизий из имевшихся в наличии 303 (3061160 человек личного состава из 5774211 общей численности)[37]. Конечно, не вся Красная Армия туда подтянулась, был еще Забайкальский военный округ (с началом войны преобразованный в Забайкальский фронт), ибо отношения с Японией были более чем напряженные, до самой Сталинградской битвы сохранялась большая вероятность опять же «вероломного» удара японцев «в спину» СССР. Дислоцировались наши воинские формирования в Закавказье, в Средней Азии: с разных направлений можно было ждать удара. Немало армейских подразделений несло службу в нашем необъятном тылу: охрана, учеба и прочее.

Но из того, что можно было бросить на защиту западной границы, предупреждая нападение Герма-

---

[36] См., например: Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. С. 78.

[37] https://rg.ru/2016/06/16/rodina-sssr-germaniya.html

нии, собрано было практически все. При этом немецкая разведка прекрасно знала, где какие соединения и части расположились, какова их боеготовность, знали даже имена командиров. Наблюдая, как на приграничные железнодорожные станции прибывали и разгружались все новые воинские эшелоны, немцы отнюдь не тревожились: чем больше – тем лучше, это вписывалось в план «Барбаросса».

Главная тактическая хитрость, на которой, как на волоске, держался этот тщательно проработанный, а все-таки авантюрный план, заключалась в том, чтобы напасть *внезапно*. Этот пункт в директиве «Барбаросса» особо подчеркивался: «Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны»[38].

И ведь это тоже у них получилось!

Фактор внезапности

Запись, сделанная Гальдером в день нападения на Советский Союз, начинается с фразы: «*Утренние сводки* сообщают, что все армии, кроме 11-й [на правом фланге группы армий «Юг» в Румынии], перешли в наступление согласно плану. Наступление наших войск, по-видимому, явилось для противника на всем фронте *полной тактической внезапностью*». Замечание про полную внезапность выделено самим автором дневника: для него это принципиально важно. Дальше он протоколирует события, совершившиеся на только что открытом Восточном фронте, первые сведения о реакции в мире на вторжение армии рейха в СССР, сводки с мест первых сражений. И, по-видимому, уже вечером фиксирует «общую картину первого дня наступления». И опять его первая фраза – о том же: «Наступление германских войск застало противника врасплох».

После того генерал тоном патологоанатома анализирует последствия этой внезапности для армии противника: «Тактическая внезапность привела к тому, что сопротивление противника в пограничной зоне оказалось слабым и неорганизованным, в результате чего нам всюду легко удалось захватить мосты через водные преграды и прорвать пограничную полосу укреплений на всю глубину (укрепления полевого типа).

После первоначального "столбняка", вызванного внезапностью нападения, противник перешел к активным действиям. Без сомнения, на стороне противника имели место случаи тактического отхода, хотя и беспорядочного. Признаков же оперативного отхода нет и следа. Вполне вероятно, что возможность организации такого отхода была просто исключена. Ряд командных инстанций противника, как, например, в Белостоке [штаб 10-й армии], полностью не знал обстановки, и поэтому на ряде участков фронта почти отсутствовало руководство действиями войск со стороны высших штабов.

Но даже независимо от этого, учитывая влияние "столбняка", едва ли можно ожидать, что русское командование уже в течение первого дня боев смогло составить себе настолько ясную картину обстановки, чтобы оказаться в состоянии принять радикальное решение.

Представляется, что русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению. Русские вынуждены принять бой в той группировке, в которой они находились к началу нашего наступления».

Вот так эта ситуация смотрелась с высоты главного штаба сухопутных войск вермахта. Картина, надо признать, безжалостно точная, она многое объясняет в том, как будут развертываться события в ближайшие часы и дни. Но о том, каким образом удалось достигнуть внезапности этой невиданной по масштабу операции, готовившейся на виду у всего мира, генерал не говорит ничего – это не его компетенция.

Наши историки, как я уже говорил, вместо того, чтоб всерьез задуматься над этим вопросом, находят в том лишний повод обвинить Сталина. Даже Молотов соглашается: проморгали. И едва ли не единственный российский автор, В.И.Лота, историк разведки, попытался объяснить этот «сталинский» просчет целенаправленными действиями германских спецслужб[39]. Ключевое слово в его версии – *дезинформация*, да ведь иначе как с помощью дезинформации вызвать у противника такую аберрацию зрения и невозможно. И документами убедительно подтверждается, что для верховного командования вермахта меры по дезинформации противника рассматривались как важнейший момент подготовки к выполнению директивы «Барбаросса». В частности, специально вопросу дезинформации было посвящено распоряжение Кейтеля, главного сподвижника Гитлера по военным делам, от 13 мая 1941 года[40].

Другое дело – чего конкретно хотели добиться Гитлер и его сподвижники с помощью дезинформации? С точки зрения историка Лоты, они хотели закамуфлировать самый тот факт, что Германия собирается напасть на СССР. Для того, мол, затеяли все эти «Феликсы», «Мариты», «Зонненблюме», «Морские львы» и прочие разбойные вылазки; сама война с Англией, по его мнению, – не более чем отвлекающий маневр. В.И.Лота – автор очень информированный, но тонны бомб каждую ночь в течение десяти месяцев на Лондон, Ливерпуль, Ковентри и другие города Англии – это отвлекающий маневр?! Более полутора тысяч самолетов люфтваффе, сбитых над Ла-Маншем, – для отвода глаз? И как согласовать с его концепцией запись, сделанную Гальдером в своем дневнике в 11 часов утра 22 июня: «Англия, узнав о нашем нападении на Россию, сначала почувствует облегчение и будет радоваться "распылению наших сил". Однако при быстром

[38] Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4. С. 125.

[39] http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=10646886@cmsArticle

[40] Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4. С. 134.

продвижении германской армии ее настроение вскоре омрачится, так как в случае разгрома России наши позиции в Европе крайне усилятся»?

Первые победы одержаны в России, а мысли у него по-прежнему об Англии. Не для публики ведь писал, а для себя.

В.И.Лота приводит ряд интересных документов и фактов, но все они относятся уже к тому времени, когда выяснение отношений у Гитлера с Англией зашло в тупик, и фюрер «нашел выход», решив разделаться с СССР, который теперь очень ему мешал. В это время «разводить» Россию, предлагая ей «дружить» против Англии, стало для нацистской верхушки удобно, но они же понимали, что Молотов и Сталин, включаясь в предложенную дипломатическую игру, всерьез эти предложения не принимают. «Сталин умен и хитер», – констатирует Гальдер после очередной дипломатической неудачи (16 января 1941 года).

Наконец, В.И.Лота почему-то игнорирует тот факт, что в последние перед нападением Германии на СССР недели и дни вопрос для советского руководства был не в том, ради чего вдоль берегов Буга и Прута выставлено более 120 дивизий вермахта, а в том, когда именно – в какой день и в котором часу – эта громада двинется на восток. Вот тут машина дезинформации заработала на полную мощность, но раскручивали ее уже не в ведомстве адмирала Канариса, на документы которого специалист по разведкам, в основном, опирается, а в ведомстве Геббельса, непревзойденного мастера дезинформации, который в статье В.И.Лоты по необъяснимой причине даже не упоминается.

Между тем именно главный враль Третьего рейха в преддверии вторжения в СССР сумел создать столь плотную и зыбкую «дымовую завесу» над маневрами по секретному плану «Барбаросса», что никто в мире, за исключением очень узкого круга подельников фюрера, не понимал, что именно там происходит и к чему это приведет. При этом применял столь изобретательные приемы, что сам потом ликовал: как это здорово у него получилось.

Эти «художества» гитлеровского министра пропаганды подробно описала Е.М.Ржевская, автор документальной книги «Геббельс: Портрет на фоне дневника». Вот что, к примеру, он записывал в своем дневнике[41]: «Операция “Барбаросса” развивается. Начинаем первую большую маскировку. Мобилизуется весь государственный и военный аппарат. Об истинном ходе вещей осведомлено лишь несколько человек. Я вынужден направить все министерство по ложному пути, рискуя, в случае неудачи, потерять свой престиж» (31 мая 1941 года); «Победа на Крите воодушевила и воспламенила сердца. Для германского солдата нет ничего невозможного» (3 июня 1941 года); «...Моя статья о Крите – блестяща. Больше ничего интересного в официальном мире» (4 июня); «...Слухи о предстоящем нападении на Украину. Довольно-таки обоснованные. Мы должны применять более надежные способы обмана. Я энергично возьмусь за это» (7 июня).

Самый, пожалуй, знаменитый и «коронный» номер в его репертуаре – упомянутая выше статья, которую сам автор назвал блестящей («нескромно, но правда»). Используя пример с островом Крит, Геббельс в ней будто бы прозрачно намекает, что готовится вторжение в Англию. Статья «должна появиться в “Фелькишер беобахтер” и затем быть конфискована. Лондон узнает об этом факте спустя 24 часа через посольство Соединенных Штатов. В этом смысл маневра. Все это должно служить для маскировки действий на Востоке» (11 июня). Все так и случилось: статья была написана, одобрена фюрером, 13 июня напечатана газетой – и, строго по плану, номер был конфискован. Получилось, будто высокопоставленный чиновник выболтал большую военную тайну!

А на следующий день Геббельс записал в дневнике: «Большая сенсация. Английские радиостанции заявляют, что наше выступление против России просто блеф, за которым мы пытаемся скрыть наши приготовления к вторжению в Англию. В этом и была цель маневра». И еще раз в тот же день: «Моя статья является в Берлине большой сенсацией. Телеграммы несутся во все столицы. Блеф полностью удался. Фюрер этому очень рад. Йодль восхищен»; «Я приказываю распространить в Берлине сумасбродные слухи: Сталин якобы едет в Берлин, шьются уже красные знамена и т. д. Д-р Лей звонит по телефону, он целиком попался на эту удочку. Я оставляю его в заблуждении. Все это в настоящий момент служит на пользу дела»; «Наш спектакль удался превосходно».

Пожалуй, вот что еще процитирую: «Маскировка в отношении России достигла кульминационного пункта. Мы наполнили мир потоком слухов, так что самому трудно разобраться... Наш новейший трюк: мы намечаем мирную конференцию с участием России. Приятная жратва для мировой общественности, но некоторые газеты чуют запах жареного и почти догадываются, в чем дело».

Это записано 18 июня 1941 года. После этого любые агенты, перебежчики, совестливые дипломаты могли называть противнику хоть «липовый», хоть настоящий день и час нападения германских войск – им все равно не поверили бы.

Первый ход партии, предполагающей «мат в три хода» (его еще шахматисты называют «детским матом») подготовлен безукоризненно.

Итак: е2 – е4!..

3. Попытка «детского мата»

«Захват Москвы
не имеет большого значения»

И снова данные от историка М.И.Мельтюхова: «Для операции “Барбаросса” из имевшихся в вермахте 4 штабов групп армий было развернуто 3 (“Север”, “Центр” и “Юг”) (75%), из 13 штабов полевых армий – 8 (61,5%), из 46 штабов

[41] Цит. по: http://militera.lib.ru/memo/russian/pzhevskaya_em2/09.html.

армейских корпусов – 34 (73,9%), из 12 моторизованных корпусов – 11 (91,7%). Всего для Восточной кампании было выделено 73,5% общего количества имевшихся в вермахте дивизий. Большая часть войск имела боевой опыт, полученный в предыдущих военных кампаниях. Так, из 155 дивизий в военных действиях в Европе в 1939–1941 гг. участвовали 127 (81,9%), а остальные 28 были частично укомплектованы личным составом, также имевшим боевой опыт. В любом случае это были наиболее боеспособные части вермахта. Военно-воздушные силы Германии развернули для обеспечения операции "Барбаросса" 60,8% летных частей, 16,9% войск ПВО и свыше 48% войск связи и прочих подразделений»[42].

Резюмирую эту информацию совсем коротко: примерно три четверти вооруженных сил Третьего рейха (а остальные несли свою разбойную службу по всей захваченной Европе), закованные в броню, оснащенные мощными моторами, поднаторевшие в победах, в предрассветный час выходного летнего дня по сигналу «Дортмунд», полученному накануне в полдень, одновременно и *внезапно* огненным и стальным валом обрушились на советскую землю. Тщательно просчитанный и безупречно подготовленный удар принес ожидаемый результат. Один из главных разработчиков этого плана – знакомый уже читателю генерал-полковник Франц Гальдер, – подытоживая первый день кампании, предполагающей молниеносный разгром СССР, с удовлетворением «потирал руки»: «Наши наступающие дивизии всюду, где противник пытался оказать сопротивление, отбросили его и продвинулись с боем в среднем на 10–12 км! Таким образом, путь подвижным соединениям открыт».

Нельзя сказать, что всё у завоевателей проходило совершенно гладко. В одном случае путь танковому соединению преградил «труднопроходимый лесной массив (сомнительно, чтобы этого нельзя было избежать)», в другом пришлось обходить болота, в третьем наткнулись на не замеченную раньше разведкой моторизованную группу РККА, но автор дневника не сомневается, что она будет разбита, и тем самым «оперативный успех танковой группы Гудериана будет обеспечен». Но это же мелкие царапины на лаковом панно!

В оперативном дневнике одного из главных военачальников армии вторжения эмоции были бы неуместны, но сквозь бесстрастные строки деловых записей просачивается прямо-таки ликование: «Командование ВВС сообщило, что наши военно-воздушные силы уничтожили 800 самолетов противника (1-й воздушный флот – 100 самолетов, 2-й воздушный флот – 300 самолетов, 4-й воздушный флот – 400 самолетов). Нашей авиации удалось без потерь заминировать подходы к Ленинграду с моря. Немецкие потери составляют до сих пор 10 самолетов». И о том же в несколько ином ракурсе: «Командование ВВС сообщило, что за сегодняшний день уничтожено 850 самолетов противника, в том числе целые эскадрильи бомбардировщиков, которые, поднявшись в воздух без прикрытия истребителей, были атакованы нашими истребителями и уничтожены».

Естественный после таких донесений итог первого дня: «Задачи групп армий остаются прежними. Нет никаких оснований для внесения каких-либо изменений в план операции. Главному командованию сухопутных войск не приходится даже отдавать каких-либо дополнительных распоряжений». Все идет строго по плану!

А дальше (напомню процитированное): «путь подвижным соединениям открыт».

О каких задачах упоминает начальник ОВХ? Куда дальше предстоит двигаться «подвижным соединениям»?

Тут уместно напомнить о выступлении Гитлера на совещании 5 декабря 1940 года, где фюрер очертил контуры будущего плана «Барбаросса». Там содержался принципиально важный для него тезис – «уничтожить жизненную силу России». При этом особо подчеркнул: «Сосредоточить крупные силы в южной группе армий», и в то же время: «Захват Москвы не имеет большого значения».

Кстати, последний тезис, про Москву, был не очень понятен даже ближайшим сподвижникам фюрера: если собрались разрушить государство, так надо же нанести смертельный удар по его системе управления, – с чего, как не с захвата столицы, начинать эту операцию? В предыдущей главе я уже упоминал, что в начальный период войны был момент, когда генералам хотелось форсировать захват Москвы, несколько перераспределив силы между южным и центральным направлениями. Идею высказал генерал-фельдмаршал фон Бок, командующий группой армий «Центр»; с ней согласился Гальдер. По этому поводу состоялось даже совещание в штабе группы армий «Юг», в котором участвовал сам Гитлер. Гальдер почему-то там присутствовать не смог, его представлял зам – Фридрих Паулюс. И вот чем это обсуждение завершилось (цитирую все тот же дневник): «Фюрер опять недвусмысленно отклонил эти предложения. Он опять продолжал свою песню: "Вначале должен быть захвачен Ленинград, для этого используются войска группы Гота. Во вторую очередь производится захват восточной части Украины. С этой целью войска группы Гудериана привлекаются для ликвидации сопротивления противника у Гомеля и Коростеня. И только в последнюю очередь будет предпринято наступление с целью захвата Москвы"» (6 августа 1941 года).

Читатель, конечно, заметил, что автор дневника в этой записи отозвался о своем фюрере довольно непочтительно. Конечно, это «за глаза» – в дневнике, не предназначенном для посторонних глаз. Однако за этой непочтительностью стоит любопытная проблема, о которой стоит сказать несколько слов отдельно.

[42] https://rg.ru/2016/06/16/rodina-sssr-germaniya.html

Несмотря на то, что генералы рейха истово выполняли волю фюрера (за что наиболее рьяные из них были сурово и совершенно справедливо осуждены Нюрнбергским трибуналом), единомышленниками с вожаками нацистов они не были. Были они, выражаясь сегодняшним языком, *технократы*, то есть профессиональные военные, увлеченно и по-своему даже талантливо делающие свое дело и предпочитающие не марать руки в «грязном деле» – в политике. Гитлера они приняли потому, что он предоставил им широкое поле профессиональной деятельности; им импонировало, что он был очень заинтересованным «работодателем», а порой даже обнаруживал неординарную сообразительность (как в том случае, когда поддержал Манштейна во время французской кампании). Но в принципе он все же был не из их среды, в военных делах они считали его дилетантом. Тем, я думаю, объясняется, что «технократ» Гальдер не только в дневнике не раз отзывался о фюрере не очень почтительно, но порой позволял себе и «прилюдно» вступать с ним в спор. За инакомыслие в стратегических вопросах он в сентябре 1942 года был смещен с должности начальника ОКХ, а потом и вовсе заподозрен в причастности к заговору против Гитлера (в июле 1944 года), так что конец войны застал его в концлагере Дахау, из которого его освободили американцы... Собственно, потому мы сегодня имеем возможность читать его дневники: он расшифровывал свои стенографические записи уже после войны.

Однако речь сейчас не о Гальдере, а о том, что многоопытные гитлеровские генералы предлагали фюреру сконцентрировать силы на захвате Москвы, а он это предложение отклонил, чем вызвал их недоумение. Между тем все естественно: Гитлер определял цели, а генералы-«технократы» – лишь средства достижения таковых; знать о целях им было не обязательно, ибо выходило за рамки их служебной компетенции.

Случай, которого я сейчас коснулся, иллюстрирует это «разномыслие»: фюрер заявил о намерении уничтожить «жизненную силу России», и они вообразили, будто эта сила заключена в кремлевских правителях. Но он ведь думал вовсе не так!

Вот что конкретно говорилось о целях восточной кампании в подписанной Гитлером директиве № 21 «Барбаросса»:

«Общий замысел.

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга – Архангельск. Таким образом, в случае необходимости, последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации»[43].

Как видите, ни о советской столице, ни о московском руководстве тут нет ни слова. И не могло быть: о своем крайне уничижительном отношении к «еврейско-большевистской» власти Советской России Гитлер высказался еще в «Mein Kampf» и с тех пор мнение не переменил, а план «Барбаросса» разрабатывался, при всех прочих предпосылках, еще и в расчете на то, что, если сильно ударить по главной опоре этой власти – вооруженным силам, – то власть сама собою рухнет.

Однако и не Красную Армию он имел в виду, говоря о «жизненной силе России». Армию он планировал уничтожить первым же мощным ударом прямо на границе, но тем задача не решалась. Гитлер резонно опасался, что и армия, и презираемая им «еврейско-большевистская» власть, и другие государственные институты могут возродиться в каком-то виде после самого сокрушительного разгрома, если не уничтожить...

А вот что именно, по его мнению, нужно было уничтожить, чтобы Россия уже никогда не смогла возродиться ни в «большевистском», ни в каком ином варианте? Прямого ответа на этот вопрос ни в дневниковых записях Гальдера, ни, тем более, в радиообращении Гитлера после нападения на СССР нет. Напрямую об этом не говорится и в директиве «Барбаросса», поскольку она адресована не политикам, а генералам.

Но косвенные указания на действительные цели в тексте директивы найти легко!

Что бы, по-вашему, значило такое стратегическое решение: разгромив армию противника на самой границе и вступив на территорию обреченного на разрушение государства, армия вторжения почему-то не развивает этот успех, устремившись единым разрушительным валом из огня и стали до самой советской столицы, а разделяется на три потока, которые двигаются в разных направлениях? Три железных клина, не встречая уже (как предполагалось) серьезного сопротивления, разрезают немереные российские пространства, как студень, и в кратчайшие сроки достигают рубежа, не столь уж удаленного от Москвы на восток. Но на том рубеже – стоп! Продвигаться дальше нет нужды. И захват Москвы «не имеет значения». В принципе, допускалось, что бронетанковые колонны, двигающиеся к назначенным рубежам, могут обойти ее с севера и с юга, и она, просуществовав некоторое время в виде анклава, рухнет, как и «еврейско-большевистская» власть, сама собой.

Так чем же привлекал Гитлера и ближайших его сподвижников тот рубеж, которого достигнуть было предписано как можно быстрее? Если присмотреться, о том ведь до-

---

[43] Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4. С. 125.

статочно внятно сказано в процитированном фрагменте: по достижении названной линии у русских останется «последний индустриальный район», да и тот далеко – на Урале; возникнет нужда – его можно будет просто разбомбить, не посылая туда наземные войска.

Стало быть, остальные индустриальные районы к тому моменту будут уже ликвидированы, ибо практически все они расположены западнее того рубежа. В том и заключается «креативный» смысл замысла операции «Барбаросса»: разгромив армию противника уже на границе и не давая ему опомниться, оккупировать его основные индустриальные районы. Тем самым, с одной стороны, лишить «еврейско-большевистский режим» военно-промышленной опоры (так что он неминуемо рухнет); с другой стороны, получить дополнительные ресурсы для победы над Англией. Остроумно? Дело, однако, не столько в сообразительности гитлеровских стратегов, сколько в особенностях размещения основных предприятий советской военной промышленности в предвоенный период.

«Жизненная сила России»

Нынче не многие, кроме профессиональных историков, знают, что накануне Великой Отечественной войны почти вся наша военная промышленность была сосредоточена на сравнительно узкой полосе территории между линиями Ленинград – Киев на западе и Ярославль – Воронеж – Донбасс на востоке. Здесь размещались предприятия, на которых производилось до 85 процентов военной техники и боеприпасов. Там же находились *все* танковые заводы, *все* броневые станы, *все* трубопрокатные агрегаты, изготавливающие трубы для минометов, *почти все* предприятия, выпускающие высококачественные и легированные стали, и т. д.[44] Некоторые историки эту зону, протянувшуюся на тысячи километров вдоль западной границы, но в географическом смысле неширокую – 300–500 километров, – называют *военно-промышленным поясом СССР*. По-моему, это определение выразительно и точно.

Причем промышленные предприятия и сырьевые базы не были разбросаны более или менее равномерно по всей географической зоне, а сосредоточены преимущественно в трех ее сегментах. Между прочим, гитлеровские стратеги об этой «экономической географии» были прекрасно осведомлены. Я уже цитировал запись в дневнике Гальдера, датированную 2-м февраля 1941 года (в это время план нападения на СССР активно дорабатывался), – о том, что 32% советской военной промышленности сосредоточено на Украине, 28% – в Москве и Горьком (в принципе, если двигаться с запада – примерно одно направление) и 16% – в районе Ленинграда.

Эти проценты можно проиллюстрировать. Насчет Украины: в Харькове родились средние танки «тридцатьчетверки», в Киеве строились боевые самолеты, в Мариуполе работал крупнейший в стране бронепрокатный стан. Мощный военно-промышленный потенциал был сосредоточен в Днепропетровске. В Москве и примыкающей к ней промышленной агломерации производили легкие танки, самолеты, артиллерийские орудия; в Горьком (нынешнем Нижнем Новгороде) – крупнейший в стране автозавод (на нем же во время войны производились легкие танки, бронеавтомобили, минометы), авиационный завод и множество других предприятий. Шестнадцать ленинградских процентов – это тяжелые танки, броневая сталь и бронепрокат, а также (в области) – алюминиевое сырье, металлический алюминий, а также незаменимые для военной техники сплавы на его основе.

Я не многое перечислил, однако не думаю, что здесь нужно более основательно погружаться в военно-промышленную географию: необходимые подробности будут в последующих главах. А приведенных примеров, думаю, вполне достаточно, чтобы объяснить идею трех броневых клиньев, разошедшихся от западной границы СССР на северо-восток (к Ленинграду), на юго-восток (на Украину) и в сторону Москвы.

Кстати, о Москве в директиве «Барбаросса» сказано так, чтобы и генералам было понятно: «Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношениях решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла»[45]. Но всему свой черед.

Наверно, в свете сказанного уже не требует особого пояснения и концепция «блиц», на основе которой выстроена вся программа «Барбаросса»: надо было очень торопиться, чтоб успеть взять под контроль все то, что в совокупности Гитлер назвал «жизненной силой России». Разработчики программы задолго до начала боевых действий (директива ведь подписана 18 декабря 1940 года) опасались, что при медленном наступлении обороняющаяся сторона непременно использует производственные возможности этих предприятий, чтобы хоть частично восполнить катастрофические потери военной техники на границе, и тогда на пути германских войск появятся новые заградительные барьеры, даже более опасные, чем вдоль рек Буг и Прут, поскольку во время активных военных действий добиться эффекта внезапности уже не удастся. (Это были не умозрительные опасения, и, когда блицкриг превратился в затяжную войну, они подтвердились).

Заставляла торопиться и надежда, что «жизненную силу России», захваченную в рабочем состоянии, удастся сразу же переориентировать на службу рейху: ведь промышленные мощности Чехословакии, Бельгии, Франции к этому времени работали уже в полную силу, оснащая вооруже-

---

[44] См., например: Д.В.Гаврилов. Уральский тыл в Великой Отечественной войне: геополитический аспект / Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 г.: Тезисы докладов научно-практической конференции. Екатеринбург, 20–21 апреля 1995 г. – Екатеринбург, 1995.

[45] Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4. С. 127.

нием вермахт. К слову, безоглядно (то есть не мысля, что когда-то может случиться Нюрнберг) терроризируя бомбежками жилые и деловые кварталы подготавливаемых к захвату городов, немцы во многих случаях достаточно «бережно» обходились с промышленными предприятиями: рассчитывали заполучить их более или менее неповрежденными. Но приходилось торопиться еще и по той причине, что «русские» (не фанатики-«большевики», а народ, успешно применивший тактику выжженной земли против Великой армии Наполеона) сами все разрушат.

Директива «Барбаросса» не только призывала армию вторжения торопиться, но и создавала для того условия. Наступающим воинским формированиям было велено не отвлекаться на попутные задачи: не бомбить второстепенные объекты, расположенные в стороне от главного направления, не заботиться о защите флангов (ибо некому будет нападать), тем более не заморачиваться вопросами военно-административного, так сказать, обустройства захваченных территорий (с этим успеется). Вперед и только вперед!

В общем, директивой «Барбаросса» войскам предписывалось, взяв разгон на границе, на большой скорости, практически без остановок (фигурально выражаясь, не выключая танковых моторов) проскочить насквозь не очень широкий военно-промышленный пояс СССР до самой его восточной границы – «забрать у противника его промышленные районы», как откровенно выразился Гальдер в своем дневнике (3 июля 1941 года). Такими действиями (а не захватом столицы) вермахт и выполнит задачу, поставленную фюрером, – «уничтожить жизненную силу России». *Лишенной этой силы России* воевать будет просто нечем – бери ее голыми руками.

«Кампания против России выиграна»?

Поначалу все у них так и пошло, как было запланировано. Как это выглядело, нынче можно себе представить отчасти по кадрам немецкой кинохроники первых дней вторжения в СССР (они примелькались на наших телеэкранах), отчасти по воспоминаниям очевидцев. Не наступающие в рукотворных громах и молниях цепи, а маршевые колонны: молодые спортивного вида парни в распахнутых на груди гимнастерках, торчащие по пояс из танковых люков, колонны автоматчиков-мотоциклистов, вместительные грузовики с пехотой, запыленные, но довольные, улыбающиеся лица, бодрые марши, сентиментальные губные гармошки – не война, а парад победителей.

Иногда вблизи дороги они обнаруживают беспорядочные группки уныло бредущих на восток красноармейцев. Это еще не пленные, но брать их в плен немцам пока что недосуг: торопятся.

Но уже 23 июня Гальдер получает донесения с еще не устоявшегося фронта о том, что «противник пытается сосредоточить свои подвижные соединения в глубине обороны». Генералу это кажется просто невозможным: по его мнению, «местные переброски наземных [советских] войск и авиации являются вынужденными и предприняты под влиянием продвижения наших войск, а не представляют собой организованного отхода с определенными целями».

На третий день войны (он считает дни, как ступеньки к вершине триумфа, полагая, что их будет немного) Гальдер записывает: «Противник в пограничной полосе почти всюду оказывал сопротивление. Если он при этом не совсем представлял себе обстановку, то это явилось следствием тактической внезапности, которая привела к тому, что сопротивление противника оказалось неорганизованным, разобщенным и поэтому малоэффективным... Признаков оперативного отхода противника пока нет». Однако: «Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен». И где-то в середине того же дня: «В общем, теперь стало ясно, что русские не думают об отступлении, а, напротив, бросают все, что имеют в своем распоряжении, навстречу вклинившимся германским войскам. При этом верховное командование противника, видимо, совершенно не участвует в руководстве операциями войск».

Генерал-полковник Гальдер – один из основных авторов плана «молниеносной» войны против СССР, но он трезвомыслящий человек, и любопытно, читая его «пронумерованные» дни войны один за другим, наблюдать, как у него рассеивается эйфория от первых успехов и нарастают недоумение и озабоченность: «*Оценка обстановки* на утро в общем подтверждает вывод о том, что русские решили в пограничной полосе вести решающие бои и отходят лишь на отдельных участках фронта, где их вынуждает к этому сильный натиск наших наступающих войск... Противник организованно отходит, прикрывая отход танковыми соединениями, и одновременно перебрасывает большие массы войск с севера к Западной Двине» (4-й день войны). «*Группа армий "Юг"* медленно продвигается вперед, к сожалению, неся значительные потери. У противника, действующего против группы армий "Юг", отмечается твердое и энергичное руководство» (5-й день войны). 6-й день войны: у главнокомандующего сухопутных войск Браухича вызвало раздражение, «что некоторые переброски и маневры в полосах групп армий происходят не так, как было намечено вчера во время переговоров главкома с командующими группами армий "Центр" и "Юг"»; по этому поводу Гальдер рассудительно замечает: «На фронте под влиянием изменений обстановки, состояния дорог и других обстоятельств события развиваются совсем не так, как намечается в высших штабах, что создает впечатление, будто приказы, отданные ОКХ, не выполняются». И еще: «Средствами радиоразведки впервые установлено, что Москва непосредственно руководит боевыми действиями».

8-й день войны: «В тылу группы армий "Север" серьезное беспокойство доставляют многочисленные остатки разбитых частей противника, часть которых имеет даже танки. Они бродят по лесам в тылу наших войск. Вследствие обширности территории и ограниченной численности наших войск в тылу бороться с этими группами крайне трудно... *Сведения с фронта* подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. Лишь местами сдаются в плен».

В общем, несмотря на феерический успех первого дня, война началась вовсе не так, как ее планировали разработчики операции «Барбаросса». Один, два, три случая – это еще куда ни шло (Гальдер ведь убедительно объяснил несовпадение реальных действий с планами, вызвавшее раздражение у Браухича). Но когда прошло больше недели, неприятности стали «сгущаться», и стало очевидно, что замысел блицкрига проваливается, уж так не хотелось автору дневника верить в несостоятельность своего интеллектуального детища! И он безотчетно стал искать в фронтовых сводках поводы поверить в то, что, несмотря на непредвиденные трудности, все идет по плану: «*Группе армий "Юг"* удалось не только отбить все атаки противника на южный фланг танковой группы Клейста, но даже продвинуться правым флангом танковой группы в юго-восточном направлении. Наши войска несколько продвинулись на восток» (27 июня, 6-й день войны). «Моральное состояние наших войск всюду оценивается как очень хорошее, даже там, где им пришлось вести тяжелые бои. Лошади крайне изнурены» (29 июля, 8-й день войны). «На фронте *группы армий "Юг"*, несмотря на отдельные трудности местного значения, бои развиваются успешно. Наши войска шаг за шагом теснят противника»; «*Обстановка на фронте вечером:* В общем операции продолжают успешно развиваться на фронтах всех групп армий. Лишь на фронте группы армий "Центр" часть окруженной группировки противника прорвалась между Минском и Слонимом через фронт танковой группы Гудериана. Это неприятно, но не имеет решающего значения» (30 июня, 9-й день войны). «Вечерние оперативные донесения: На фронте *группы армий "Юг"* отражена сильная атака противника западнее Ровно. Противник понес большие потери. Временная задержка 3-го моторизованного корпуса (северное крыло танковой группы). Продвижение на центральном участке и на южном фланге. Наши войска в Румынии форсировали Прут и вклинились на территорию противника в среднем на 12 км. Перед фронтом 17-й армии противник, введя в бой крупные силы танков в качестве прикрытия, организованно отходит. Наши дивизии энергично преследуют отходящего противника» (2 июля 1941 года, 11-й день войны).

Продвижение на восток давалось заметно трудней, чем представлялось полгода назад в берлинских кабинетах, но увеличение потерь и отставание по времени не вызывали особого беспокойства у руководства вермахта и рейха: в целом все идет по плану, и по поводу достижения главных целей операции сомнений быть не может. Был даже момент, когда казалось: окончательный перелом наступил, свершилось!

Я имею в виду 3 июля, 12-й день войны. С утра в тот день Гальдер записал, что противник «ведет упорные арьергардные бои», тем не менее, «видимо, отходит за Днестр»; трудности продвижения формирований вермахта генерал объясняет плохой погодой: проливные дожди «совершенно размыли дороги». Северный фланг южной группировки пытаются атаковать какие-то уцелевшие красноармейские части, но их руководство явно не имеет ни общей картины обстановки, ни внятного плана действий, а потому «в этих несогласованных атаках [нельзя видеть] какую-либо угрозу оперативного значения». В таком же духе он рассматривает донесения других участков неоглядного театра военных: «В целом теперь уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена» и т. п. В итоге он приходит к выводу, что «кампания против России выиграна в течение 14 дней. Конечно, она еще не закончена. Огромная протяженность территории и упорное сопротивление противника, использующего все средства, будут сковывать наши силы еще в течение многих недель... Когда мы форсируем Западную Двину и Днепр, то речь пойдет не столько о разгроме вооруженных сил противника, сколько о том, чтобы забрать у противника его промышленные районы и не дать ему возможности, используя гигантскую мощь своей индустрии и неисчерпаемые людские резервы, создать новые вооруженные силы». (Как видите, опять он о промышленных районах!)

Вот он, финал операции «Барбаросса»; вот шах, за которым, по замыслу гроссмейстеров военно-провокационной интриги, должен был неотвратимо последовать мат, завершающий геополитическую партию, навязанную «большевистской России»! На такой стадии игры оконфуженный игрок кладет обычно своего короля на доску и заявляет о признании проигрыша. Но!..

Сталин своего «проигрыша» не заметил

Как-то так вышло, что никто из историков Великой Отечественной войны не обратил внимание на случайный, конечно, но курьезный факт: известная запись в дневнике Гальдера о том, что «кампания против России выиграна в течение 14 дней» точно совпала по времени с первым после начала войны радиообращением Сталина к советскому народу – то и другое случилось 3 июля 1941 года.

«Фишка» этого сюжета в том, что Сталин своего проигрыша будто и не заметил! Обращение «Братья и сестры» оказалось единственной странностью, за которую смогли уцепиться нынешние историки и публицисты антисталин-

ского толка, однако его растерянность ни в чем другом больше не проявилась. Тон его выступления (можете убедиться, отыскав аудиозапись в Интернете) был энергичен, напорист и непреклонен едва ли не в большей степени, чем обычно.

Конечно, вождь приукрасил ситуацию: мол, «лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения»; хоть «враг продолжает лезть вперед», но уже «в бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии – беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины поднимается весь советский народ». Сегодня некоторые историки и публицисты порицают его за неоправданный оптимизм; а что, было бы лучше, если б он сгустил краски, провоцируя панические настроения? Паники хватало без него, Сталин же, не умаляя смертельной опасности, стремился укрепить надежду. Даже почти слово в слово повторил слоган, которым заключил свое выступление В.М.Молотов в первый день войны (сам же он, по легенде, его в молотовское радиообращение и вписал): мол, лучшие люди мира «видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить».

Это была речь руководителя страны, попавшей в катастрофическую ситуацию, но не имеющего и тени сомнения в конечной победе.

Она была психологически точно выстроена. Сначала он объяснил причины тяжелого поражения. Вы скажете: упрощенно, тенденциозно, исказив факты? Но если бы он объяснил их так, как объясняют нынешние историки-антисталинисты, окончательный разгром Советского Союза был бы уж точно неминуем и скор. А Сталину нужен был понятный и убедительный исходный тезис, и в этом плане он, строго говоря, никого не обманул: враг коварен и силен, пощады от него не будет, альтернативы победе просто нет. Тем самым он дезавуировал успокоительную пропаганду последних мирных месяцев и дней (которую сам же и запустил), предостерег против недооценки смертельной опасности и призвал сплотиться, чтоб победить врага.

Сплотиться – вот в чем видел он главное условие победы.

Дальше Сталин четко обозначил конкретные пути выхода из катастрофической (особо подчеркну: он не употребил этого слова, да все ведь и без того понимали) ситуации. Настроиться на военный лад, исключить панические настроения – это, конечно, не цель, а условие ее достижения. «Отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови», – это во время военных действий очевидное требование главнокомандующего (формально он займет этот пост немного позже, но фактически кто же в стране и в тот момент имел большую власть, чем он?). «Немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага», – это уже способ движения к цели, еще не обозначенной. «Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым. Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону», – вот это уже конкретная программа, правда, обозначенная в самой общей форме. Но каждый руководитель на своем месте и без подсказки понимал, чт он должен делать; важно было только почувствовать, что не он один на пределе сил и возможностей выполняет свой долг, а вся страна объединяет силы в едином рывке. Вот это и было главным побудительным мотивом сталинского выступления.

Словом, в самый критический для страны момент Сталин напомнил «братьям и сестрам», что главные их интересы в ситуации военного кризиса совпадают, так что надо действовать сообща, и план действий он определил четко.

В этой абсолютно ясной ситуации неясным остается один вопрос: если война (как авторитетно заявлял Гальдер) была уже проиграна, какой смысл был в сталинском плане? Он, конечно, в дневник высокопоставленного немецкого генерала не заглядывал, но должен же был как руководитель страны понимать катастрофичность положения на фронте.

Напрашиваются три версии объяснения сталинского оптимизма, который многим сегодняшним историкам и публицистам кажется для того момента неоправданным: либо он на самом деле был недостаточно компетентен; либо понимал, что война безнадежно проиграна в первый же день, но от отчаяния пошел ва-банк; либо знал о возможностях СССР нечто такое, что было неведомо Гальдеру. Текст его выступления 3 июля по радио не позволяет однозначно принять один из этих вариантов: Сталин был спокоен и уверен, но на чем была основана его уверенность, он не сказал.

А почему он должен был сразу раскрыть все карты? Он умел держать паузу. Вспомните, как равнодушно он отреагировал (ну, это было четырьмя годами позже) на сообщение Трумэна о том, что у американцев появилась бомба «необычайно большой силы». Тот даже подумал, что Сталин ничего не понял. Еще как понял!

А вот была ли у него самого тайная «бомба» в 1941 году?

Тут – как сказать. Оружие, которое при первом столкновении с ним устрашило немцев, в стране было: танки Т-34, «катюши». Но все-таки оно не было сопоставимо по своей сокрушительной силе с

атомной бомбой, и, конечно, не его Сталин имел в виду.

Думаю, уверенность советского лидера держалась на двух прочных основаниях.

Одно он и не скрывал – напротив, акцент на нем стал стержневым положением его программного выступления по радио 3 июля.

А на другое Сталин только намекнул, поскольку это была стратегическая операция, которая еще только (или лучше сказать: уже?) началась. О таких вещах нельзя говорить вслух, чтобы противник не организовал упреждающих действий. Однако очень взвешенная информация была необходима, чтобы, не раскрывая сути происходящего, настроить советских людей на сознательное и активное участие в ее осуществлении. И Сталин сказал ровно столько, сколько было в той ситуации необходимо.

Что я имею в виду? Во-первых, ставку на единение советского народа. Во-вторых, передислокацию – в рамках эвакуации, отчасти и под видом эвакуации – военно-производственных мощностей страны с целью их концентрации и модернизации, а в конечном счете – с целью создания невиданного по своей мощи ударного кулака, которым будет разгромлена армия агрессора.

Читатель знает, что операция, на которую Сталин лишь намекнул в своем радиообращении, составляет основную тему моей книги.

Но категорически утверждаю: она не могла бы реализоваться, если б, к примеру, харьковчане, киевляне или ленинградцы, приехавшие со своими станками и чертежами на Урал, не чувствовали на Урале, что они у себя дома; если б не встали у своих станков, верстаков, кульманов, агрегатов, установок, штурвалов и прочая, прочая – *советские* люди, не разбираясь, кто тут русский, а кто татарин, «хохол», еврей, белорус, грузин и т. д.; кто тут исконный уралец, а кто «понаехал», кто потомственный пролетарий, а кто из крестьян, а то даже из «бывших». Все творили общую победу – «одну на всех», – и если бы не было этого единения, то и Победы 1945 года не было бы точно!

Однако еще с советских времен понятие о «новой исторической общности людей – советском человеке» настолько навязло в зубах, что некоторые вполне серьезные нынешние обществоведы считают его агитпроповским симулякром, только в лозунгах и существующим, а в реальной жизни ни с чем не соотносимым. Но если с таким его толкованием согласиться, тогда надо признать, что Сталин бросил с помощью радио очередной лозунг – и запуганные еще в 1937 году «массы» покорно пошли умирать возле станков и закрывать грудью амбразуру. Надо очень не уважать собственный народ, значит и себя, чтоб так думать.

Видите ли, я сам в какой-то мере свидетель войны (хоть пережил ее еще в малолетнем возрасте); потом много десятилетий жил среди фронтовиков (которые были еще в расцвете сил – им не оказывали особых почестей, потому что на них держалась жизнь в стране: сами себя, что ли, они должны были славить?), много читал о войне – и беллетристики, и публицистики, и научных исследований), немало посидел и в архивах, изучая документы «пламенных лет», и вот какое убеждение из всего этого вынес: *морально-политическое единство советского народа* – не химера, рожденная в головах партийных пропагандистов, а явление очень даже реальное. Но это не тонкая субстанция, сотканная из эфира, а «изделие» грубо рукотворное, если угодно – ремесленное, порой и с примесью артистизма, но больше – «топором да долотом». Не думаю, что здесь применялась утонченная технология, но без опыта, накопленного поколениями, все же не обошлось.

Но не буду говорить загадками – мысль моя, в общем-то, проста: советский народ победил в этой войне (которая, вопреки измышлениям некоторых современных умников, на самом деле была и Великая, и Отечественная), потому что действовал сообща, как единый социальный организм. А действовал он таким образом не потому, что в нем «проснулось» нечто исконно русское, былинное, чуть ли не мистическое, а потому что был соответствующим образом организован. Жестко организован, но не заградотряды, не приказ «Ни шагу назад!», не органы госбезопасности я имею в виду, а единение именно на уровне общественной морали, чувство причастности к общей судьбе. Словом, был именно советским народом.

Можете считать понятие *морально-политического единства советского народа* общим местом советской пропаганды – и большой ошибки не совершите, потому что оно действительно звучало на каждом шагу. Однако при этом практически никогда не говорилось, откуда это единство в народе, пережившем и гражданскую войну, и раскулачивание, и тридцать седьмой год, взялось. А документы, которые помогли бы ответить на этот вопрос, до недавнего времени хранились под грифом «секретно». Когда же их рассекретили, обращаться к ним стало «неполиткорректно».

Мне без обращения к этому вопросу главную тему книги было не раскрыть, поэтому решусь на него отвлечься, еще немного злоупотребив вниманием читателя, интересующегося самим процессом перемещения имущества, оборудования и людей из «угрожаемой зоны» в тыл. Дойдем и до главного, но пока – об условии, без которого все было бы иначе или вовсе не было.

4. Да, Великая, да, Отечественная

Попытки разрушения главной опоры

Директива «Барбаросса» адресовалась генералам вермахта, в ней определялась общая цель похода на восток, ставились конкретные задачи основным ударным группам; буквально первой же фразой подчеркивалось, что Советскую Россию требуется разбить в ходе кратковременной кампании. При этом предполагалось, но не было (и не могло быть сказа-

но в силу специфики документа) ни слова о том, что СССР рассыплется после первого же сокрушительного удара. Библейское выражение «колосс на глиняных ногах» разработчиками дерзкого плана применительно к Советскому Союзу, будто бы и самим Гитлером тоже, употреблялось, но воинство настраивалось на самое серьезное сражение.

Германская военная разведка не создавала удобные для солдат и офицеров вермахта мифы, а заблаговременно выясняла реальные трудности, с которыми придется столкнуться войскам, когда они вторгнутся в Советский Союз, и в ее донесениях периода разработки операции «Барбаросса» можно прочитать неглупые вещи.

В частности, в докладе Отдела иностранных армий Востока генштаба сухопутных войск вермахта, датированном 1 января 1941 года, отмечалось, что вооруженные силы Советского Союза перестраиваются с учетом опыта финской войны: «Части, находящиеся под наблюдением энергичных военачальников высокого ранга, уже вскоре достигнут сдвигов в знании и боеспособности. Но крупные провинциальные контингенты армии будут совершенствоваться лишь медленными темпами. Не изменится *русский народный характер*: тяжеловесность, схематизм, страх перед принятием самостоятельных решений, перед ответственностью... Сила Красной Армии заложена в большом количестве вооружения, непритязательности, закалке и храбрости солдата. Естественным союзником армии являются просторы страны и бездорожье. *Слабость* заключена в неповоротливости командиров всех степеней, привязанности к схеме, в недостаточном для современных условий образовании, боязни ответственности и повсеместно ощутимом недостатке организованности»[46]. На совещании в ставке фюрера 1 мая 1941 года отмечено: «Русский солдат будет обороняться там, где он поставлен, до последнего»[47].

А где именно он будет *поставлен*, зависит, как известно (и они это хорошо понимали) от армейского руководства, которое, соответственно, представляло для них особый интерес.

Командиров Красной Армии гитлеровские военные аналитики оценивали по-разному: среди них обнаруживались «энергичные», но даже они были не очень грамотными и не очень опытными. В большинстве же своем красноармейские командиры, по мнению немецких аналитиков, были несравненно слабее завоевателей Польши, Франции и почти всех остальных стран Европы, а потому служить прочной опорой российскому колоссу в противостоянии армии вторжения не могли.

Другое дело – армейские политработники: их роль заключалась в том, чтобы (выражусь для наглядности несколько пафосно) встроить ратный труд в общегражданский контекст. Говоря проще, помочь солдату осознать, за что он воюет. Гитлеровские аналитики это понимали и резонно считали политических комиссаров Красной Армии главными «носителями сопротивления», а потому для вермахта людьми особо опасными. Тем объясняется появление незадолго до нападения на СССР беспримерных по своей жестокости и цинизму «Указаний верховного командования вермахта об обращении с политическими комиссарами». Этим документом войскам предписывалось, в частности, еще на поле боя отделять комиссаров от других военнопленных: «Это необходимо для того, чтобы лишить их возможности оказывать влияние на взятых в плен солдат. Комиссары не признаются военнослужащими; на них не распространяются положения международного права о военнопленных[48]. После того, как они отделены, их необходимо уничтожать <...> Казнь политических комиссаров после их отбора из общей массы военнопленных в войсках производить вне зоны боевых действий, незаметно, по приказу офицера»[49].

Стоит обратить внимание на труднообъяснимый «ляп», допущенный авторами этого циркуляра: подписан он 6 июня 1941 года (кстати, под ним стоит подпись фон Браухича, непосредственного начальника Гальдера), а институт политических комиссаров в Красной Армии был упразднен еще 12 августа 1940 года. Неужто на протяжении десяти месяцев хваленая германская разведка о том не знала? Или немецкая штабная бюрократия не поспевала за событиями? Впрочем, для нас здесь ни эти причины, ни самый тот «прокол» не имеют особого значения, тем более что вскоре после начала войны (16 июля 1941 года) институт комиссаров был восстановлен, и «указания» снова обрели актуальность. (Правда, в октябре 1942 года его упразднили уже окончательно в пользу единоначалия в войсках). К тому же нет ничего неожиданного в преступном распоряжении нацистских вождей отстреливать неугодных рейху людей: до того вне закона объявлялись евреи и цыгане, теперь вот красноармейские политработники.

Примечательно другое: как ни бодрили себя гитлеровские стратеги мыслью, что Советский Союз непрочен, но твердой уверенности в том не имели. Возможно, относиться с опаской к нескладному, но быстро набирающему силу гиганту побуждал их опыт сотрудничества с «Советской Россией» в тридцатые годы: малограмотные «большевики» прямо на их глазах умели добиваться гораздо большего, нежели от них ожидалось.

Так или иначе, собираясь разрушить «колосса на глиняных ногах» одним ударом, немцы искали способы ослабить его фундамент. Фигурально выражаясь, фундамент можно подорвать динамитом или тротилом, а можно извести сыростью, плесенью, ржавчиной. Второй способ, при отсутствии прямых военных действий между враждебными государствами,

[46] Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4. С. 128, 129. (Выделение – в оригинале).

[47] Там же. С. 131.

[48] Речь, разумеется, идет о признании/непризнании не международными соглашениями, а авторами документа.

[49] Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4. С. 135, 136.

единственно возможен, но он отнюдь не отбрасывается за ненадобностью, когда противостояние переходит в «горячую фазу». Геббельсовское «министерство правды» работало в тесном контакте с нацистской военно-политической верхушкой, в результате «идеологическое оружие» изощренно использовалось против СССР и до нападения 22 июня, и уже после начала военных действий.

Так, из дневника Гальдера известно, что на совещании у фюрера 17 мая 1941 года в числе полутора десятков стратегических вопросов рассматривался и такой: «План мероприятий по разложению населения Украины и Прибалтики»; суть его в дневнике не раскрывается, но можно догадываться. Директивой по вопросам пропаганды в период нападения на Советский Союз, подписанной Йодлем 6 июня 1941 года, предписывалось разъяснять (не сказано – кому), что «противником Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно еврейско-большевистское советское правительство», что «германские вооруженные силы пришли в страну не как враг, что они, напротив, стремятся избавить людей от советской тирании». При том что (в другом документе) категорически утверждается: «Эта борьба должна преследовать цель превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью»[50]. И совсем уж откровенно: «...пропаганда должна вообще способствовать распадению Советского Союза на отдельные государства»[51].

Опасность диверсий противника на «идеологическом фронте» хорошо ощущало и понимало советское руководство. И.В.Сталин, подводя итог первых месяцев войны в традиционном докладе по поводу 24-й годовщины Октябрьской революции (6 ноября 1941 года), отметил: «Немцы рассчитывали... на непрочность советского строя, непрочность советского тыла, полагая, что после первого же серьезного удара и первых неудач Красной Армии откроются конфликты между рабочими и крестьянами, начнется драчка между народами СССР, пойдут восстания и страна распадется на составные части, что должно облегчить продвижение немецких захватчиков вплоть до Урала[52].

Это говорилось в тот момент, когда военное противостояние между захватчиками и защитниками уже достигло предельного накала, но коренной перелом еще не наступил. В *оборонительной* фазе продолжалась Московская битва, ситуация в целом была неустойчивая, и дальнейший ход событий – неясен. Сталин тогда не мог знать, что враг изначально не собирался продвигаться «вплоть до Урала», и мог надеяться, что: «Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть годик, – и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений»[53] (это он говорил на другой день – обращаясь уже к участникам легендарного парада на Красной площади). Однако срок, установленный разработчиками плана «Барбаросса» для молниеносной победы над СССР, к тому времени истек; Германия, вопреки всем ее расчетам, интересам и даже возможностям, увязла в затяжной войне. Так что Сталин, развивая в своем докладе мысль о надежде захватчиков на непрочность советского строя, с полным правом продолжил ее так: «Но немцы и здесь жестоко просчитались. Неудачи Красной Армии не только не ослабили, а наоборот, еще больше укрепили как союз рабочих и крестьян, так и дружбу народов СССР»[54].

Зал ему, естественно, аплодировал: заявление о прочности советского государства в тот момент не должно было вызывать ни малейших сомнений. А если у кого-то они и были – их следовало держать в прочно запертых тайниках души. Дело даже не в том, что, высказав их вслух, можно было нарваться на репрессии: вирус сомнений, привнесенный кем-то (даже в благом устремлении к правде) в перенапряженный организм общества, мог возбудить опасный недуг, и результат мог быть, увы, печальный...

Но в наглухо зашторенной душе вождя этот «вирус», точно, таился, и Сталин освободил-таки его, когда тот был уже не опасен. В знаменитом тосте на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии (24 мая 1945 года) Сталин высказал мысль, видимо, мучавшую его все четыре года войны: «У нашего правительства было не мало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения... Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом»[55].

«Бурные, долго не смолкающие аплодисменты», вызванные этим признанием, закрепили (по крайней мере, в официальном обиходе) представление о, скажем так, монолитности советского народа как о непреложной истине, подтвержденной самим фактом *сообща* завоеванной Победы. И, как всякая очевидность (снег холодный, а вода мокрая), проблема морально-политического единства советского народа во время Великой Отечественной войны оказалась вне поля научно-исследовательской проблематики, да и документы, на которые мог бы опереться исследователь, обратившись к этой проблеме, хранились под грифом «секретно».

Впрочем, не все: те, которыми очерчивались границы явления, не затрагивая его внутренней сути, как раз были предметом самой настойчивой пропаганды.

---

[50] Там же. С. 132.
[51] Там же. С. 136.
[52] *Сталин И.В.* Великая Отечественная война Советского Союза. С.22.
[53] Там же. С. 39.
[54] Там же. С. 22.
[55] Там же. С. 196–197.

Опорное понятие

Заключительную часть своего радиообращения 3 июля 1941 года Сталин начал с формулировки, которой была заложена идеологическая основа стратегии отражения вражеского нашествия: «Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем войной всего советского народа против немецко-фашистских войск... Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции...» Далее он говорит о «всенародной Отечественной войне», о «нашей Отечественной войне». И завершает: «Все силы народа – на разгром врага!»[56]

Это было не первое появление в публичном пространстве понятия «Отечественная» применительно к войне советского народа против гитлеровской Германии. Впервые такое определение прозвучало в полдень 22 июня 1941 года – в радиообращении В.М.Молотова по случаю начала войны. Однако, по свидетельству самого Молотова, текст его выступления составлялся не им одним, над ним поработало все политбюро и Сталин в том числе. Неважно, кто произнес слово «Отечественная» первым; важно, что с первого же дня войны оно стало ключевым в организации сопротивления врагу.

Думаю, потому это определение сегодня особенно настойчиво атакуется публицистами антисоветского толка, которые пытаются – чем: сыростью, плесенью, ржавчиной? – разрушить фундамент нашей памяти о войне.

Кажется, от Суворова-Резуна пошло: не была, мол, она ни отечественной, ни великой. Некоторые публицисты (не стоит популяризировать их имена) его «наживку» с готовностью заглотили. Доводы у них были разные: народ, дескать, воевал под нажимом НКВД и под контролем заградотрядов; война будто бы могла называться отечественной, пока врагов изгоняли со своей территории, но когда вступили в Европу – быть таковой перестала; войну вела сталинская клика за то, чтоб удержаться у власти, а народу она была не нужна – ну, и иные фантазии в том же духе на эту тему.

Естественно, многие такую перелицовку здравого смысла категорически не приняли, и среди тех, кто достойно ответил Резуну, был Л.А.Аннинский. Писатель, правда, отдал дань «демократическим» веяниям: допустил, что «у Сталина был злой умысел. Как и у Гитлера <...> Но когда зарубежное воинство вторгается в твой дом, – продолжил он уже свою тему, – тут начинается совсем другая драма. И "ярость масс" переходит в другой регистр. Это уже народная война. Отечественная. С чего она начинается, кто там кого подловил, упредил, объегорил – все это уже неважно. Отечественная война становится фактом, и от нее отсчитывается все <...> Никуда не уйдут из нашей истории ни московская осень сорок первого, ни ленинградские блокадные зимы, ни весна сорок пятого. Ни отчаянность Сталинграда, ни партизанская эпопея Беларуси, ни миллионы калек, умерших в госпиталях Урала и Сибири, ни миллионы бойцов, чьи кости безымянно разбросаны по брянским лесам и украинским степям»[57].

На месте Аннинского я не стал бы играть с Резуном «в поддавки» – насчет «злого умысла» у Сталина. Я понимаю ход мысли писателя: «Даже если – и то...» Надеюсь, для читателя, который согласился с моей трактовкой обстоятельств нападения Германии на СССР в предыдущих главах, никаких «если» быть не может. Но я согласен со Львом Александровичем в том плане, что для советского народа, помнящего и московскую осень 1941 года, и Сталинград, и все остальное, о чем он пишет, война 1941–1945 годов не может *помниться* иной, кроме как Отечественной.

И все же, я думаю, руководители Советского Союза, в первый же день объявившие начинающуюся войну *отечественной* (определение «великая» появится позже, когда станут подводить ее итоги[58]), имели в виду не совсем то, о чем говорит Аннинский. Он ведь говорит об опыте, вынесенном из войны, а руководители страны – о том, чем война, только начинающаяся, *должна стать* – вопреки всем противоречиям, накопившимся в советском обществе, несмотря на все травмы и обиды, нанесенные властями народу; несмотря на все вполне реальные причины, дающие повод нацистским вожакам предполагать, что у советского колосса «глиняные ноги», то есть советская государственность очень хрупкая и не выдержит мощного удара. Вопрос стоял буквально так: либо война станет Отечественной, то есть войной всего народа, либо она обернется страшной катастрофой.

Хочу обратить внимание читателя на два важных момента. Объявляя войну «Отечественной», советские руководители сразу же соотнесли острейшую «злобу дня» с народным опытом и народным самосознанием: дескать, такое уже было в нашей истории, и тогда мы, русский, российский народ, выдержали испытание с честью, так не уроните же эту честь сегодня. И еще: призывая к всенародной борьбе против гитлеровского нашествия, Сталин и его сподвижники были озабочены все же не сохранением «режима» (и собственных персон во власти), как домысливают нынешние антисталинисты; зависимость мыслилась прямо противоположной: только этот «режим» (употребите это слово, если оно вам так нравится) был способен *мобилизовать* все силы общества на отпор врагу; сама же по себе эта «ярость масс» (воспользуюсь этим выражением вслед за Аннинским), которая накалялась постепенно, трансформироваться в организованное сопротивление не могла.

Вот эти два положения: быть достойными потомками славных предков и в то же время быть «на-

---

[56] Там же. С. 16.

[57] https://public.wikireading.ru/21948.

[58] В неоднократно цитируемом здесь сборнике материалов И.В.Сталина об Отечественной войне определение «Великая» встречается, если я не ошибаюсь, только в заглавии книги.

стоящими советскими людьми» (коллективистами, готовыми, по слову поэта, «каплей слиться с массою»), – они в совокупности и составляют суть явления, которое в официальных советских документах называлось «морально-политическим единством советского народа».

Положение о «морально-политическом единстве» как отличительной черте советского народа было выдвинуто Сталиным на XVIII съезде ВКП(б) и отражало дух незадолго перед тем принятой новой советской Конституции. В той Конституции говорились правильные вещи, вот только была она в действительности не «основным законом», а декоративной ширмой, за которой скрывались вопиющие беззакония. По этой причине многие нынешние историки не без оснований полагают, что на самом деле никакого морально-политического единства, как, впрочем, и «советского народа» как социально-политической реальности не существовало: это, дескать, не более как симулякры советской пропаганды.

Однако подобным образом можно поставить под сомнение существование любой социальной общности! Между тем даже какое-нибудь общество филателистов реально не потому, что некоторое множество людей в собирании коллекции марок видит смысл своей жизни, а потому что существует коллекционирование марок как род занятий, привлекающий многих – очень разных по всем социальным параметрам! – людей.

Так что не вижу оснований сомневаться, что «морально-политическое единство советского народа» существовало, но не как осуществленный идеал, а как нравственно-политический *императив*, как система норм поведения человека *этого* общества в *это* время. Если этим нормам не следовать – общество своих сегодняшних проблем не решит.

«Императивные нормативы» привычны в человеческой жизни, их всегда было и есть сейчас великое множество – от христианских десяти заповедей до нынешней корпоративной этики. В этом бесконечном ряду стоят и совет «в чужой монастырь со своим уставом не ходить», и «клятва Гиппократа», и «торжественное обещание юного пионера», и утесовская песня «Ты одессит, Мишка, а это значит...», и неотразимый аргумент комиссара Воробьева, заставивший встать на протезы вместо утраченных ног героического летчика Мересьева (в повести Бориса Полевого и фильме Александра Столпера «Повесть о настоящем человеке»): «Но ты же советский человек!»

Увы, нравственный императив – это не Уголовный кодекс, за несоблюдение которого могут и наказать «по всей строгости закона»; поэтому ни десять заповедей, ни монастырский устав, ни пресловутый «моральный кодекс» образца 1961 года сами по себе, лишь фактом своего существования, не могут заставить человека жить ни «по-божески», ни «по-советски». Но практически любой устав или кодекс соблюдается более или менее прилежно, если он подкрепляется системой мер, склоняющих человека, которому он предписан, следовать ему по каким-то личным причинам. Кто-то боится не попасть в рай, кто-то другой – изгнания из монастыря или исключения из партии; даже перспектива стать «нерукопожатным» может удержать кого-то третьего от поступков, противоречащих неписанному уставу некоего сообщества, принадлежность к которому для него значима. Тут есть о чем поразмышлять, но читатель это сделает сам, без моего наставления.

Я же клоню к тому, что нравственно-политический императив, заложенный в понятии «морально-политическое единство советского народа», на самом деле остался бы чисто пропагандистским симулякром, если б не был подкреплен очень эффективной системой мер «добровольно-принудительного» подчинения его требованиям. Благодаря этому каждый гражданин страны – получивший преференции от советской власти или, напротив, незаслуженно обиженный ею, «идейный» пролетарий, политически инертный крестьянин, осторожный обыватель «из бывших», специалист с высшим образованием или грамотей, прошедший ликбез, верующий или атеист – каждый, повторяю, не изменяя своей памяти и не поступаясь своим «я», вольно или невольно становился *советским человеком*, готовым пойти на любые лишения, сделать все, что в его силах, и даже более того, – лишь бы защитить Отечество от вражеского нашествия, переломить ход войны, добиться общей победы. Вот это и есть подлинный смысл определения войны Советского Союза против гитлеровской Германии как Отечественной!

Важно, что она стала таковой не по факту (как трактует Л.А.Аннинский), а такое направление ей *было задано* военно-политическим руководством страны с самого начала, с первого дня. Причем это было не *указание* (лозунг, призыв), а организационный принцип, сразу же развернувшийся в программу действий. Эффективность этой программы проявилась с первых шагов, когда страна начала приходить в себя после ошеломляющего (а немцы думали, смертельного) удара в момент нападения. Первый итог усилий в этом направлении подвел И.В.Сталин в упомянутом выше докладе по поводу 24-й годовщины Октября: «Вполне вероятно, что любое другое государство, имея такие потери территории, какие мы имеем теперь, не выдержало бы испытания и пришло бы в упадок. Если советский строй так легко выдержал испытание и еще больше укрепил свой тыл, то это значит, что советский строй является теперь наиболее прочным строем»[59].

Глаз нынешнего читателя непременно споткнется об это «легко выдержал»: мы-то нынче знаем, какие тяжелые потери понесла страна как раз в те первые месяцы войны. Да и участники торжественного заседания, собравшиеся не в празднично украшенном

[59] *Сталин И.В.* Великая Отечественная война Советского Союза. С. 22.

зале Большого театра (как бывало в прежние годовщины), а в подземном вестибюле станции метро «Маяковская», не заблуждались на этот счет. Но, как и 3 июля по радио (и по тем же причинам), вождь избегал чрезмерного сгущения красок, однако не обманывал слушателей в главном: советский строй выдержал удар, а потому выдержала и страна.

Но Сталин в знаменитом докладе ничего не сказал о природе этой стойкости, о «технологии» превращения дискретного (если не сказать дисперсного) человеческого материала в прочный монолит. А это, пожалуй, и есть главный секрет Победы. Не иносказательно, а на самом деле – секрет, ибо партия (естественно, ВКП(б): никакой другой партии тогда в стране не было), эту трансформацию осуществлявшая, свою «кухню», не всегда «стерильную», предпочитала не выставлять на всеобщее обозрение, и документы, касающиеся этой темы, до конца советской власти хранились под грифом «секретно». Ну, а когда полвека спустя одряхлевшую и действительно уже немощную партию отстранили от руководства страной и упразднили, о роли партии в Великой Отечественной войне стали говорить – в полном противоречии со старой латинской пословицей – либо плохо, либо ничего. Однако в этой зоне умолчания, по-моему, и таится та правда о войне, которую сегодня безуспешно ищут, сшибаясь умными лбами, «сталинисты» и «антисталинисты».

Начинали с партсобраний

Со времени хрущевского доклада на XX съезде КПСС о культе личности Сталина и по сей день не утихают споры о том, какую роль играл вождь в развитии военных событий. Почему-то чуть ли не ключевое значение придается вопросу, почему не он, а Молотов выступил по радио с обращением к народу о начале Отечественной войны. И вообще – достойно ли он себя повел в первый день войны?

Да так ли это важно? Допустим, он на самом деле растерялся, запаниковал (как «свидетельствовал» Хрущев – хотя сам этого видеть не мог, поскольку 22 июня находился в Киеве): живой ведь человек, а удар был сокрушительный.

Но партийно-государственная система, им созданная и возглавляемая, четко заработала в тот самый момент, когда страна узнала о начале войны. Никаких заметных поворотов в работе этой системы не произошло после того, как Сталин – то ли из прострации, то ли из процесса медитации по поводу сложившейся обстановки – возвратился на привычное ему и стране место и уже не выпускал штурвал из твердых рук до победного завершения маршрута. Известно, что хорошо «натренированный» оркестр, случись такая необходимость, способен сыграть и без дирижера; вот так и советская партийно-государственная система, отлаженная Сталиным (конечно, на свой, сталинский лад) в предвоенные годы, издала первый аккорд «военной симфонии», не дожидаясь взмаха дирижерской палочки.

Как прозвучал тот аккорд, лучше обсуждать, не сопоставляя доводы озабоченных сегодняшними идеологическими заморочками «сталинистов» и «антисталинистов», а обратившись к партийным документам первых дней войны. Я думаю, документы из бывшего партархива Свердловской области в этом плане представляют особый интерес по той причине, что все запечатленные ими действия предпринимались не под влиянием прямой угрозы вражеского нападения (слишком далеко находился Урал от театра военных действий) и не под прямым руководством Москвы (средства связи были слабоваты, да и не до провинциальных частностей было в тот момент руководству страны). Местные партийные органы действовали по своему разумению – и в то же время в силу инерции, заложенной в системе партийно-государственной власти. Действовали так, как если бы, говоря по-сегодняшнему, в режиме онлайн получали инструкции из Кремля.

По этой партийно-советской привычке вступление в «новую реальность» следовало начинать с партийных собраний – с них и начали.

Чтобы нагляднее представить, как это происходило, приведу факты из докладной записки секретаря Арамильского райкома партии Ф.Глазырина, представленной в оргтдел обкома ВКП(б) на третий день войны: к 24 часам 22/VI все уполномоченные, назначенные райкомом, были на местах (в сельских, поселковых советах); к 8 часам утра 23/VI во всех первичных парторганизациях проведены собрания, партийные силы расставлены «по участкам населения, для проведения разъяснительной работы»[60].

Оцените мгновенность реакции системы на событие. Но, как вы понимаете, война только-только разгоралась на расстоянии двух тысяч километров от Урала, и в тот момент на собраниях, на митингах, в разъяснительных беседах с населением говорить можно было, в основном, на уровне общих мест. Так и говорили.

К примеру, городское *закрытое* партийное собрание[61] в городе Тавде, состоявшееся 23 июня 1941 года, приняло постановление о том, что «целиком и полностью одобряет Указ Президиума Верховного Совета СССР о проведении воинской мобилизации для изгнания зарвавшихся германских фашистов с нашей священной земли и окончательного их разгрома», а также к «сплочению масс трудящихся вокруг большевистской партии, советского правительства и вождя народов товарища СТАЛИНА»[62]. И в других аналогичных документах преобладают императивы типа «одобрить», «обеспечить», «мобилизовать», «организовать».

Казалось бы, бессмысленные, чисто протокольные мероприятия.

---

[60] Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 31. Д. 158. Л. 134.

[61] Кстати, а для чего его нужно было «закрывать»? Думаю, только для того, чтобы бурная реакция, которую вызывала ошеломляющая весть, «не выносились из избы», а «к народу» партийная организация вышла бы с взвешенным и твердым решением, как и положено «руководящей и направляющей» силе общества.

[62] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 155. Л. 39.

Зачем, к примеру, нужно было подкреплять постановлением городского партсобрания указ о воинской мобилизации, принятый в Москве накануне? Рай- и горвоенкоматы выполнили бы его и без партийных одобрений на местах.

Однако даже с мобилизацией оказалось не все просто.

С одной стороны, появились энтузиасты из числа членов ВКП(б), не получившие повестки, но желающие вступить в Красную Армию добровольно, и райкомам приходилось решать, насколько целесообразно поддерживать их заявления. Так, на заседании бюро Красноуфимского горкома в один из первых дней войны рассматривалось десятка полтора подобных заявлений. В основном их поддержали, но в некоторых случаях и отказали. Например, Александру Кузьмичу Голышеву, 1904 года рождения (а по указу призыву подлежали граждане, начиная с 1905 года рождения), отказали «в виду состояния здоровья»[63], но, может, больше потому (хоть в протоколе об этом не сказано), что он работал приемщиком в промартели «Красный партизан», выпускавшей какую-то продукцию оборонного назначения: найди-ка ему замену в центре сельскохозяйственного района. С другой стороны, случалось и такое: в Нижне-Сергинском районе ветеринар (фамилию называть не стану, дело давнее, его давно уже нет в живых), услышав о мобилизации, отрубил себе палец, но уголовное деяние дополнилось конфузом, ибо выяснилось, что «самострел», хоть и был призывного возраста (1912 года рождения), по какой-то причине призыву не подлежал[64].

Однако эти примеры – простые и понятные, а настоящую головную боль (думаю, не только райкомам, но и властям более высокого уровня) доставляла информация другого рода. В частности, из Исовского райкома сообщали в обком: «С первых же дней мобилизации начали проявляться антисоветские настроения со стороны спец и трудпереселенцев и высланных кулаков, которых в районе имеется 8000 человек»[65]; бывший председатель сельсовета (фамилию опускаю) самовольно ушел из артели: «Лучше сесть в тюрьму, я этого добиваюсь, чем пойти в Красную Армию»[66].

И еще из донесения секретаря Исовского райкома: члену партии <такому-то> «поручили проводить беседы о военных действиях и геройстве бойцов Красной армии. <Этот товарищ> заявил, что, мол, “я не болтун говорить об успехах Красной Армии, когда ее бьют на всех концах и она отступает. Не хочу обманывать людей”». А вот еще «голоса из народа», зафиксированные в том же документе: «...кулаков выселяли, а сейчас берут в Армию и заставляют защищать что-то»; «...работница <...> говорит среди рабочих о том, что у нас сейчас голод, нечего купить, скоро сдохнем, даже картошки и той нет». «Со всеми этими лицами, – завершает сюжет партработник, – принимаются меры по линии НКВД»[67].

Исовской район[68] был территорией особенной: север, тайга, платиновые прииски с их специфическим производством, спецпереселенцы. Но вот справка из Дзержинского райкома (город Нижний Тагил): «...в цехе мелких узлов сварщица с 1920 года <...> будучи в раздевалке с 3-мя работницами 27 июня заявила: “Скорей бы пришел Гитлер, открыл бы все церкви, было бы чего поесть и одеться”»[69]. (Хороши же были и ее наперсницы: ведь наверняка поддакивали, а потом кто-то из них побежал доносить!)

Подобные случаи отмечались и в других местах.

И ладно бы все эти суждения шли из каких-то враждебных, подрывных источников, а люди стояли за ними чужие, пришлые, может быть даже засланные, – но нет, все свои, здешние, и подобные «крамольные» мысли были у них не «подметные», а очень даже свои. Они рождались наверняка у них у всех от неустроенной, скудной, беспросветной жизни. Разница была лишь в том, что кто-то такие мысли осмотрительно таил в себе, а кто-то оказался на язык послабее... «По линии НКВД» языки, конечно, можно было «прищемить», да так постоянно и делали (как вы поняли даже из приведенных цитат), но недовольство, загнанное вглубь, своей разрушительной силы не теряет...

Думаю, на ту силу и рассчитывал Гитлер. Но, конечно, знал о ее опасности и Сталин, а потому с первого дня объявил войну Отечественной, и работа всей партийной системы сразу же была направлена на то, чтоб каждый гражданин советской страны не обдумывал свои горести и болячки в одиночку, а жил «на миру» и стал действительно *советским* человеком, творящим общую судьбу вместе со всеми соотечественниками. Чтобы этот человек не по принуждению делал, что прикажут, для обороны, а считал усиление обороны советской страны от захватчиков глубоко личным делом.

Началась эта – главная на тот момент – партийная работа, как видно из документов, с разъяснительных бесед. Вот почему Арамильский райком разослал уполномоченных по всем «участкам населения» уже на второй день войны; Нижнетагильской горком доложил в обком, что «по Тагилстрою проведено 699 бесед, читок и докладов с охватом 23822 чел.»[70]. Информация из Верхне-Тавдинского района: «С 22 июня по 27 июня проведено более 80 митингов с охватом около 12000 человек»[71]. А докладная записка из «проблемного» Исовского района напоминает донесение с поля боя: «В районе проводится глубокая агитационно-массовая работа. Агитаторы работают непосредственно в цехах, на драгах, на полевых станах и других производственных участках. Агитатор Вудилов (он же начальник драги) сумел поставить агитационную работу так, что драга выполнила полугодовую программу

[63] Там же. Л. 123.
[64] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 158. Л. 142.
[65] Там же. Л. 69.
[66] Там же. Л. 70.
[67] Там же. Л. 93.
[68] Как административная единица он существовал с 1933 по 1955 год.
[69] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 158. Л. 85.
[70] Там же. Л. 22.
[71] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 155. Л. 71.

к 27 июня. Ни один рабочий драги не остается вне агитации»[72].

В документе не сказано, какие такие проникновенные слова удалось найти агитатору Вудилову, что они сразу конвертировались в проценты плана. Думаю, однако, что начальнику небольшого режимного (ибо имели дело с платиной) предприятия, работающего несколько обособленно от «большого мира», найти такие слова было проще, нежели какому-нибудь председателю колхоза или начальнику цеха, работавших «на семи ветрах». Поэтому на агитацию не особо полагались. Она задает ориентиры, общий тон, но непременно должна сопровождаться какими-то практическими действиями, чтобы *советский* императив поведения прочно закрепился на уровне рефлекса. Не знаю, разрабатывал ли кто-то в идеологическом аппарате партии такую методику целенаправленно или она рождалась спонтанно; никогда не слышал и нигде не читал, чтобы этим занимались специальные организации или подразделения. Неужто поиски этих средств были поручены простым «инструкторам»? Так или иначе, средства находились, и они оказывались просто невероятными по своей простоте и действенности – хотя, надо признать, сильно отдавали цинизмом и жестокостью. Но, может, и это входило в расчет? Если по живому, то острее чувствуется и лучше усваивается.

Вот наглядный пример. С первого же дня войны в райкомах и первичных партячейках много организационной энергии и нервных клеток было затрачено на выполнение планов *мобилизации*. Это слово очень часто употребляется в партийных документах первых дней войны, и поначалу я даже подумал: неужто райкомы были так озабочены призывом запасников на военную службу? Оказалось – нет, с призывом успешно справлялись военкоматы, а местные отделения НКВД в случае надобности всегда готовы были им помочь. А партийные комитеты занимались другой мобилизацией: лошадей, тракторов, автомашин и прочего «тягла» для армейских нужд.

Знатоки исторических реалий возразят мне, что «мобпланы», касающиеся техники, лошадей, инвентаря, составлялись еще до войны – «на случай чего». Это, кстати, вполне разумная, очень старая и даже народная, по-моему, традиция. В каждой деревне знали, кто несет в случае пожара ведро, а кто топор или багор. Не очень, однако, понятно, почему на этот раз «инвентарь» понадобился вдруг сразу и весь в первый же день, хотя пожар разгорался далеко и про него пока что мало было известно. Ведь в тот момент, как прозвучал набат, в разгаре был сенокос, за ним – уборочная страда; на производственных предприятиях все транспортные средства тоже были при деле (причем их обычно даже не хватало). И вдруг бо́льшая и лучшая, самая пригодная для работы их часть изымается: какой непоправимый урон народному хозяйству! Причем на уровне района приемные пункты были определены четко, а вот куда и кем заполошно собранный «инвентарь» переместится потом? Как он будет доставляться и как распределяться; какая, в конце концов, будет польза фронту от этих изношенных полуторок и колхозных кляч?

Читая архивные документы, я не находил ответов на эти простые вопросы. Находил другое: рачительным хозяевам так же нелегко было сдавать вовсе не лишнее в хозяйстве имущество с не очень понятной целью, как Кондрату Майданникову уводить своего любовно выпестованного бычка на колхозный двор. Но шолоховский герой был простодушный трудяга, а уральские, скажем так, завхозы пытались в меру своего разумения и хозяйственного опыта схитрить: сдавали то, что поплоше, а то и снимали с передаваемой в фонд обороны техники дефицитные детали и узлы: со сданного имущества непонятно кому и какая будет польза, а в своем хозяйстве какой-нибудь аккумулятор точно пригодится. Скандалов по таким поводам возникало много, и партийное руководство тут же принялось наводить порядок.

Вот как развивались в этом плане события, например, в Туринском районе Свердловской области. Бюро райкома констатировало: «Из 22-х машин [доставленных на приемный пункт] признаны годными к отправке всего лишь 7, остальные 15 автомашин к поставке не готовы»[73]. С другим мобилизуемым имуществом дело обстояло никак не лучшим образом, и бюро приняло постановление, в котором, в частности, говорилось:

«1. Обязать хозяйственные организации, у которых признаны автомашины негодными, в суточный срок закончить ремонт автомашин и тракторов и сдать их приемосдаточной комиссии в полной боевой готовности.

2. Обязать председателей колхозов к 18 часам 25-го июня 1941 года привести в полную готовность обозные повозки и упряжь (хомуты, седёлки, уздечки и др)., предупредить председателей колхозов и советов, что за малейшую задержку выполнений наряда они будут привлечены к уголовной ответственности».

Не знаю, насколько физически были выполнимы эти распоряжения (если б все было так просто, вероятно, и у хозяев-сдатчиков эти стратегические ресурсы содержались бы в более пристойном виде), но, предполагаю, главное было – поднять планку требований, и неспособный до нее подняться человек станет покладистей.

И тут же было запротоколировано поручение районному прокурору: привлечь двух хозяйственных руководителей (они называются, но нам здесь их имена ни к чему) за то, что их хозяйства поставили некондиционных лошадей и неисправные повозки, к уголовной ответственности «как за уклонение от выполнения наряда военкомата и за подрыв оборонной мощи Советского Союза». Ни много ни мало!

Честно говоря, я не думаю, что эти исправные или неисправные

[72] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 158. Л. 28.

[73] Здесь и далее: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 155. Л. 186.

автомашины, трактора, колхозные сивки-бурки, уздечки, сёдёлки и повозки сколько-нибудь заметно влияли на соотношение сил воюющих гигантов в самом начале войны; не думаю также, что нехитрые уловки председателя колхоза или промышленной артели, пытающихся смягчить последствия весьма чувствительных для их хозяйств реквизиций, действительно тянули на уголовные преступления. Да, похоже, в большинстве случаев подобные разносы на бюро райкомов и не оборачивались очень уж суровыми оргвыводами – иначе скоро и руководить этими колхозами и артелями было бы некому. (Заметьте последнюю оговорку: во время войны такое соображение играло заметную роль).

Тогда в чем был смысл столь шумных мероприятий, едва ли приносивших реальную пользу для фронта, но очень болезненных для экономики и весьма затратных в морально-психологическом плане? Ответа на этот вопрос (если не считать универсальное «все для фронта, все для победы») ни в советских, ни в постсоветских источниках я не нашел. Моя же версия заключается в том, что это была одна из ранних социально-технологических операций по «перековке» разнородной человеческой «массы» в *советский* народ – безмерно терпеливый, послушный и стойкий, ставящий интересы Отечества выше личных интересов, готовый пожертвовать всем, что имеет, ради «одной на всех» победы. Делали эту операцию, как могли: арсенал партийных средств был довольно скуден, исполнители ни образованностью, ни душевной тонкостью, как правило, не отличались, да и время было суровое – «не до церемоний».

Чувство причастности

Я, впрочем, вовсе не настаиваю, что именно «воспитательную» цель преследовали райкомовские деятели, когда строжили «нерадивых» председателей и директоров за поставку на сборные пункты некондиционных тракторов, уздечек и лошадей. Даже и сама мысль о том, что реквизиция жизненно необходимой техники и живности в первые дни войны под предлогом, что она нужна для фронта, на самом деле имела какую-то иную цель, кажется абсурдной. И я бы не решился выдвигать свою версию, если б она не подкреплялась многими другими, столь же непостижимыми с точки зрения здравого смысла действиями властей.

Самый загадочный, на мой взгляд, пример – масштабная кампания осени 1941 года по сбору теплых вещей для фронта. Начну рассказ о ней с телеграммы из Москвы, полученной в свердловском обкоме то ли в конце августа, то ли в начале сентября 1941 года (точная дата на документе, возможно, как-то зашифрована или вовсе не обозначена). Цитирую ее с сокращениями, ибо она довольно длинная, но изобилует повторами:

«ПЕРЕДАЕМ ЛОЗУНГИ О СБОРЕ ТЕПЛЫХ ВЕЩЕЙ ДЛЯ КРАСНОЙ АРМИИ ДВТ ПЕРВОЕ ТЧК КОЛХОЗНИЦЫ И КОЛХОЗНИКИ ЗНАК ВОСКЛИЦАНИЯ ОБЕСПЕЧИМ ТОПЛЫМИ ВЕЩАМИ НАШУ КРАСНУЮ АРМИЮ ЗПТ ВЕДУЩУЮ ГЕРОЧЕСКУЮ БОРЬБУ ПРОТИВ ФАШИСТСКИХ РАЗБОЙНИКОВ ЗНАК ВОСКЛИЦАНИЯ СДАВАЙТЕ ДЛЯ КРАСНОЙ АРМИИ ПОЛУШУБКИ ЗПТ ОВЧИНЫ ЗПТ ВАЛЕНКИ ЗПТ ФУФАЙКИ ЗПТ БЕЛЬЕ ЗПТ ШЕРСТЬ ЗПТ РУКАВИЦЫ ЗПТ ШАПКИ ТИРЕ УШАНКИ ЗПТ ВАТНЫЕ БРЮКИ ЗПТ КУРТКИ И ДРУГИЕ ТЕПЛЫЕ ВЕЩИ ЗНАК ВОСКЛИЦАНИЯ ВТОРОЕ ТЧК РАБОЧИЕ ЗПТ РАБОТНИЦЫ ЗПТ СЛУЖАЩИЕ И ДОМОХОЗЯЙКИ ЗНАК ВОСКЛИЦАНИЯ ОБЕСПЕЧИМ ТОПЛЫМИ ВЕЩАМИ НАШУ КРАСНУЮ АРМИЮ ЗПТ ВЕДУЩУЮ ГЕРОИЧЕСКУЮ БОРЬБУ ПРОТИВ ФАШИСТСКИХ РАЗБОЙНИКОВ <...> ТРЕТЬЕ ТЧК КОМСОМОЛЬЦЫ И КОМСОМОЛКИ ЗНАК ВОСКЛИЦАНИЯ ОРГАНИЗУЙТЕ СБОР ТЕПЛЫХ ВЕЩЕЙ <...> ЧЕТВЕРТОЕ ТЧК ГРАЖДАНЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА <...> ПЯТОЕ ТЧК ЧЕМ ТЫ ПОМОГ ФРОНТУ ЗНАК ВОПРОСА СДАЛИ ТЕПЛЫЕ ВЕЩИ И БЕЛЬЕ ДЛЯ КРАСНОЙ АРМИИ ЗНАК ВОСКЛИЦАНИЯ НЕОБХОДИМО ИЗДАТЬ НА МЕСТЕ ОТДЕЛЬНО КАЖДЫЙ ЛОЗУНГ И РАСКЛЕИТЬ ВО ВСЕХ ГОРОДАХ И СЕЛАХ ВАШЕЙ ОБЛАСТИ ТЧК 2А ТЧК = ПРОПАГАНДА ЦЕКАПАРТ АЛЕКСАНДРОВ»[74].

Цитируя этот документ, сохраняю для наглядности его «телеграфный стиль»; не стал даже править и явные опечатки – в таком виде, мне кажется, он лучше передает дух ушедшей эпохи. Добавлю только, что тайный символ «2А» в последней строчке я не смог расшифровать, зато об Александрове, чья подпись значится под телеграммой, считаю уместным сказать несколько слов: это была фигура в свое время очень известная и в определенном смысле знаковая.

Еще до войны профессор-философ Г.Ф.Александров активно поучаствовал в создании книги «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография» и благодаря тому вошел в доверие вождя. После войны Георгий Федорович стал академиком, директором института философии Академии наук СССР; уже при Хрущеве – министром культуры СССР. Избирался в Верховный Совет СССР, дважды получал Сталинские премии – и дважды был замешан в крупных скандалах, после чего был «сослан» в Минск. А с 1940 по 1946 год неуемный партийный философ заведовал отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

Но подробности его остросюжетной биографии любознательный читатель легко найдет в Интернете, а здесь мне было важно подчеркнуть, что телеграмму о полушубках-валенках подписал не безымянный клерк со Старой площади, а крупный партийный функционер, и, если агитационная кампания «декорировалась» даже лозунгами, утвержденными в ЦК, значит, ей придавалось большое значение.

Я впервые соприкоснулся с этой кампанией почти двадцать

---

[74] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 160. Л. 170–171.

лет назад, работая над книгой о Свердловском заводе по обработке цветных металлов (СвЗ ОЦМ)[75]. Как выяснилось еще тогда, сбор теплых вещей для фронта на заводе и везде был инициирован постановлением бюро Свердловского обкома ВКП(б) от 6 сентября 1941 года[76] во исполнение указания ЦК, полученного, очевидно, незадолго до цитированной выше телеграммы. Меня тогда поразил накал страстей, возбужденных этой странной кампанией: завод просто лихорадило: на каждом собрании напоминали: давай-давай! И, например, за попытку сдать валенки, не принесенные из дома, а купленные (с использованием служебного положения) на торговом складе, директора завода на заводском же партсобрании чуть было не исключили из партии. Такой вот был разгул внутрипартийной демократии.

Между тем из скудного домашнего гардероба под маркой помощи фронту чего только не тащили... Попался мне в архиве черновой список вещей, сданных в один из тех страдных дней. Для отчетности его потом переписали набело, кое-что очень уж неуместное исключив, и «официальный» экземпляр подшили в «деле». Но, видимо, по чистой случайности в той же папке сохранился и этот пожелтевший листок с небрежно оборванными краями, исписанный простым карандашом. Значились в нем: полушубок – 1, валенок – 5 (очевидно, пар), меховой жилет – 1, меховые рукавицы – 10 и немало других, безусловно, полезных для защиты от холода вещей; но значились там еще и полотенца, и вещи совсем уж в этом перечне экзотические: платье, юбки дамские, жакет дамский[77]. Когда я наткнулся на этот архивный раритет, еще была физическая возможность пообщаться с многоопытными фронтовиками, и я поговорил с троими. Я не стал у них выяснять, может ли красноармейцу в заметенной пургой подмосковной траншее переднего края понадобиться дамский жакет, а задавал вопрос в более общей форме: что они помнят о зимних вещах, собранных в тылу для фронта осенью 1941 года? И все трое, не сговариваясь (поскольку с каждым я разговаривал по отдельности и в разное время), категорически заявили, что не только не помнят, но и помнить тут нечего: даже в самые трудные моменты войны красноармейцы одевались строго по уставу. Вязанные носки или теплые варежки в посылке с подарками из тыла – это было в порядке вещей и даже поощрялось, а чтоб валенки или полушубок гражданского образца – такого, заверили меня фронтовики, не было, потому что быть просто не могло!

Так что же значил «тот сон», то есть история с полушубками для фронта? Зачем их собирали (под лозунги от будущего академика Александрова) и куда эти вещи потом бесследно канули? Этого мне по сей день никто объяснить не смог. Боюсь, тут повторялась история с полуторками и повозками для фронта в первый день войны. Правда, там хоть был план мобилизации: работал, скажем, трактор на колхозном поле, и все знали, что его можно использовать в качестве тягача для артиллерийского орудия, так что в случае войны его непременно реквизируют. Но на полушубки, валенки или ватные штаны мобилизационных планов не существовало точно. Как же вдруг возникла идея «мобилизовать» их тоже? Не уверен, что кампания могла спонтанно родиться исключительно в служебном кабинете будущего академика и сама собой приобрести всесоюзный размах: наверняка тут сложились креативные и административные ресурсы разных ведомств. Но какой в том был смысл?

Возможно, какой-то прагматический замысел у интендантов кремлевского уровня первоначально все-таки был, но, даже если это так, он быстро трансформировался в нечто иное. Не могу утверждать со стопроцентной уверенностью, ибо документов, которые однозначно подтверждали бы мою версию, мне не попадалось; по-видимому, их просто не существует. Но вполне допускаю, что «мобилизацией» теплых вещей в холодной стране власти стремились достигнуть радикального «воспитательного» эффекта: чтобы *советский* человек в самой бескомпромиссной форме ощутил *личную причастность* общему делу. Страна в опасности – и это уже не чья-то там (в штабах, в Кремле) забота, а лично твоя. Пожар в доме – и уже неважно, чье ведро подвернулось тебе под руку; неважно, что попачканы и обгорели парадные брюки, в которых тебя застало бедствие, и о растоптанной клумбе с тюльпанами или маргаритками будешь печалиться потом. А сейчас – все плечом к плечу, нет ни личного, ни чужого, вместе поборем бедствие – тогда и сочтемся. Вы спросите: а в чем логика таких действий? Но это примерно та же самая логика, что у сержанта, обучающего новобранцев: «Копать траншею от забора до обеда!» Зачем?! А затем, чтоб сразу усвоили: в армии приказы не обсуждают, а исполняют. Кстати, и не только в армии. Помните знаменитую сентенцию: «Верую, ибо абсурдно!»

Если согласиться с такой трактовкой – в истории Великой Отечественной войны просматривается многоплановая система мер, одна дополняет другую, а все вместе направлены на осознание общего бедствия как глубоко личного. Порой они отдают абсурдом – это так, но, возможно, потому и сработали!

Самый заметный и очень чувствительный для рядового советского человека компонент той системы – личное участие в финансировании военных действий. Война влечет за собой не только невосполнимые человеческие потери и безмерные разрушения материальных ценностей, но и неисчислимые финансовые затраты. Впрочем – почему «неисчислимые»? Когда я был студентом, майор Слюнько, бывалый фронтовик,

[75] См.: *Лукьянин В.П.* Платина России. Кн. 2. Лидер отрасли. – Екатеринбург, 2002. С. 35–39.

[76] Все для фронта! Свердловская областная организация КПСС в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Документы и материалы. – Свердловск, 1985. С. 321.

[77] ЦДООСО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 41. Л. 14.

преподаватель нашей военной кафедры, убеждал нас очень внимательно рассчитывать параметры артиллерийской стрельбы, чтоб не допустить лишнего расхода боеприпасов, ибо, как он говорил, «один выстрел – это пара хромовых сапог». Много времени спустя мне встретилась цифра: плановая себестоимость производства популярнейшей в войну 122-мм гаубицы образца 1938 года на Уралмаше составляла более 90 тысяч рублей (реально удавалось делать ее дешевле). А теперь представьте себе (хотя бы по примелькавшимся кадрам кинохроники военных лет) «пейзаж после битвы»: до горизонта, сколько видит глаз, дымящиеся воронки от снарядов, подбитые танки, искореженные артиллерийские орудия... И это последствие только одного сражения! А сколько их было? И сколько вообще стоила война?

Вопрос не о «цене победы» (из «либеральных» СМИ), а именно о *стоимости* войны вполне корректен. Существует обширная литература об экономическом аспекте войны, где все соответствующие цифры обсчитаны самым тщательным образом. Не буду, однако, вместе с читателем всерьез погружаться в эту остропроблемную область и цифру возьму «с ближней полки» – из Интернета, в надежде, что она более или менее соответствует реальности: оказывается, 582,4 млрд рублей в ценах того времени составили расходы СССР на оборону. Из этой суммы 80 млрд рублей, то есть около 14 процентов, получено за счет государственных военных займов, которые распределялись среди населения; их за войну было четыре[78]. Доля не «контрольная», но весьма заметная. А не была бы заметная, так зачем и затевать подписные кампании?

Не сомневаюсь, что в условиях государственной («общенародной») собственности эти цифры можно было так переиграть, чтобы производство вооружения на все сто процентов оплачивалось из казны, а скудные семейные бюджеты советских людей при этом не были бы затронуты. Но власти страны предпочли «пропускать» эти 80 миллиардов через личные карманы с дальним прицелом: деньги все равно возвращались, но при этом оставляли у каждого «добровольно-принудительного» подписчика на военный заем чувство личной причастности к обороне страны.

Был широко распропагандирован еще такой неординарный «почин». Саратовский колхозник Ферапонт Петрович Головатый за свои кровные (будто бы продал на рынке бочку меда с собственной пасеки) купил на саратовском же авиазаводе два истребителя по 100 тысяч рублей каждый и передал их в фронтовую часть[79]. Летая сначала на одном из них, потом на втором летчик Б.Н.Еремин стал Героем Советского Союза, а потом дослужился до звания генерал-лейтенанта.

Разные версии происхождения богатства и причин щедрости колхозника («обобранного советской властью») можно найти в Интернете; у меня нет надежных источников, чтобы с ними спорить или соглашаться. В любом случае проявление такой инициативы не могло обойтись без серьезной организационной поддержки, и на такую поддержку партийные органы (а мыслимо ли было обойтись без их участия?) не пожалели ни времени, ни сил. Ибо это был знак и другим – поднатужиться. После того на личные сбережения советских граждан: больше в складчину, а в отдельных случаях и в одиночку, – стали покупать танки, самолеты, пушки, даже бронепоезда для фронта. Вы полагаете, что от того сильно возросла боевая мощь Красной Армии? Честно говоря, это была капля в море: купленные в частном порядке самолеты, танки и прочая техника исчислялись единицами, а государственные военные заводы производили их тысячами и десятками тысяч.

Даже легендарный Уральский добровольческий танковый корпус, вооруженный техникой, созданной на народные деньги и укомплектованный добровольцами (при конкурсе 10 человек на место!), был не столь уж заметной «деталью» в панораме войны: в Курском сражении, где уральское формирование получило свое боевое крещение, с обеих сторон участвовало (по данным из Интернета) около 13 тысяч танков и самоходных артиллерийских установок, а в УДТК числилось около двухсот боевых машин. Но это был *вклад уральцев* – не столько, может быть, пример другим, сколько фактор самосознания.

Кампаний и починов, целью которых было включение каждого отдельно взятого советского человека в единый строй борцов против захватчиков, за полную и безоговорочную победу над гитлеровской Германией, было великое множество, они дополняли и развивали друг друга, следовали друг за другом непрерывной чередой, постоянно обновляясь, чтоб не утратить действенную силу из-за привыкания.

Молодые и физически крепкие мужчины уходили из цеха на фронт – на их место у станка, верстака, сборочного конвейера принимались их жены, подростки-сыновья, но, оказывается, не затем, чтобы, лишившись кормильца, самим зарабатывать на хлеб, а чтобы заместить их на рабочем месте, это подчеркивалось. Война становилась семейным делом!

На заводе создавались фронтовые бригады; в состав цеховых бригад включались работавшие в них прежде фронтовики; «виртуальное» присутствие воюющего вдалеке от Урала товарища сопровождалось вполне реальным назначением ему производственного задания, которое выполнялось общими усилиями членов бригады. Ему даже выписывали зарплату, которая шла на благородные и всем заметные цели.

Коллективные письма на фронт и письма фронтовиков в тыловые коллективы; фронтовые знамена – цехам, обмен делегациями и т. д., и т. п.

Обо всем об этом в советские времена писалось очень много, но

[78] https://vlfin.ru/nashi-stati/eto-interesno/zaymy-dlya-pobedy/

[79] Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. С. 210.

как-то не принято было подчеркивать, что это и есть процесс созидания морально-политического единства советского народа. Без этой исключительно активной, неусыпной, изобретательной и, несмотря на некую «топорность» (а может, отчасти и благодаря ей), очень эффективной работы действительно не было бы *советского народа*, а было бы «население» – конгломерат «самоценных» индивидов, мучительно переживающих прежние обиды и новые утраты и лишения, всецело поглощенных заботой о собственном выживании и видящих в каждом «товарище по несчастью» конкурента, которого надо обойти, опередить, даже оттолкнуть, чтобы первым ухватиться за спасительную соломинку...

Наивно думать, что под натиском агитационно-пропагандистских мер человек прозревал (или, если такой подход вам ближе, утрачивал остроту зрения), забывал о прежних обидах и нынешнем неустройстве жизни, становился убежденным коллективистом и борцом за общее правое дело. В действительности все было гораздо сложней: он оставался сам собой, какой уж есть, но включался в другой социально-нравственный контекст и по этой причине вынужден был вести себя иначе.

Жизнь «на миру»

Сам механизм включения в «контекст» был прост и безотказен: политико-пропагандистская работа, направленная на то, чтоб склонить индивида, который «сам по себе», действовать по «общему уставу», совершалась, как правило, «на миру». А мир (в старину писалось «*міръ*», в отличие от «мира», состояния без войны) – это не ближнее окружение, не «своя компания» (хотя «за компанию» делается много хорошего, но и плохого тоже), даже не «коллектив» в расхожем (хотя бы и нынешнем) понимании этого слова, а нечто другое, более глубоко – я бы сказал, онтологически – связанное с жизнью отдельно взятого человека.

Вообще-то в советское время про «міръ» редко вспоминали (разве что в пословицах: «на миру и смерть красна», «миром и батьку бьют» и т. п)., а всегда говорили именно про коллектив, но это был коллектив по-советски. Что я имею в виду? Коллектив в обычном понимании – некое множество людей, объединенных общей деятельностью, и ничего более. Коллектив бригады или цеха, коллектив кафедры, коллектив фирмы. Отношения между работниками в таком деловом сообществе могут варьироваться в самом широком диапазоне: где-то коллеги просто «соседствуют» (как жители многоквартирного дома, не узнающие друг друга за пределами подъезда), где-то по-человечески сближаются – пьют чаи с тортом в дни рождения, по праздникам устраивают «корпоративы». Больше их ничто друг с другом не связывает.

Иное дело коллектив в советском понимании: он предполагает не только деловую, производственную, но и, скажем так, социальную близость – как в крестьянской общине или, того больше, в патриархальной семье, где, как правило, в тесном житейском симбиозе соединялись три поколения и складывалась негласная, но строгая субординация. Он организует и направляет жизнь каждого работника, который в нем числится: растит его (не только в профессиональном, но и в духовно-нравственном плане), задает нормы поведения, поощряет, порицает, при случае берет на поруки в намерении «перевоспитать», а в иных случаях «выдвигает» и «продвигает»: на учебу, на выборную должность, на награду. Коллектив гордится своими «продвинутыми» воспитанниками, как родители преуспевшими детьми, а те, в свою очередь, гордятся коллективом, их воспитавшим.

Такое понимание коллектива было естественно в стране, на протяжении жизни одного поколения превратившейся из аграрной в индустриальную. Энтузиасты радикальных социальных преобразований в двадцатые годы напридумывали много новаций, касающихся семьи и быта, но они не прижились, потому что повседневная народная жизнь в силу естественной внутренней логики постепенно возвратилась в привычные берега. «Міръ» и семью изрядно порушили, но они тогда устояли. Косвенным подтверждением тому может служить хотя бы тот факт, что практически вся советская песенная классика 1930–1940-х годов, с этими березками, тропинками, зорьками, крылечками, гармонистами, ромашками, – она же вся «деревенская» по теме, тональности, мелодическому строю.

Традиционные прообразы коллектива по-советски – деревенская община, патриархальная семья – сами по себе, по своей природе, не были идиллическими формами организации коллективной жизни. Народный опыт запечатлел негативные варианты: «Мир с ума сойдет – на цепь не посадишь»; «С волками жить – по-волчьи выть»; «Своя рубашка ближе к телу» и т. п. Конфликты, порой самые жестокие, случались и «в миру», и в семье, потому что мир состоит из отдельных людей, а они (у каждого свои интересы, амбиции, темперамент) не всегда с готовностью встраиваются в общий ряд («Паршивая овца все стадо портит»; «В семье не без урода», – осуждает ослушников «мир»), а организующее начало с таким неудобным «человеческим материалом» не всегда способно совладать, вот и получается: «Каков поп, таков и приход». Так что для традиционного «мира» и, соответственно, для коллектива по-советски всегда особое значение имело, скажем так, руководящее и организующее начало: «Мир всех старше, а и миру урядчик есть»; «Мир без старосты ватага»; «Мир без старосты (без головы), что сноп без перевясла»[80]. Ну, с руководящим началом при советской системе проблемы не было: роль урядчика, старосты, головы партия взяла на себя, а другого никто и не мыслил.

Для советской социально-организующей практики матрица «коллектива» оказалась очень

[80] Заимствовано у В.И.Даля.

подходящим инструментом достижения программных целей. Прежде всего – для обуздания индивидуализма, на который рассчитана буржуазная демократия. Индивид, предоставленный самому себе, может и желать недозволенного, и трястись за свою шкуру, и «распоясаться», и *воображать* о себе, а в коллективе («на миру») должен соответствовать принятым нормам, чтоб не стать «отщепенцем».

В матрицу «коллектива» хорошо укладывались «нормы советской жизни», какими они рисовались пропагандой: и добрососедские отношения, и коллективизм, и преемственность поколений, и справедливость как мера отношений между людьми, и превалирование нравственного над меркантильным, душевного над казенным. Пусть все знали, что это только декларации, а в жизни преобладают нравы менее возвышенные, – так ведь и библейские заповеди – не непреложный закон жизни, а всего лишь императив, который и преданный вере человек исполняет «по возможности». Считается, что за соблюдение библейских заповедей человек отвечает перед Богом, а это когда еще случится, да и случится ли. А коллектив – вот он, от него не укроешь ни неблаговидных поступков, ни даже помыслов, не отвечающих коллективным нормам, ибо жить в коллективе по-советски (то есть «на миру») – значит, жить открыто, как под рентгеном, не претендуя на так называемое «личное пространство». А по части соблюдения канонов коллектив бывает и непреклоннее Всевышнего, хоть может и проявить милосердие.

Нынче тем, кто помоложе, удивительно, что в советские времена жены, случалось, бегали в партком, чтоб пожаловаться на мужей, – но это же, как в семейной жизни к родителям мужа. И совсем уж нелепостью кажется, что на комсомольских собраниях могли обсуждать чью-то прическу или ширину брюк. А что тут удивительного? В советском коллективе жили «на миру», то есть как бы одной семьей, и никто не мог сказать: а вам, мол, какое дело? Всем до всех и всего было дело, тем более что и прическа, и одежда, и какие-то особенности поведения, демонстративно нарушающие «канон», принятый в этом коллективе, воспринимались как противопоставление себя коллективу, как вызов, – да ведь так оно и было!

Но эти мои примеры – уже послевоенные, в войну подобные вопросы, по-моему, просто не возникали, не до того было. Но «коллективная» мысль в военную пору поворачивалась порой даже более изощренным образом. Например, на июльском партсобрании на заводе ОЦМ один из самых уважаемых ветеранов, выдающийся мастер своего дела выступил так: «На меня очень плохое впечатление произвело сообщение докладчика, что в наших рядах оказались товарищи, которые отказались добровольно пойти в ряды РККА»[81]. «Отказались добровольно пойти» – такое нарочно не придумаешь. По простоте душевной оратор произнес вслух то, что все хорошо знали, но публично никогда не обсуждали: многое тогда основывалось на энтузиазме, который был «добровольно-принудительным». Пожалуй, еще более примечательна коллизия, нашедшая отражение в партдокументах того же предприятия более позднего времени. Партинформатор (да, таков был его статус!) сообщал в райком, как на заводе отреагировали на приказ Сталина о победе наших войск под Харьковом в августе 1944 года. Оказывается, в цехах № 2 и № 9 митинги прошли, как надо, а вот в цехе № 3 «ряд товарищей к вопросу отнеслись несерьезно: смеялись, разговаривали, ходили» – и называется несколько имен. Видимо, на этот «сигнал» сверху последовала негативная реакция, так что цеховым парторганизаторам пришлось писать объяснительную записку: «Митинг проходил деловито и на должной политической высоте <...> Встречающиеся улыбки на лицах отражали радость за успехи Кр. Армии, ибо в этот день мы отмечали взятие города Харькова нашими войсками, а не гитлеровской Германией». А поведение одной нарушительницы чинного ритуала пояснили так: у нее, дескать, муж погиб на фронте, и она «сидела во время митинга со слезами на глазах, когда агитатор читал сталинские слова: “Слава павшим героям” <...> А если поздней она и улыбнулась и пошутила <...>, так ее веселости давно желает цех»[82].

При столь строгом контроле поведения «на миру», собрание коллектива (а тем более партсобрание) могло принимать только «правильные» решения. Такие решения могли противоречить личным интересам даже всех участников собрания, но если их мотивировка отвечала позиции, на которую был настроен «мир» (не сам собой, не спонтанно, а вследствие настойчивой и повседневной агитационно-пропагандистской работы), они принимались при общем одобрении.

Действие этого механизма можно проиллюстрировать забавной сценкой из некогда очень популярного, а ныне, увы, забытого романа В.Ф.Попова «Сталь и шлак». В мартеновском цехе собрание, посвященное подписке на государственный заем. Дело, как водится, «добровольное», и бывший начальник цеха, недавно перешедший в техотдел, решил подписаться на минимальную сумму – на двухнедельный оклад. Его стыдили, он будто бы соглашался, но настаивал на своем. И тогда не выдержала пенсионерка Дарья Васильевна, старая работница мартеновского цеха, подрабатывающая на пенсии уборщицей:

«Ну как тебе не стыдно, Ксенофонт Петрович? Я подписалась на весь оклад. А у тебя ведь домик свой, скотины в твоем хозяйстве сколько! Корова есть – это раз, телочка – это два, овечка – три, поросенок – четыре, и сам ты – скотина пятая!» «Скотина пятая» запомнилась не только свидетелям этой сцены, но и читателям.

Роман был очень «советский», но почти документальный: с довоенных пор инженер-металлург

[81] ЦДООСО. Ф. 332. Оп. 1. Д.37. Л. 86об.

[82] Там же. Д. 41. Л. 102, 103.

Владимир Федорович Попов, будущий писатель, работал на Енакиевском заводе; во время войны вместе с оборудованием цеха отправился в эвакуацию на Урал и свой первый роман «Сталь и шлак» писал, будучи еще начальником мартеновского цеха на Магнитке. Достоверностью изображения заводской жизни роман и покорил читателей.

Но есть у меня под рукой история с займом подлинная, художественно не обработанная и подтвержденная архивным документом. На заводе ОЦМ, который я упоминал выше, начальник строительного цеха Я.Н.Вологин, он же агитатор, назначенный парткомом, проводил политбеседу, и кто-то из слушателей, явно ерничая, изобразил радость по поводу нового государственного займа. Яков Никандрович, уловил иронический подтекст и ответил раздумчиво: я, мол, и сам не хотел бы, чтоб такие займы выпускались, да, видно, иначе пока не получается. Этот ответ получил огласку и стал поводом партийных разбирательств – сначала на партбюро, а потом на собрании. Вологин пытался оправдываться: «Я высказал это не серьезно, а в виде шутки». Оправдание не приняли: «Выступление тов. Вологина имело нежелательное направление в вопросе государственных займов среди коллектива»; «В таком вопросе шутки недопустимы». Вологин был коммунист со стажем, партийные порядки знал и решил на рожон не лезть: «Мое выступление было грубо ошибочно с политической точки зрения, но сделал это не умышленно». Покаяние не помогло: выговор с занесением в личное дело ему все-таки влепили[83]. Вскоре, однако, 38-летний Яков Никандрович ушел на фронт – искупил вину. По возвращении работал начальником ремонтно-строительного цеха и оставил по себе добрую память на заводе.

Таким вот образом «коллективное» мнение становилось выразителем партийно-политических установок и активно работало на формирование чувства причастности каждого советского человека к общему делу накопления оборонной мощи, необходимой для разгрома врага. Кто-то из читателей вспомнит про «тоталитаризм», кто-то обвинит партийные органы в морально-психологическом давлении на личность... Такой подход, такие оценки некорректны, потому что они – из другого времени, отражают другой социальный опыт. А тогда жить «на миру» было, по крайней мере, понятно и даже привычно. Утрата «личного пространства» не всеми, пожалуй, и замечалась, а если для кого-то и составляла психологическое неудобство, так оно с лихвой компенсировалось щедрой психологической поддержкой, которая так необходима была каждому человеку в то время страданий и утрат. Тогда на слуху была мудрая сентенция, не знаю, кем впервые сформулированная, но многими прочувствованная: «Разделенное горе – половина горя, разделенная радость – двойная радость».

Партия в роли «урядчика», «старосты» проявляла жесткость, нередко граничащую с бесчеловечностью; оправдывать этого не буду. Однако враг был реален, силен и опасен; побороть его, чего бы это ни стоило, было целью труднодостижимой, но понятной и в той исторической ситуации безальтернативной. Пожертвовать одной из двенадцати месячных зарплат в пользу обороны, при тогдашней скудости средств выживания, было тяжелой нагрузкой на семейный бюджет, но «на миру» – малостью, цепляться за которую было неприлично, невозможно, недопустимо. Не из боязни санкций со стороны властей, а потому что тем самым ты противопоставишь себя «миру».

Нынешним борцам с «тоталитарным» наследием трудно понять психологическую атмосферу того времени, между тем человек, вырванный – да, организационными усилиями партии – из своего психологического заточения, где «гвоздь в сапоге кошмарней, чем фантазия у Гете», и помещенный в пространство общих забот, переживал даже морально-психологический подъем. Эта парадоксальная психологическая перемена начала ощущаться по мере того, как человек стал ощущать груз ответственности за тот «міръ», частью которого он является волею судьбы. Вот заслуживающее безусловного доверия свидетельство М.М.Пришвина, писателя и мудреца, в особых симпатиях к советской власти не замеченного: «Приходил N и говорил мне, что люди у нас заметно изменились к лучшему: всех объединил страх за родину»[84], – записал он в своем знаменитом дневнике 4 июля, в 13-й день войны. Возможно, и вам приходилось слышать от людей, переживших ту страшную войну: люди тогда были добрее и внимательнее друг к другу. Человечнее. Тем и победили.

По этой причине гитлеровское разбойное войско встретила не «ватага» (на что рассчитан был план «Барбаросса»), а энергично организуемая социальная субстанция, которая не рассыпалась от первого удара сильнейшей тогда армии на планете. И в дальнейшем, чем невыносимее становилось жить и бороться, тем больше крепла, превращалась в настоящий монолит (хоть и осыпались чешуйки «окалины»). Вот этой метаморфозы не могли предвидеть берлинские стратеги, жившие по иным социально-психологическим законам. Их менталитет, склад их ума не позволял им представить такое развитие событий. Оттого их «креативный» и хорошо просчитанный план и провалился.

А наша война против агрессора потому и завершилась Победой, что со дня нападения была объявлена Отечественной и под это понятие подстраивалась всей мощью партийной пропаганды и организационной работы. А в ходе накопления сил для ответного удара, по мере созревания монолита «морально-политического единства», набирала масштаб и в конце концов была не аттестована декретом сверху, а осознана народом как Великая. С полным на то основанием!

---

[83] ЦДООСО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 37. Л. 61; там же. Д. 38. Л. 13–14.

[84] *Пришвин М. М.* Дневники. – М., 1990. С. 301.

IV. УРАЛ НАКАПЛИВАЕТ ЭНЕРГИЮ

1. Борьба за мегаватты

На голодном энергопайке

Имя инженера Михаила Михайловича Ковалевского известно многим екатеринбуржцам – даже тем, кто совсем не причастен к промышленной истории города: в память о нем установлена мемориальная доска на доме номер 58 по улице Свердлова. В этом доме он жил и умер в конце девяностых, перешагнув рубеж 95-летия.

Из надписи на мраморной доске прохожий узнает, что Ковалевский был основоположником газового турбиностроения на Урале. Это так, но газовыми турбинами Михаил Михайлович занялся в 1959 году, а в Свердловск приехал из Ленинграда еще в конце 1937 года как высококлассный специалист по паровым турбинам. И уже в первый день по приезде он не просто узнал, но на собственном опыте убедился, сколь напряжена ситуация с энергоснабжением в бурно растущей столице промышленного края. Когда он устраивался в гостиницу (в то время лучшую в городе – в «Большой Урал»), администраторша посоветовала ему купить свечку, иначе, мол, будет не только холодно, но и темно. Он совету внял, и свечка ему на самом деле в первый же вечер пригодилась.

Это было, заметьте, за три с половиной года до начала войны. К началу войны ситуация точно не улучшилась: новые энергетические мощности вводили, но потребность в электроэнергии росла в опережающем темпе. Сам Ковалевский определил навскидку: к тому времени вся мощность объединенной Уральской энергосистемы составляла чуть больше семисот тысяч киловатт (в других источниках встретилась более точная цифра: на начало 1941 года – 723 тысячи), и при этом города жили на голодном пайке, а с началом войны энергии потребовалось раза в два больше. В два, не в два – трудно сказать: слишком зыбким был баланс. Но дефицит энергоснабжения был хроническим.

Ах, если б только в том была проблема!

Вот записи из делового дневника **Сергея Ивановича Молоканова**, работавшего в то время главным инженером Уралэнерго:

«12 мая 1941 года. – В ремонте находится оборудование мощностью 12 мегаватт. Вывести оборудование в ремонт на большую мощность без ограничения потребителей нет возможности.

2 июня 1941 года. – Весь май текущим ремонтом заниматься не могли.

5 июня 1941 года. – В ремонте 36 мегаватт, утром и вечером частота снижалась до 48,5 герца.

20 июня 1941 года. – Производятся ограничения потребителей утром, вечером и ночью»[85].

Как видим, в самый канун войны оборудование работало на износ – в таком режиме трудно было продержаться долго. А война – в первые же дни стало ясно – началась затяжная. Вот почему уже 10 июля 1941 года Совнарком СССР принял постановление «О форсировании строительства электростанций на Урале». Речь шла, в основном, не о новых проектах: предполагалась, главным образом, установка новых энергоблоков на уже работающих станциях – Челябинской и Красногорской ТЭЦ, Среднеуральской ГРЭС. Добавить энергоблок к работающей станции, конечно, проще, чем начинать стройку с нуля, но это далеко не то же самое, как, например, воткнуть еще один сверлильный станок в пустующий угол уже работающего цеха. Для турбины и турбогенератора нужен не угол, а машинный зал – капитальное строение. Да еще чтобы вблизи – котельная для этого же блока; да система водоподготовки и т. д. В сущности, речь идет о целом предприятии, и немалом. Да и пристроить новые корпуса рядом с уже работающими – совсем не простое дело.

Строить новые энергоблоки в военных условиях было даже сложней, чем несколькими годами раньше – в мирное, но тоже очень напряженное время первых пятилеток – возводить с нуля новые электростанции той же мощности.

Прежде всего, кто будет строить? До войны в стране имелись квалифицированные инженерные кадры, широко использовалась возможность привлечения специалистов из-за рубежа. Работников массовых профессий в избытке поставляла разоренная коллективизацией деревня: люди крепкие, выносливые, добросовестные, непритязательные – их нужно было лишь немного подучить. На начальных стадиях, когда еще не было подъездных дорог, жилья, механизмов, в качестве главной ударной силы широко и повсеместно использовался «спецконтингент» НКВД. Впрочем, эта сила использовалась не только до войны,

[85] Цит. по: *Ничков В.Б.* Век уральской энергетики. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983. С. 113–114.

но и в военные, и в послевоенные годы[86].

Когда началась война, крепкие деревенские парни давно уже не кочевали по стране, а были приписаны к предприятиям, «как при матушке Екатерине». К тому же, бо́льшая их часть почти сразу оказалась на фронте. В определенной мере альтернативу миграционной волне, связанной с коллективизацией, составила эвакуация: кто-то приезжал в составе семьи, не имея видов на работу, а кого-то выселяли из промышленных центров, чтоб освободить жилплощадь для эвакуированных. По-прежнему, «на прорыв» бросались крупные контингенты ГУЛАГа. В феврале 1942 года был создан еще один экстраординарный механизм мобилизации трудовых ресурсов: Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Опять вошел в обиход подзабытый термин времен Гражданской войны: «трудовая повинность». Заметную роль в реализации строительных проектов военных лет сыграли «трудармии» (надеюсь, читатель помнит мой рассказ о том, откуда рекрутировались трудармейцы и как они строили ЧМЗ).

В общем, доля несвободного труда, и без того большая «в молодой стране большевиков», в годы войны заметно возросла, но я не стал бы повторять вслед за бескомпромиссными критиками «тоталитаризма», что это был «рабский» труд. Мобилизованные столь грубо, униженные незаслуженно, испытывающие тяжкие лишения безвинно, подконвойные строители военных лет, как правило, сознавали, что их труд идет на пользу неласковому отечеству, от которого они себя не отделяли. И потому они все-таки не ощущали себя рабами.

Чтобы добавить к трем энергоблокам мощностью по 50 мегаватт каждый, построенным на СУГРЭС до войны, еще один такой же, реанимировали практически свернутый СУГРЭСстрой. Потребность в квалифицированных энергостроителях была столь велика, что, когда в августе 1943 года блок запустили в эксплуатацию, СУГРЭСстрой снижения нагрузки на себя, в сущности, не почувствовал, а в 1944 году организацию целиком передислоцировали на Украину, чтобы восстанавливать электростанции на территориях, освобожденных от захватчиков[87].

На реке Юрюзани, в Челябинской области, до войны начинали строить большую ГЭС, а чтоб обеспечить стройку электроэнергией, начали там же строить временную тепловую станцию. В сентябре 1941 года в те места эвакуировали Тульский патронный завод; электроэнергии ему понадобилось много и сразу. Поэтому ГЭС законсервировали и в авральном режиме занялись завершением, а потом и расширением тепловой станции. Пригнали туда три батальона «трудармии»; очевидцы вспоминают, что были те бедняги оборванными, на деревянных колодках вместо обуви, и работали только за скудную пищу[88]. Тем не менее их трудами «временная» станция превратилась в «постоянную» Юрюзанскую ГРЭС, которая в послевоенные годы дала заметный толчок развитию Катав-Ивановского промышленного района. (Сейчас она переведена в режим теплоснабжения прилегающих территорий).

Так или примерно так решался вопрос с «рабсилой» на всех энергетических стройках Урала в годы войны. Однако это была лишь одна сторона проблемы. Другая сторона: откуда взять оборудование? Ведь заказать турбину, турбогенератор, паровой котел в Ленинграде или Харькове, как это делалось до войны, теперь было невозможно. Казалось бы, решение очевидно: для того же и была организована эвакуация! Благодаря ей было даже из чего выбирать: «К концу ноября из прифронтовых районов удалось эвакуировать на восток более 70 мощных турбин, 75 турбогенераторов, 83 паровых котла, электроаппаратура, кабель, запасные части. Немалая доля предназначалась для усиления Уральской энергосистемы»[89].

Всё так, но эвакуированное энергетическое оборудование на уральских стройках не всегда можно было получить вовремя и в полном комплекте. Скажем, Алексинскую ТЭЦ – это километрах в семидесяти к северо-западу от Тулы – готовили к отправке на восток в большой спешке, когда немцы были уже совсем рядом. И может, в бумагах что-то напутали, может, ошиблись при составлении эшелонов, но в результате турбина прибыла в Пермь (ее с нетерпением ждали на расширяющейся Пермской ТЭЦ), а генератор укатил куда-то в Казахстан – пришлось его долго искать[90].

Или такой случай. На Кушвинской ТЭЦ возникла острая нужда в компрессоре, и компрессор получили из эвакофонда. В месте отправки – редкий случай! – наверно, не очень торопились: агрегат полностью разобрали, детали аккуратно упаковали в ящики. Но почему-то не приложили к этим ящикам какое-нибудь руководство, которое помогло бы понять, как этот «пазл» собирать[91]. Собрать в конце концов сумели и без инструкции, но сколько драгоценного времени на то ушло!

А на СУГРЭС привезли паровой котел барабанного типа со Сталинградской ТЭЦ. Понятно,

---

[86] См.: Заключенные на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР. Сборник документов. – М.: РОСПЭН, 2008. При чтении этой книги бросается в глаза, как обыденно решались вопросы использования «рабсилы» на стройках. Известные (даже и по сей день известные) руководители предприятий и отраслей в официальных письмах обращались к руководителям НКВД с просьбой прислать дополнительно партию заключенных (счет их шел на тысячи!) или присланную ранее партию задержать еще на месяц-другой. Впечатление такое, будто просят вагон цемента или сотню кубометров лесоматериалов.

[87] См.: *Гриневич В.И., Лукьянин В.П.* Среднеуральск. – Екатеринбург: ИД «ПАКРУС», 2002. С. 291–292.

[88] См.: *Горонкова В.В.* Энергия Урала: документы, воспоминания, мнения. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2011. С. 51.

[89] *Ничков В.Б.* Век уральской энергетики. С. 115–116.

[90] См.: *Горонкова В.В.* Энергия Урала. С. 49.

[91] См.: Эта тяжелая работа – война. Воспоминания свердловских энергетиков. – Екатеринбург, 2005. С. 147–148.

что готовили его к эвакуации не в самой комфортной обстановке, поэтому демонтировали простейшим образом: просто разрезали трубы, которыми соединяются барабаны, – так легче было погрузить на платформу. Но как собрать агрегат на месте? Читатель скажет: сварить эти трубы – и все дела. Да, но труб – две тысячи, а дуговая сварка редко обходится вовсе без погрешностей. Между тем даже самый незначительный изъян при давлении в полтора десятка атмосфер и температуре 500°С – это гарантированная авария[92].

Подобные технические ребусы энергетикам приходилось решать на каждом шагу, а порой случалось прибегнуть и к более радикальным решениям. Так, Красногорскую ТЭЦ (что в Каменске-Уральском) не просто расширяли: ситуация в оборонной промышленности требовала нарастить ее мощность с 50 довоенных до 250 мегаватт. (Станция обеспечивала электроэнергией Уральский алюминиевый завод, как читатель помнит – единственный тогда в стране производитель стратегически важного металла). Что подошло из эвакуированного оборудования – привезли и установили, но не хватало пара. Подсчитали, что, дополнительно к тому, что уже имеется на станции, нужен прямоточный[93] котел среднего давления производительностью 200 тонн пара в час. Раньше такие делали на Невском заводе в Ленинграде, при этом срок изготовления растягивался до 4–5 лет: это же огромный агрегат! Таким образом, вариант, который представлялся единственным, оказался во всех отношениях нереальным. И тогда приняли вариант совсем уж фантастический: построить котел непосредственно на монтажной площадке!

Действовать надо было быстро и наверняка, поэтому призвали на помощь ведущих специалистов по котлостроению, в том числе профессора Л.К.Рамзина – изобретателя этого теплотехнического агрегата; устроили мозговой штурм. Цель штурма была не в том, чтобы найти принципиально новые инженерные решения, а в том, чтобы имеющийся опыт приложить вот к этому конкретному месту, сэкономив время на всех операциях, которые можно было ускорить или вовсе обойти. Главное, пожалуй, их «изобретение» – начинать работу в материале, не ожидая завершения проекта на бумаге и изготовления рабочих чертежей. Фундамент нужен? Начинаем строить фундамент, пока инженеры уточняют, каким будет каркас. Пока рабочие монтируют каркас, инженеры «рисуют» узлы и детали, которые будут на нем укреплены. А когда тот или иной эскиз готов, тут же его, без лишних формальностей, воплощают в металле... Нет нужды воспроизводить здесь подробности даже не сжатого, а «спрессованного» графика, важен итог: от первой линии на бумаге до разрезания ленточки (впрочем, не уверен, что у них было время на торжественные ритуалы) прошло только 135 дней! Если округлить – четыре с половиной месяца вместо четырех лет.

Инженерно-технические прорывы такого масштаба поощрялись тогда Сталинскими премиями; в числе лауреатов за 1943 год оказался и Леонид Константинович Рамзин. Формально премию ему присудили за конструкцию котла, но первый его прямоточный котел был построен десятью годами раньше на одной из станций Мосэнерго. Однако тогда профессор Рамзин был «зэком», таковым премий не присуждали. В 1930 году его судили по так называемому «делу Промпартии», приговорили к расстрелу, но помиловали – расстрел заменили на заключение. Он работал в «шарашке» ГПУ, продолжал работу над конструкцией прямоточного котла. А в 1936 году его даже амнистировали, но ведь не оправдали. Так что премия 1943 года стала для него как бы актом реабилитации.

Но я не думаю, что для тех, кто решал вопрос о присуждении премии Рамзину, так уж важна была судьба самого инженера: премией было отмечено достижение советской технической мысли, продолжающей развиваться, несмотря на военные трудности. Это было решением проблемы далеко не локального масштаба, но это свершение можно было использовать и как духоподъемный идеологический фактор – тоже очень действенное оружие той войны.

На Урале предстояло ввести еще несколько энергоблоков такой же мощности – и теперь стало ясно, откуда взять котлы для их оснащения. Котлостроение стало второй профессией каменских энергостроителей. Тут же им поручили изготовить еще пять подобных котлов – для Челябинской ТЭЦ, для СУГРЭС, для последующих своих энергоблоков. А всего за годы войны они построили восемь прямоточных котлов[94].

Эвакуация, безусловно, начиналась с демонтажа, то есть с разрушения. Но она стала источником созидания – вот в чем ее эффективность! «Только за 1943 год в регионе было введено в действие электрических мощностей в несколько раз больше, чем в предвоенном 1940-м, а за три года войны – сколько за предыдущие 20 лет. Только на электростанциях Свердловэнерго смонтировали и ввели 22 турбоагрегата мощностью 470 тысяч киловатт и 36 котлов общей производительностью 2850 тонн пара в час. Установленная мощность электростанций выросла вдвое»[95].

Обратите внимание в приведенной выписке на: «Только за 1943 год...» Понятно, почему называется этот год: строительство энергоблоков – дело трудоемкое и длительное, столь «урожайный» год был подготовлен интенсивной работой в предыдущем году. И тут напрашивается вопрос: а как жила, как работала энергосистема, пока собирался с силами и строил новые корпуса СУГРЭСстрой, пока каменцы строили котел Рамзина и т. п.? Если ответить

[92] См.: Там же. С. 151.
[93] Выбрали прямоточный, потому что котлы этого типа менее требовательны к качеству топлива.
[94] См.: Эта тяжелая работа – война. С. 144–145.
[95] Там же. С. 145.

совсем коротко – плохо жила и работала неустойчиво. Причины очевидны: хроническая перегрузка, которую могли выдержать люди, но не выдерживала техника; неустойчивое снабжение топливом. Ну, и кадры...

О кадрах надо сказать отдельно: тут просматриваются две крайности.

С одной стороны, в первые же дни войны многие энергетики были мобилизованы в армию. Как установил ветеран и летописец СУГРЭС М.И.Дайбо, со Среднеуральской станции сразу 168 человек ушли на фронт[96]. Причем ушли, развивает эту тему И.М.Рувимский, бывший главным инженером СУГРЭС во время войны, «квалифицированные машинисты котлов, старшие машинисты, начальники смены. Вместо них надо было готовить женщин и подростков, почти детей»[97]. Исай Михайлович назвал здесь специальности, на которых держится котельный цех, но и в других цехах, и на других электростанциях была та же проблема. Для примера можно привести не самую крупную в системе Егоршинскую ГРЭС: в 1943 году на ней работало 132 подростка моложе 17 лет, больше – шестнадцатилетние, но пятнадцатилетних ненамного меньше, а были и вовсе дети – тринадцати, двенадцати лет, даже один одиннадцатилетний![98]

Но, с другой стороны, благодаря эвакуации, Урал обогатился опытнейшими работниками из развитых индустриальных центров Украины, Юга, Москвы, Ленинграда. В значительной степени их опыт и мастерство помогали удерживать в рабочем (хотя и не очень стабильном) состоянии систему, которая вообще не могла бы работать, если б на ключевых позициях не имела специалистов такого уровня.

На пользу пошло и сокращение, скажем так, длины рычагов, с помощью которых управлялась предельно централизованная экономика. В Свердловске, в Каменске-Уральском либо подолгу, либо постоянно находились промышленные наркомы И.Ф.Тевосян, П.Ф.Ломако, В.А.Малышев. Вот и нарком электростанций Д.Г.Жимерин жил в гостинице «Большой Урал», а его рабочий стол находился в кабинете управляющего Уралэнерго. Очень удобно для согласованного решения неотложных проблем, даже телефонную трубку снимать не надо было. Если прибегнуть к фронтовым аналогиям, командный пункт наркома находился в окопе переднего края, потому что успех стратегической операции, условно обозначаемой словом «эвакуация», напрямую зависел от того, сумеют ли удержать свой рубеж уральские энергетики.

Проблемой номер один для уральской энергосистемы была перегрузка. Как вспоминал позже **Абрам Михайлович Маринов** (в 1942–1949 годах управляющий Свердловэнерго, потом – Главуралэнерго), он приехал на Урал из осажденного Ленинграда в 1942 году. Путь его лежал в Свердловск, но по дороге он заехал на Закамскую ТЭЦ, и его поразило, что на всех турбинах станции тахометры показывают пониженное число оборотов. Пришлось, однако, привыкать, потому что нормальной частоты тока (50 герц) во всей энергосистеме Урала за всю войну практически не бывало. Нередко показатели частоты «зашкаливали» в буквальном смысле слова: на шкале прибора нижний показатель был 45 герц, и диспетчеры жаловались, что приборы не позволяют ориентироваться, когда указатель частоты уходит за пределы шкалы. Но когда использовались приборы со шкалой более широкого диапазона, показатели опускались и до 40, и до 38, и даже до 37 герц. А однажды был зафиксирован рекорд: частота тока 36,3 герца[99].

Чем опасно понижение частоты тока? Электромоторы, питающиеся от сети с пониженной частотой, «не тянут», а так как энергоблоки управляются тоже электромоторами, работающими от той же сети, то они выходили из строя. Энергоблоки же, как правило, работают не автономно, а в сети и, в конечном счете, в региональной энергосистеме, так что выключение даже одного агрегата создает опасность разрушения по принципу домино всей системы.

Как этого избежать? «Рецепт», казалось бы, прост: нагрузка в сети возрастает до опасного уровня – необходимо немедленно отключить кого-то из энергопотребителей. Но внезапное отключение где-то там, далеко от диспетчерского пульта, может привести к серьезным авариям: представьте, к примеру, что вдруг обесточили мартеновский цех в момент разливки стали или блюминг с раскаленным слитком между валками. Поэтому отключать кого-то «методом тыка» было очень опасно и категорически возбранялось. График отключений тщательно разрабатывался заранее. Но нештатные ситуации (что-то сломалось в энергоблоке, «полетел» какой-то выключатель и т. п). никаким графикам не подчинялись, и только опыт – не точнее ли сказать: искусство? – диспетчеров спасало энергосистему от больших бед. Работа диспетчеров была подобна хождению по канату: малейший сбой баланса мог повлечь за собой катастрофу.

Чтобы облегчить эту «эквилибристику», то есть сделать зону ответственности дежурных диспетчеров обозримой (была еще формула: приблизить энергетиков к энергопотребителям), 15 июля 1942 года Уральскую энергосистему разделили на три самостоятельных – Пермскую, Свердловскую и Челябинскую, но после четырех месяцев раздельной работы пришли к выводу, что все же их действия нужно координировать, и воздвигли над ними главк – Главуралэнерго.

В общем, примерялись так и этак, чтобы огромный, но все же остро недостаточный поток электроэнергии распределять между

---

[96] См.: Там же. С. 149.
[97] Там же. С. 169.
[98] См.: Там же. С. 115.
[99] См.: Горонкова В.В. Энергия Урала. С. 47.

возрожденными в тылу и наращивающими объемы производства предприятиями рационально, сбалансированно и без сбоев. Но сбои случались, и не только небольшие. А.М.Маринов вспоминает, как «однажды (5 сентября 1942 года. – В. Л.) при небольшом расстройстве режима на одной из подстанций вся Уральская энергосистема от Соликамска до Магнитогорска рассыпалась, все электростанции вышли из параллельной работы. Города, заводы, транспорт остались без электроэнергии»[100]. Журналист В.Б.Ничков описал это происшествие в ярких красках: «Остановились на заводах станки, замерли под резцами так и не обработанные снарядные болванки. Раскаленные полосы и ленты на прокатных и волочильных станах медленно теряли яркость, синели, темнели, словно из них уходила жизнь. Остывал металл в погасших электропечах...» – ну, и так далее[101]. Эту апокалипсическую картину читатель и сам легко довообразит, а вот как на эту аварию отреагировала «административно-командная система» – это уже важный штрих к портрету времени.

Почти сразу, как погас свет, на столе у Маринова зазвонил аппарат ВЧ-связи: зам председателя Совнаркома М.Г.Первухин требовал доложить: что случилось? И Сталину было доложено! Все были поставлены на ноги. За дватри часа опытным диспетчерам (вины которых в этом происшествии не было) удалось систему «собрать», но «оргвыводы» были сделаны. Нет, не «головы полетели» – ужесточился график отключений и особенно контроль за его соблюдением. Руководителей энергосистем обязали при всех условиях соблюдать нормальную (50Гц) частоту и при необходимости жестко ограничивать потребителей. Частотомеры появились на столах у секретарей обкомов, отвечающих за энергетику, этот показатель они держали под постоянным контролем. Частотомер стоял и на столе наркома Жимерина; он требовал от Свердловэнерго постоянного отчета за каждый случай снижения частоты, и сам обязан был ежедневно докладывать в Совнарком о состоянии дел с энергоснабжением Урала.

Проблемой номер два (если только допустимо эти проблемы ранжировать по степени значимости: в сущности, все они «номер один») было снабжение электростанций топливом. Были они тогда, в основном, угольные, а уголь шел с уральских месторождений – малокалорийный и с содержанием золы до 40 процентов. Такой уголь сам по себе составлял серьезную технологическую проблему. В воспоминаниях ветеранов уральской энергетики можно найти множество сюжетов, связанных с качеством угля. И о том, например, как директор и главный инженер, сбросив пиджаки, включались в общий аврал по удалению шлака из зольного помещения. И о том, как занимались «расшлаковкой» секционных котлов: длинным металлическим стержнем, просовывая его в специально пробитое в облицовке печи отверстие, сбивали вручную нависающие раскаленные глыбы шлака, которые не только снижали производительность печи, но и могли вызвать серьезные аварии. Потом С.И.Молоканов, И.М.Рувимский и мастер Д.Ф.Рябцев на СУГРЭС придумали нехитрое устройство для обдувки шлакующихся поверхностей, и это изобретение позволило не только решить проблему зашлаковки, но и повысить производительность котлов примерно со 145 до 200 тонн пара в час[102].

Сжигать уголь невысокого качества научились, но хуже было, когда его не хватало – не успевали подвозить. Не по чьей-то нерасторопности: железные дороги были забиты эшелонами, а зимой сложностей добавляли снежные заносы. Вдобавок паровозы, тащившие, скажем, на СУГРЭС составы с богословским углем, сами работали на малокалорийном богословском угле и, случалось, застревали в пути. В ожидании очередного эшелона с углем на электростанциях порой приходилось «сметать по сусекам» последние крохи угольной пыли...

Многим ветеранам энергетики запомнился черный день 1 февраля 1942 года. А.М.Маринов вспоминает так: «Создалась тяжелая обстановка: турбогенераторы были остановлены, часть котлов погашена, а другая часть едва-едва топилась на оставшемся в бункере угле. Для того, чтобы предотвратить замерзание и разрушение насосов и арматуры, повсюду были расставлены жаровни с горящим углем и даже разводились костры. <...> После всего пережитого было принято за незыблемое правило: при любых обстоятельствах снижать нагрузку до величины, обеспеченной поступлением топлива, никогда не оставаться с пустым угольным складом на электростанции»[103].

Трудно, где-то даже за пределами возможного, работали в годы войны уральские энергетики; да ведь в таком режиме работала вся страна, сильно потесненная на восток.

Монтажная симфония

Так назвал свой мемуарный очерк об очень памятном для него событии периода Великой Отечественной войны **Михаил Михайлович Ковалевский**[104] – тот самый инженер, который, поселившись в лучшей тогда гостинице города, вынужден был по вечерам работать при свече. Если в городе было так плохо с электроснабжением в предвоенном 1937 году, то каким же скудным должен был стать энергетический паек крупнейшего промышленного центра, когда сюда переехали из западных областей десятки больших и малых предприятий и производств!..

И вот экспозиция: перегруженный эвакуированными людьми и

[100] Эта тяжелая работа – война. С. 123.
[101] *Ничков В.Б.* Век уральской энергетики. С. 117.
[102] Там же. С. 120–121.
[103] Энергетики Урала рассказывают. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1978. С. 54.
[104] См. *Ковалевский М.М.* Монтажная симфония // Урал. 1984, № 8.

техникой город, перенапряженная энергосистема, где на счету каждый киловатт, на площадке Турбинного завода, фактически вытеснив хозяев, спешно монтируется дизель-моторное производство, а оставшиеся не у дел, хотя официально и не уволенные, турбинисты с тревогой наблюдают за развитием событий, не имея возможности повлиять на их ход.

В этот драматический момент на заводе рождается сумасшедшая мысль из того разряда, что помогали расшить узкие места во всех случаях, когда выхода, казалось, не было: танковый лист на блюминге, броневая сталь в большегрузном мартене, силумин в ковше с расплавленным алюминием и т. п.

Говоря конкретней, тогдашний руководитель строительства Турбинного завода Николай Владимирович Балдуев где-то в конце октября 1941 года предложил полубезработному инженеру-турбинисту Ковалевскому подумать: а нельзя ли достроить одну из турбин, которые начали делать перед войной, и подключить ее к тоже недостроенной котельной, которая предназначалась для испытания турбин? Вот и получится своя, заводская ТЭЦ.

Михаилу Михайловичу идея показалась интересной, но неисполнимой: для ТЭЦ мало иметь турбину и паровой котел: нужен еще и турбогенератор, и всяческая сложная электротехническая оснастка. И здание нужно: в котельной турбоагрегат не поставишь. И еще все это нужно грамотно и надежно скомпоновать: речь ведь идет об обуздании страшной стихии – температура перегретого пара 400–500 градусов, давление – десятки атмосфер, скорость вращения ротора – три тысячи оборотов в минуту. Он к тому времени немало поработал на электростанциях, был опытным конструктором турбин, но проектированием электростанций никогда не занимался.

И все-таки Ковалевский взялся за решение этой задачи, которая на деле оказалась даже гораздо сложней, чем представлялась при первом с ней соприкосновении. Никакой недостроенной турбины на заводе не было, подходящую машину пришлось искать в разных городах, где были склады эвакуированного и не нашедшего пока что применения оборудования. Нашли и генератор. Место определили на испытательном стенде, который непросто было приспособить под машинный зал. Совершенно нестандартные решения пришлось искать для того, чтоб подвести к турбоагрегату пар от котельной...

Этот нестандартный проект делал маленький инженерный коллектив – четыре человека, включая и самого Ковалевского[105]. Проектированием электростанций никто из них раньше не занимался, но и задачи, которые им все время приходилось решать, ни в каких учебниках прежде не рассматривались. Они работали вчетвером, но в постоянном контакте с руководством и интеллектуальной элитой завода; их творческий потенциал, как электрический аккумулятор, подпитывался энергией среды. Всем это было интересно, всем важно, и все понимали, насколько это несбыточно.

Между прочим, даже на совещании у директора завода, где окончательно решалась судьба уже завершенного проекта, кто-то высказал сомнение:

– А надо ли сейчас отвлекать силы на это сооружение? Наше дело выпускать моторы, а электроэнергию нам дадут и без...

Директор лишь буркнул в ответ:

– Не этот вопрос обсуждается.

Вся история с проектированием, а потом и монтажом этой ни в каких планах не записанной заводской электростанции выглядит модельной ситуацией военного времени. В любом ее эпизоде – образец того отчаянно смелого, но тщательно продуманного и ответственного творчества, которое и стало эмоционально-интеллектуальной основой Победы. Творчества от безвыходности, но, как всякое творчество, дарующего радость восхождения к вершинам человеческого духа.

В известном смысле апофеозом этого творчества стало оборудование машинного зала: для настилов раздобыли рифленое железо, полы выложили метлахской плиткой, устроили для персонала честь честью душевые и санузел. Даже кто-то из рабочих усомнился: не излишество ли в такое время? Но начальство поддержало, понимая, насколько психологически важны эти, в сущности, мелочи по сравнению с масштабом сделанного: сделали не абы как, покорившись обстоятельствам, а по-человечески.

ТЭЦ запустили примерно в те дни, когда немцев окружили под Сталинградом, и это было тоже по-своему символично. Символичным было еще и то, как работали над созданием, казалось бы, невозможной заводской электростанции всем миром, понимая, насколько она нужна всем, и ощущая себя в эпицентре общего дела.

По поводу завершения создания ТЭЦ на заводе выпустили стенгазету, где весь этот процесс представили в рисунках и стихах, как исполнение симфонии. Этот образ, по мнению «автора партитуры» Михаила Михайловича Ковалевского, очень точно выразил суть события, и сорок лет спустя он воспользовался им, чтоб рассказать о столь памятном для него эпизоде военных лет.

Из пламя и света

Ленинградские кировцы радикально вмешались в жизнь уральской «Турбинки» в первые месяцы войны, и все же окончательного перерождения турбинного завода в моторный не случилось: война затягивалась, и турбины тоже были признаны продукцией оборонно-стратегического значения. Да, количеством «моторов» измерялась мощь воющей армии, но производственная мощь промышленности, поставляющей «мо-

[105] Не могу не упомянуть, что одним из этой четверки был Евгений Архипович Кубышкин, под непосредственным руководством которого автору этих строк довелось в 1955–1957 годах работать в СКБт Турбомоторного завода.

торы», напрямую зависела от ее энерговооруженности.

Один из ключевых эпизодов в воспоминаниях А.Б.Аристова – как в декабре 1942 года случилась крупная авария 50-мегаваттной турбины на СУГРЭС: «полетели» сразу три рабочих колеса – 36-й, 38-й и 39-й ступеней – на роторе низкого давления, а вследствие того вышел из строя весь энергоблок. Между тем энергоблок мощностью 50 мегаватт обеспечивал при технологическом уровне тех лет работу двух-трех заводов, равных Уралмашу.

Эту ситуацию надо не просто понять, но и прочувствовать. Как раз в те дни шли решающие сражения у Сталинграда: армия Паулюса была уже зажата в кольце, но фельдмаршал Манштейн во главе группы армий «Дон» прорывался к ней на помощь, и это была грозная сила. Так что исход главной битвы Второй мировой войны был еще не очевиден. Не будем преувеличивать: конечно, авария энергоблока уральской электростанции на итог Сталинградской битвы повлиять напрямую не могла, но страна жила в перенапряжении, и авария сугрэсовской турбины в такой ситуации воспринималась если и не как катастрофа, то уж точно как крупное военное поражение.

Виновных, однако, не искали, ибо сразу было очевидно, что «человеческий фактор» тут ни при чем, перегрузок не выдержал металл. Другой вопрос встал сразу: а сколько времени потребуется для восстановления агрегата? Директор электростанции, опытнейший инженер-эксплуатационник Д.И.Карпенко, прикинул вчерне: понадобится пятнадцать суток. Срок этот был без «припусков»: на простую замену ротора низкого давления по существующим нормативам отводилось 10–12 дней, а ведь еще нужно где-то взять ротор. Начальник турбинного цеха СУГРЭС Н.И.Патрушев, рассчитав ведомые ему резервы, «скостил» срок ремонта до 144 часов, то есть до шести суток, – наполовину. Секретарь обкома Аристов попросил его: поговори, мол, с народом, а может, сумеют управиться за пять суток? Патрушев поговорил, и «народ» пообещал попробовать.

Как работали ремонтники? Во-первых, до завершения всей работы никто не уходил домой, в цехе и жили. Поставили в сторонке, чтоб проходить не мешали, кровати, даже простыни расстелили, но спали урывками, когда уж совсем невмоготу. Час-полтора, не больше, – и снова за дело. А шефмонтер Лука Федорович Казак, приглашенный для этой операции с завода № 371 (под этим «псевдонимом» в годы войны работал в Салде Ленинградский Металлический завод) за все время ремонта вообще не заснул ни разу. Здесь же обедали; девушки в белых косынках приносили пищу прямо на рабочие места. Аристов не без гордости вспоминает, что для такого случая удалось раздобыть сала и даже пива. Насчет пива – прямая его заслуга: именно он в свое время настоял, чтобы на время войны не закрыли Свердловский пивзавод. Подбадривали участников аврала наглядной агитацией: вывесили плакат с призывом от фронтовиков, выпускали стенгазеты-молнии. Не подталкивали, а давали почувствовать, что монтажники работают у всех на виду: у них свой «Сталинград».

9 декабря 1942 года в 23 часа 25 минут в восстановленную турбину был дан пар. С начала восстановительных работ прошло всего 84 часа – трое с половиной суток! И уже 10 декабря почти целая полоса газеты «Уральский рабочий» (а газеты в то время выходила на двух полосах) была посвящена подвигу сугрэсовцев, хоть слово «авария» при этом не было упомянуто, а говорилось о «капитальном ремонте». Несколько дней спустя об этой истории рассказала и «Правда». Нарком электростанций Д.Г.Жимерин наградил всех участников восстановительного аврала – 18 человек – почетными знаками наркомата и денежными премиями в размере месячного оклада. Большее было не в его компетенции.

Надо, однако, заметить, что в ликвидации этой аварии разоренный «постояльцами»-моторостроителями Уральский турбинный завод не участвовал. Энергетиков выручила случайность: в то время на севере Свердловской области строили ТЭЦ для обеспечения электроэнергией тоже строящегося Богословского алюминиевого завода (БАЗ) и готовили к монтажу турбину того же типа, что попала в аварию на Среднеуральской станции, выпущенную еще до войны Ленинградским Металлическим заводом. До ее пуска оставалось много времени, и решением правительства (вот на каком уровне это решалось!) ее ротор низкого давления передали на СУГРЭС.

Между тем декабрьская авария 1942 года не была событием исключительным: даже на той самой турбине несколькими месяцами раньше «полетело» сразу несколько лопаток 37-й ступени. Тогда турбину вскрыли, срезали автогеном все остальные лопатки поврежденной ступени, чтоб сохранить баланс ротора, снова закрыли корпус и дали пар. Блок заработал, только мощность его снизилась на три тысячи киловатт. Через довольно короткое время разрушилась диафрагма 36-й ступени, и снова аварию устранили быстро, но тоже с потерей мощности. И вот – сразу три ступени.

А ведь эта турбина была не единственной даже на Среднеуральской станции.

Становилось все более очевидным, что с остановкой турбинного производства на Урале поспешили. Если время было не очень подходящим для постройки новых машин, то для поддержания в рабочем состоянии всего энергетического хозяйства Урала производство, где могли бы, по крайней мере, оперативно сделать детали взамен поврежденным, было не менее необходимо для обороны, чем выпуск танковых дизель-моторов.

Восстанавливать турбинное производство начали уже в 1942 году. Вернули в цех демонтированные специальные станки, привезли эвакуированные из блокадного

Ленинграда, с Металлического завода, уникальные станки для обработки турбинных лопаток. А в мае 1943 года техническим руководителем турбинного производства был назначен инженер, который уже тогда принадлежал к числу самых опытных турбостроителей страны. Имя его уже упоминалось в этом повествовании: будучи ведущим инженером ленинградского Невского завода, Д.П.Бузин дал положительную экспертную оценку проекту самой первой турбины УТЗ и тем самым дал добро на ее производство.

Лишь за три месяца до того, как **Дмитрий Петрович Бузин** (1903–1992) появился на заводе № 76, он отметил свое сорокалетие. При этом его инженерный стаж составлял уже полтора десятилетия. Первые одиннадцать лет (после окончания в 1927 году Ленинградского политехнического института) Дмитрий Петрович набирался опыта на Ленинградском Металлическом заводе – старейшем турбиностроительном предприятии страны. С 1907 года завод выпускал маломощные турбины по иностранным чертежам; в 1929 году выпустил первую паровую турбину собственной конструкции, и молодой инженер Бузин принимал участие в ее конструировании. Впоследствии на турбинах, создание которых он возглавлял в качестве главного конструктора, заметен был отпечаток традиций ЛМЗ.

В предвоенные и первые военные годы Бузин работал на ленинградском Невском заводе, выпускавшем судовые турбины. С ним же он отправился в эвакуацию на Урал.

Когда Дмитрий Петрович появился на заводе, который уже почти забыл, что начинался как Уральский турбинный, его первой задачей было восстановление турбинного производства в рамках потребностей военного времени. На создание новых машин они тогда не посягали, а занимались восстановлением поврежденных (в зоне военных действий, при перевозке или в результате аварий) агрегатов, изготовлением запчастей для турбин, работающих на уральских электростанциях. За годы войны завод изготовил запчасти для 180 типов турбин, выпускал до 350 типоразмеров турбинных лопаток в год, восстановил и доукомплектовал 32 турбины общей мощностью 700 мегаватт.

Такая работа не раскрывала дальних перспектив, но давала богатый и многогранный опыт, побуждала к творчеству, помогала формированию творческого коллектива. Когда война приближалась к концу, все отчетливее начали просматриваться и дальние перспективы. Заводу предстояло возродить полный цикл производства паровых турбин, не оглядываясь уже на довоенные достижения: новый шаг в развитии производства предвещал восхождение к более энергоемким технологиям. Еще с последних военных лет специальное конструкторское бюро по турбостроению (СКБт), которым изначально и в последующие тридцать лет руководил Дмитрий Петрович Бузин, приступило к разработке новых проектов. Первой была теплофикационная турбина мощностью 12 мегаватт, не повторяющая, однако, довоенную предшественницу: в ней уже были воплощены собственные идеи сложившегося коллектива. Но она явилась лишь эпизодом в истории возродившегося турбинного производства: КБ Бузина сразу начало резко повышать планку мощности: 25, 50, 100, 250 мегаватт.

Когда «конспиративная кличка» военного времени «завод № 76» была отменена, а моторное производство отнюдь не свернуто, завод уже не был не только моторным, каким его сделала война, но и турбинным, каким он строился, а вследствие войны и эвакуации и возродился в этом качестве. Так что вполне резонно с 1948 года он стал называться Турбомоторным. Название выглядело «гибридным», но завод был цельным организмом: два его основных производственных направления изначально строились на общем фундаменте (общая энергосистема, общие вспомогательные цеха, общие управленческие службы, общее жилищно-коммунальное хозяйство). А потом и направлений стало больше (газовые турбины разного назначения и разных конструкций, разнообразные моторы), и общая база разрослась. В 2003 году этот цельный организм все-таки разрубили на две части, но это уже другая – современная – история...

В истории Турбомоторного завода Д.П.Бузин – фигура ключевая. Его инженерный талант, профессиональный авторитет и личное обаяние стали тем «человеческим фактором», который сыграл решающую роль в послевоенном развитии завода. Турбины, созданные под его руководством, отличались совершенством конструкции, экономичностью и высокой надежностью. С момента появления в советском хозяйственном обиходе Знака качества (напомню, что это случилось в апреле 1967 года), этот знак непременно присваивался новым турбинам уральского производства. А знаменитая «сотка» была не только аттестована по высшему разряду советскими экспертами, но в своем классе не имела равных в мире. Она экспортировалась во многие страны, в том числе и высокоразвитые в технологическом отношении, где исправно служит по сей день. Уральские турбины работают ныне в 60 странах мира.

Дмитрий Петрович не возвратился из эвакуации в Ленинград: он не искал «места, которое красит человека», но собственным талантом и трудом украсил место, которое определила ему судьба. Он проработал главным конструктором паровых турбин на ТМЗ тридцать лет и оставил этот пост, когда ему было уже за семьдесят, передав дело им же самим выбранному талантливому ученику. Достижения выдающегося конструктора отмечены еще в первые послевоенные годы двумя Сталинскими премиями, а за знаменитую «сотку» он вместе с группой ближайших сотрудников был удостоен

Ленинской премии. Конечно, был он награжден и рядом высоких правительственных наград.

Дмитрий Петрович умер, когда ему было без малого 90 лет, и похоронен в Уральской земле. В честь его на здании заводоуправления теперь уже снова Уральского турбинного завода укреплена мемориальная доска. Но главный памятник ему – широкая известность уральских турбин в мире, их высокая репутация, которая сохраняется по сей день.

Энергия ума

Центральный котлотурбинный институт (ЦКТИ), расположенный в Ленинграде, в предвоенные годы превратился в мощный научно-производственный концерн, включавший в себя и собственно институт, и опытный завод, и экспериментальную электростанцию, и отраслевое бюро технической информации. Во всех подразделениях этого объединения работало около тысячи человек. Их эвакуировали уже после того, как сомкнулось кольцо блокады, и направили в разные города – в Горький, Бийск, Барнаул и др. Но не туда, где для них нашлись места, а туда, где сложилось наиболее трудное положение с энергетическим обеспечением и где эксплуатационникам была особенно нужна помощь ученых. Любопытно, что уезжали они как бы в командировку, с обозначенной целью помочь в создании котлотурбинной базы на Востоке, но уезжали с женами и детьми, а срок их возвращения не был обозначен.

Самая большая группа ученых-энергетиков была направлена на Средний Урал. В основном их расселили в поселке СУГРЭС (нынешний город Среднеуральск). Этому способствовало то обстоятельство, что двое из эвакуированных уже работали прежде на СУГРЭС – Исаак Давидович Коц и Николай Степанович Рассудов. Но еще важнее было, что крупнейшая в ту пору на Среднем Урале электростанция работала в чрезвычайно напряженном режиме, соседство с ней было удобно и самим ученым-энергетикам, и хозяевам.

Какие это были «командированные», можно судить по воспоминаниям И.М.Рувимского, главного инженера СУГРЭС в годы войны. Он без экивоков говорит «о большой группе эвакуированных из Ленинграда дистрофиков – ученых ЦКТИ, перенесших блокаду Ленинграда. Кроме ученых ЦКТИ на станцию еще раньше прибыла большая группа эвакуированных ученых и инженеров ВТИ и ОРГРЭС из Москвы»[106]. Несмотря на скудное довольствие, они не стали для станции обузой. Подкормили, выходили, и, как прямо говорит Рувимский, работа ученых помогла добиться большей стабильности и надежности станции.

Чтобы придать большой группе ученых, волею обстоятельств, обособившейся от института, более широкие возможности самостоятельных действий, в декабре 1941 года было учреждено Уральское отделение ЦКТИ.

Лабораторией паровых турбин УО ЦКТИ заведовал сорокалетний профессор **Иван Иванович Кириллов** (1902–1993), которого со временем в профессиональной среде признают величайшим турбинистом, чье имя по праву вписано золотыми буквами в историю мировой турбинной науки. После войны Кириллов возглавлял кафедры турбиностроения в Ленинграде, Брянске и снова в Ленинграде. Прожив долгую жизнь (Иван Иванович умер, когда ему шел девяносто второй год), он оставил когорту учеников и целую библиотеку книг, по которым и нынешние поколения турбинистов постигают тайны одной из сложнейших инженерных наук.

Жил ли Кириллов на СУГРЭС, даже трудно сказать: там его редко видели, он все время разъезжал по командировкам. Смысл его тогдашней работы – своей и своих коллег – он в воспоминаниях, написанных на склоне жизни, сформулировал так: «Необходимо было расчетным путем выявлять резервы мощности турбин и выдавать документы на работу при мощности выше номинальной. Решение этих задач всегда вызывало острые дискуссии с заводами, строившими эти турбины. Для турбин иностранных фирм в этом отношении решения принимались проще».

Профессор Кириллов и его коллеги работали на грани теории и практики. Они не ограничивались рекомендациями, основанными на математических выкладках: кто б тогда рискнул следовать этим рекомендациям, подвергая сложнейший агрегат риску разрушения? Ученые по воле обстоятельств превращались в практиков: они сами руководили переключением оборудования на работу в более напряженном режиме. Полностью брали риск на себя.

Работа была чрезвычайно трудоемкая, но и эффективность ее была высока. За годы уральской «командировки» небольшая группа профессора Кириллова обсчитала таким образом 17 турбин, суммарная мощность которых составляла 575 мегаватт. Выполняя рекомендации ученых, производственники смогли дополнительно «выжать» из своих агрегатов 45 мегаватт. Что значила эта цифра? Это почти в четыре раза больше, чем давала заводская ТЭЦ, исполненная, как симфония, Михаилом Михайловичем Ковалевским и всеми его сподвижниками более чем за год. Это почти столько же, сколько прибавил к мощности уральской энергосистемы коллектив СУГРЭСстроя, которому в военные годы удалось смонтировать и запустить энергоблок мощностью 50 мегаватт, эвакуированный из подмосковного Сталиногорска. Между тем на стройплощадке, где устанавливался этот блок, в 1942–1943 годах работало более тысячи человек.

2. Интеллектуальный ресурс

Знание – сила

Эта истина, сформулированная еще древними (Фрэнсис Бэкон

[106] Эта тяжелая работа – война. С. 170–171.

лишь напомнил о ней современникам), многократно подтвердилась примерами, которые не раз встречались в предыдущих главах. Напомню хотя бы о том, как интеллектуальный вклад семидесятилетнего академика Е.О.Патона помог резко увеличить производство танков на УВЗ (завод № 183) и на Уралмаше, а потом и на других танковых заводах страны; как инженер-теплотехник Л.К.Рамзин разрешил проблему энерговооружения УАЗа, построив прямо на заводе сконструированный им десятью годами раньше паровой котел. Или вот только что рассказанная история об И.И.Кириллове: небольшая группа турбинистов-расчетчиков под руководством ленинградского профессора нарастила энерговооруженность Урала почти на такую же величину, как коллектив СУГРЭСстроя, где в разгар военных лет числилось больше тысячи человек. (Конечно, я не о том, что мыслью можно заменить реальное дело: строители создали новый энергоблок, а ученые выжали примерно ту же мощность из существующих агрегатов, заставив их работать в усиленном, но все же относительно безопасном режиме).

Без глубоких инженерных знаний, без точного расчета магнитогорские металлурги не смогли бы решиться прокатать слитки броневой стали на блюминге (помните – когда в кабинете директора ММК прозвучало такое предложение, Г.И.Носов пригасил разгорающийся спор на уровне мнений, хотя бы и авторитетных, а потребовал цифры), а также сварить эту сталь на большегрузном мартене (тоже ведь пригласили ученых). Очень многие технологические решения, благодаря которым оборонная промышленность СССР сумела одолеть всеевропейскую индустрию вооружения, были рождены дерзновенной, на грани безрассудства, творческой мыслью, которая, однако, опиралась на базу серьезных научных знаний, тем и была сильна.

Даже и сама эвакуация как передислокация оборонных предприятий из оказавшегося под угрозой захвата противником военно-промышленного пояса страны в относительно безопасный и богатый ресурсами тыл оказалась бы невозможной без научной помощи железнодорожникам, которым приходилось работать за пределами технических возможностей железнодорожной сети.

Между прочим, находить решения самых безвыходных транспортных проблем в ходе эвакуации практическим работникам отрасли помогал академик **Владимир Николаевич Образцов**, который в 1941–1942 годах находился в эвакуации в Свердловске. Академика называли «отцом транспортной науки» (но был он еще и отцом даже более известного, нежели он сам, Сергея Владимировича Образцова, создателя московского Театра кукол).

В столице Урала В.Н.Образцов оставил след, который время окончательно не стерло до сих пор. Дело в том, что железнодорожная станция Свердловск уже и тогда была крупнейшим транспортным узлом, где пересекались магистрали, соединяющие европейскую и азиатскую части страны; а с юга и севера к нему же подключена разветвленная сеть дорог, связывающих разные районы Урала между собой и с общесоюзной сетью стальных путей. Уже в первые недели войны потоки эшелонов, движущихся по всем этим направлениям, настолько плотно закупорили главные, по сути, маршруты, от которых напрямую зависела обороноспособность страны, что в ближайшей перспективе замаячила угроза катастрофы, вызывающей ассоциации с медицинским термином «тромбоз». Транспортники обратились к самому компетентному в своей сфере эксперту, и академик Образцов, изучив ситуацию, помог разрубить «гордиев узел». Он предложил проложить вдоль северной окраины Свердловска небольшую ветку от станции Аппаратная егоршинского направления до линии на Нижний Тагил. Военные железнодорожники справились с этой задачей за считанные дни, и значительная часть транзитного потока была пущена мимо перегруженных станций Шарташ и Свердловск-Пассажирский. Оказывается, этой меры хватило, чтобы «тромб» рассосался. Станция Звезда, созданная по предложению В.Н.Образцова в том месте, где новая ветка выходила на тагильскую линию, стала приметным пунктом в топографии бурно растущего города. Она и по сей день на слуху, хоть давно «растворилась» в системе маневровых путей станции Свердловск-Сортировочный и пассажиров не обслуживает.

Между тем В.Н.Образцов был не единственным академиком, эвакуированным в годы войны в Свердловск, число их достигало нескольких десятков, и каждый из ученых-«беженцев» внес весомую лепту в общее дело победы над врагом: эвакуация сделала столицу Урала одним из главных научных центров страны.

Первопричиной тому послужила тесная связь советской академической науки того времени с производством. Вот некоторые официальные данные об этой связи: «Ключевая роль Академии наук СССР в наращивании научно-технического и промышленного потенциала страны в довоенные годы обеспечивалась целенаправленной и, как мы теперь понимаем, дальновидной государственной научной политикой. Систематически увеличивалось финансирование фундаментальных и прикладных исследований, пополнялся кадровый состав Академии наук, развивались структура и новые формы организации академических научных учреждений. С 1931 по 1939 г. финансирование АН СССР увеличилось почти в 25 раз. <…> К началу Великой Отечественной войны в АН СССР было 47 институтов, 76 самостоятельных лабораторий, станций, обществ, обсерваторий и других научных учреждений. В них работали 123 академика, 182 члена-корреспондента, около 5000 научных и научно-технических сотрудников»[107].

---

[107] *Костюк В.В.* Академия наук СССР в годы войны. // Вестник Российской академии наук. Т. 75. № 11, 2005. С. 975.

Уже 23 июня 1941 года состоялось внеочередное расширенное заседание президиума Академии наук, где решался вопрос о включении интеллектуального потенциала научного сообщества в борьбу с врагом. Директива руководства Академии, подписанная президентом АН СССР В.Л.Комаровым в итоге этого совещания, требовала все вопросы дальнейшей работы Академии наук решать «исключительно с точки зрения неотложных нужд обороны и неразрывной связи наших исследований с важнейшими запросами народного хозяйства»[108].

Не только советские ученые, но и советская наука в целом к такому повороту были готовы; ориентация на оборонную тематику и тесная связь науки с производством предопределили стратегию эвакуации академических учреждений, о которой на второй день войны речи еще, конечно, не было. Когда же эвакуация началась, особых вопросов о том, куда посылать эшелоны с учеными и оснасткой их лабораторий, не возникало: разумеется, туда, где есть особая нужда в помощи науки. Ответственным за эвакуацию Академии наук был назначен вице-президент этой организации.

Академик **Отто Юльевич Шмидт** (1891–1956). Это имя и сейчас на слуху: его носят улицы во многих городах России (есть такая и в нынешнем Екатеринбурге) и бывших советских республик, географические и даже космические объекты. Это был не только разносторонний ученый, но и великолепный организатор, человек решительный, смелый и невероятной работоспособности. Начинал он как математик (и двадцать лет руководил кафедрой высшей алгебры в МГУ). Еще в начале 1920-х годов выдвинул идею создания Большой советской энциклопедии, добился практической реализации этого сложнейшего научно-издательского проекта и был назначен главным редактором первого (65-томного!) издания. Параллельно занимался геофизикой Земли, астрономией, участвовал в высокогорной экспедиции на Памир, руководил Главным управлением Северного морского пути, организовывал экспедиции в арктических морях на пароходах ледокольного типа «Седов», «Сибиряков», «Челюскин», сам же ими руководил. Когда раздавленный льдами пароход «Челюскин» начал тонуть, Шмидт последним сошел на лед. Он же организовывал экспедицию «Северный полюс-1» и был удостоен звания Героя Советского Союза вместе с папанинцами. Легендарный человек! Биографы утверждают, что в 1930-е годы академик Шмидт был не менее популярен, нежели Гагарин в 1960-е.

О.Ю.Шмидт и эвакуацию организовал блестяще: для всех нашел подходящие места, всем обеспечил максимально возможный в ту пору комфорт в дороге и приемлемые условия для жизни и плодотворной работы там, где им выпало провести время эвакуации.

«Научные учреждения эвакуировались в восточные районы страны. Учреждения по физико-математическим и химическим наукам – в Казань, по геологическим наукам – в Свердловск, по биологическим наукам – во Фрунзе, по гуманитарным наукам – в Ташкент и Алма-Ату»[109]. Московский историк И.Н.Ильина добавляет, что «в общей сложности они были размещены в 45 пунктах»[110].

Мне уже случалось говорить и писать: научный ресурс во время войны распределяли, как хлеб по карточкам. В принципе, к тому и стремились, но должен признать: такое суждение все-таки упрощает ситуацию. Дело в том, что не всякую научную дисциплину можно обоснованно привязать к конкретному военному производству. К примеру, математика формирует и развивает универсальный язык науки, но прямого выхода на практику у нее нет. Даже в инженерных расчетах она проявляется через призму инженерных наук. И что может делать профессор математики, например, на танковом или снарядном заводе?

Ну, а к какому производству стоило приблизить, ради технологического рывка, какой-нибудь институт, занимающийся проблемами древних культур или движением небесных тел? Риторический вопрос. А ведь приходилось эвакуировать научные учреждения и такого рода. Их нужно было оградить от опасности и сберечь как национальное достояние; сохранение их как научных коллективов не приближало победу, но было фактором духовного здоровья общества и залогом возвращения к нормальной жизни в послевоенном будущем. Конечно, для их размещения искали не такие места, где можно было наиболее эффективно использовать их интеллектуальный потенциал, а такие, где легче было обеспечить научных сотрудников жильем, создать им приемлемые условия для жизни и работы. Но принимались в расчет и другие обстоятельства, в частности – далеко ли ехать. Когда транспортные магистрали забиты сверх меры, имеет немалое значение, что от Москвы до Казани в два раза ближе, чем до Свердловска, а до Свердловска в два раза ближе, чем до Ташкента. К тому ж еще с двадцатых годов жила молва: «Ташкент – город хлебный».

Поэтому в Ташкент (а также Алма-Ату, Фрунзе, другие среднеазиатские города) «забрасывали», по преимуществу, такие научные учреждения, как институты востоковедения, истории, мировой литературы, истории материальной культуры. (Туда же были отправлены многие учебные заведения, ведущие кинематографисты, литераторы, живописцы, театральные коллективы). По количеству эвакуированных научных учреждений Ташкент превосходил столицу Урала, но там в основном были размещены *беженцы* от войны.

---

[108] Цит. по: *Сафронов А.А.* Конфликт в Академии наук СССР: В.Л.Комаров – О.Ю.Шмидт – И.В.Сталин // Конфликт в Академии наук СССР: В.Л.Комаров – О.Ю.Шмидт – И.В.Сталин (1941–1942) (urfu.ru). С. 128.

[109] Бойцы академического фронта (elementy.ru)

[110] Эвакуированная наука – советские ученые в годы ВОВ в Ташкенте (ia-centr.ru)

Иное дело Казань. «Хлебным» городом столица Татарстана вряд ли была, но сосредоточенная в ней и на тяготеющих к ней территориях оборонная промышленность (авиазавод, оптико-механический завод, выпускавший оснащение для самолетов, подводных лодок и артиллерийских систем – а всего туда было эвакуировано более 200 крупных промышленных предприятий) была в значительной мере наукоемкая. Кроме того, старинный университетский город обладал и бóльшими возможностями размещения научных лабораторий и «штучных» их сотрудников, нежели Свердловск, неимоверно разросшийся на «дрожжах» индустриализации и еще до начала войны испытывавший острый дефицит жилья и производственных площадей. Ну, а что фронт может откатиться до Казани – даже мысли такой никто не допускал. Вот почему именно Казань стала самым крупным центром сосредоточения академических учреждений. «Здесь, – по сведениям академика В.В.Костюка, – обосновались 33 института и около 2000 научных сотрудников, среди которых было 39 академиков и 44 члена-корреспондента АН СССР»[111].

Эвакуация научных учреждений в Казань началась уже в конце июля 1941 года. В числе первых на колеса были погружены сотрудники Математического института имени В.А.Стеклова. В их числе оказался **Лев Семенович Понтрягин** – тогда молодой членкор (ему уже в Казани исполнилось 33 года), а впоследствии – действительный член Академии, всемирно известный математик[112]. Лев Семенович оставил воспоминания, есть в них и рассказ о том, как они ехали в Казань и как жили в эвакуации. Воспоминания писались в конце жизни, которая, безусловно, удалась. Может, по этой причине драматизм событий мемуаристом заметно смягчен. Но не придумал же он внешнюю канву событий! И если судить по этим воспоминаниям, эвакуация привилегированного отряда беженцев в город на Волге выглядела по тем временам даже комфортно.

«Эвакуация московских учреждений в Казань была организована замечательно. Во всяком случае, так было с нами. Мы имели возможность взять с собою в багаж большое количество вещей. Конечно, это была не мебель, а наиболее необходимые вещи, в первую очередь — одежда и другие наиболее необходимые предметы быта. <…>

Мы ехали в купированном мягком вагоне, причем моя семья из трех человек занимала полностью четырехместное купе. Ехать нам было удобно и хорошо. Не помню, чем мы питались, было ли питание организованным или мы ели то, что взяли с собой, – не знаю. Путешествие продолжалось три дня, и мне не хотелось, чтобы оно кончалось… По прибытии в Казань нас сразу отвезли в здание Казанского университета, где в различных его комнатах уже были расставлены кровати. Мы попали в спортивный зал, где стояло несколько десятков кроватей. Через один-два дня к нам пришел кто-то и сказал, что прибыл багаж. Он лежит во дворе, в куче. Мы пошли его забирать. Всё оказалось цело».

Академик Понтрягин с некоторым даже простодушием и не без юмора рассказывает о своей казанской жизни, и в его рассказе внимание акцентируется не на героическом, а на бытовых нелепостях и несообразностях. Однако: *«Было и много хорошего. Прежде всего, я успешно занимался математикой, Жизнь в Казани не была переполнена одними только трудностями и тяжкими переживаниями, но об этом позже. Я гораздо больше общался, чем это было в Москве, с сотрудниками Академии наук, так как все мы жили не очень далеко друг от друга. Общение доставляло, в основном, мне большую радость. Среди лиц, с которыми я часто встречался, были Александров, Колмогоров, Люстерник, Ландау, Лифшиц. Общение со всеми ними было очень интересным и привлекательным для меня.* <…>

В Казани я много и регулярно занимался математикой. Лекций я не читал, заседаний было мало, делать было нечего. Я занимался математикой. Делал это с большим увлечением, стоя в очередях за пищей и за деньгами в банке и в других местах, а также сидя дома. Я даже завел такой порядок, которого раньше в моих занятиях математикой еще не было. Я вставал вовремя, завтракал и после завтрака начинал заниматься математикой до самого обеда. После обеда отдыхал некоторое время и после этого опять продолжал заниматься до вечера.

Если во время занятий кто-нибудь приходил к нам и мне приходилось общаться с ним, у меня было ощущение физической боли, вызванное необходимостью оторваться от занятий, чего я все-таки сделать не мог. Я разговаривал и в то же время продолжал думать. Раньше в Москве я никогда так регулярно и систематически не занимался. В Москве очень часто занимался по ночам, но в Казани этого не было. Темой моих занятий были прежние топологические задачи теории гомотопий».

Эта интенсивная мозговая работа была, безусловно, созвучна общему настроению в стране (о чем Лев Семенович прямо не говорит, но об этом можно догадываться), но она же создала базу для того продвижения в области теории, которое поставит академика Понтрягина в ряд крупнейших математиков XX века.

Эпизоды эвакуации ученых в Казань, сохранившиеся в памяти выдающегося математика, позволяют утверждать, что вице-президент О.Ю.Шмидт орга-

[111] *Костюк В.В.* Ук. соч. С. 977.

[112] Для тех, кто не в курсе: Лев Семенович Понтрягин, сын московского сапожника и портнихи, вследствие несчастного случая в 14 лет полностью ослеп. Но он обладал таким талантом и таким упорством, что окончил среднюю школу, потом МГУ, аспирантуру; в 22 года стал доцентом кафедры алгебры МГУ и сотрудником НИИ математики, в 27 лет ему без защиты была присуждена степень доктора и присвоено звание профессора. В возрасте 31 года он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

низовал эвакуацию ученых на пределе возможностей первых месяцев войны. Они также дают наглядное представление о том, как «страна большевиков» спасала науку и ученых, которые не имели прямого отношения к производству оружия и других средств обороны.

Впрочем, грань между фундаментальными и прикладными областями знания, между учеными, которые могут или не могут работать непосредственно в оборонной тематике, не столь уж очевидна. Интересное рассуждение на эту тему содержалось в выступлении академика **Абрама Федоровича Иоффе** на сессии Академии наук СССР, проходившей 3–5 мая 1942 года в Свердловске: «*Физика оказалась самой дефицитной специальностью в современной войне, настолько дефицитной, что пришлось организовывать специальные курсы для переквалификации химиков в физиков.* <...> *Многие из наших работ проводятся не в лабораториях, где мы раньше сосредотачивали всю свою деятельность, а на заводах, где осуществляются те или иные образцы или применяются наши новые методы, которые должны помочь в обороне нашей страны, а иногда работа наша проводится непосредственно в военных условиях*».

Такая роль физики выявилась не сразу; в первый год войны даже свернули работы по атомному проекту – сочли его в ближайшей перспективе неактуальным. Но уже в 1942 году физиков-атомщиков стали возвращать с фронта. А их коллеги, работавшие в других «неочевидно оборонных» областях, уже в первый период войны предложили целый ряд методов и физических приборов, позволивших решить многие оборонные проблемы: облегчить и многократно ускорить контроль качества боеприпасов, защиту металлических корпусов военно-морских судов от магнитных мин противника, обнаружение вражеских подводных лодок и затонувших кораблей и др. Вот так и превратилась физика в «самую дефицитную» специальность.

Патриарх советской теоретической (но вдруг обнаружившей огромные прикладные возможности) физики академик А.Ф.Иоффе работал в Казани; в Казани работали будущие нобелевские лауреаты академик П.Л.Капица и академик Н.Н.Семенов. Несколько позже других (в январе 1942 года) туда же приехал профессор И.В.Курчатов; в Казани он занимался не атомным проектом (который был временно остановлен), а размагничиванием военных кораблей, за что был удостоен Сталинской премии; через полтора года он будет избран действительным членом Академии, минуя обычную ступень «членкорства». Но это уже при вступлении в должность руководителя атомного проекта.

Так что в Казани вследствие эвакуации сосредоточились самые крупные силы советской науки. Естественно, туда же был эвакуирован и аппарат Президиума Академии наук СССР во главе с двумя вице-президентами Академии – Е.А.Чудаковым и самим организатором эвакуации академических учреждений О.Ю.Шмидтом. И всё сходилось на том, что на время эвакуации Казань станет стольным градом советской науки. Только президента АН СССР В.Л.Комарова в Казани не было, отчего казанскому президиуму недоставало полномочий.

А не было его там по той причине, что вице-президент Шмидт при организации эвакуации допустил (хочется думать, что руководствуясь самыми добрыми намерениями) оплошность, которая усугубила зародившуюся еще в предвоенные годы напряженность в отношениях между ним и В.Л.Комаровым, что повлекло за собой ряд серьезных последствий[113].

[113] Суть этой коллизии достаточно обстоятельно и убедительно раскрыта в упоминавшейся выше статье А.А.Сафронова, на которую я, главным образом, и опираюсь, пытаясь разобраться в одной из самых загадочных коллизий эвакуации научных учреждений. Несколько позже назову и другие публикации.

Разлад в Академии наук

Имея характер, закаленный в экстремальных условиях высокогорных и высокоширотных экспедиций, организатор, мыслящий рационально, академик О.Ю.Шмидт, безусловно, задумал благое дело, распорядившись отправить группу пожилых и слабых здоровьем академиков в эвакуацию не туда, где их дух и тело подвергнутся опасным перегрузкам военного времени, а в казахстанское Боровое. Боровое, если читатель не в курсе, – это «казахстанская Швейцария», круглогодичный курорт в поистине райском природном уголке; до войны эта здравница использовалась как база отдыха Академии наук СССР. Конечно, страна имела возможность сберегать на курорте в столь трудное время лишь совсем немногих и самых заслуженных своих граждан, так что компания для отправки в Боровое получилась просто невероятная: что ни имя, то – легенда. Тогда все советские люди знали эти имена по школьным учебникам, а нынешнему читателю, возможно, придется в некоторых случаях заглянуть за справкой в Интернет: Н.Д.Зелинский, А.Н.Крылов, А.Е.Фаворский, В.И.Вернадский, А.П.Бах, В.А.Обручев, С.Н.Чаплыгин.

Так вот, в этот замечательный список О.Ю.Шмидт включил и В.Л.Комарова.

Имя академика **Владимира Леонтьевича Комарова** (1869–1945) сегодня, увы, не на слуху. Его, конечно, в свое время «увековечивали», но когда, к примеру, звучит советский шлягер 1980-х годов «На недельку до второго я уеду в Комарово», десять из десяти слушателей не знают и предположить не могут, что знаменитый дачный поселок на берегу Финского залива, основанный в самом начале XX века, до 1948 года назывался финским словом Келломяки («Колокольная гора»), а потом был переименован в честь «любимого ученого нашей страны» (как отозвалась о В.Л.Комарове Мариэтта Шагинян). На народную память о

замечательном ученом негативно повлияли мифы, рожденные на волне антисталинизма, – как утверждают нынешние биографы академика, совершенно безосновательные[114]. Разбираться в этих мифах я здесь не буду, сосредоточив внимание на том, что, безусловно, сделал этот выдающийся ученый и организатор науки для нашей страны, для Победы 1945 года.

Научная специальность В.Л.Комарова была самая мирная: ботаник, флорист-систематик. Однако трудами в этой области он завоевал международное признание в профессиональных кругах еще на грани XIX и XX веков: его трехтомный труд «Флора Манчжурии», созданный в 1895–1897 годах и изданный в 1909-м, был переведен на многие языки, удостоен ряда высоких российских и зарубежных научных наград и сохранил научное значение до сих пор. В этой работе молодого тогда ученого систематизирован материал, собранный во время трехлетней экспедиции по Манчжурии и Корее.

Надо отметить, что по личному участию в экспедициях В.Л.Комаров, пожалуй, не уступал О.Ю.Шмидту, только пути его пролегали в других краях и широтах – на Дальнем Востоке (включая и Камчатку), в Средней Азии, в Саянах, на Кольском полуострове, на русском Севере; они не имели столь громкого общественного резонанса, но для науки ценность добытого в них материала была очевидной, и еще в 1914 году русский ботаник, завоевавший международный авторитет, был избран членом-корреспондентом, а в 1920-м – действительным членом Российской академии наук. А в 1930-м его избрали вице-президентом АН СССР; президентом Академии был в те годы «отец российской геологии» академик А.П.Карпинский. Когда 89-летний Карпинский умер в 1936 году, научное сообщество не видело в качестве его преемника никого другого, кроме как В.Л.Комарова. Владимир Леонтьевич тоже был немолод (ему в тот момент шел уже 67-й год), но ведь все равно сильно моложе ушедшего президента. К тому ж имел он высокий научный авторитет и прекрасные организаторские способности, умел выстраивать отношения с людьми (что в ученой среде имело особую ценность): интеллигентный и даже мягкий в общении, он мог, когда обстоятельства того требовали, быть жестким и даже, выражаясь по-нынешнему, «крутым». На посту президента Академии он много сделал для того, чтобы главная научная организации с максимальной эффективностью способствовала промышленно-экономическому и социально-культурному развитию СССР: инициировал распространение сети академических учреждений (филиалов, лабораторий, научных баз) на всей территории страны, помогал выстраивать деловые отношения между научными организациями и народнохозяйственными ведомствами.

Но возраст брал свое: болезни нередко нарушали его рабочий ритм, случалось даже, что текущие вопросы работы Академии приходилось ему решать, пребывая на больничной койке. А 5 августа 1939 года перенес он даже инсульт. Но был Владимир Леонтьевич силен духом и штурвал своей «галеры» крепко держал в руках. Между прочим, именно это обстоятельство породило миф, будто бы Комаров принадлежал к числу тех геронтократов, которые, дорвавшись до власти, нипочем не желают выпустить ее из рук. Биографы Комарова академик В.В.Богатов и доктор культурологии И.А.Урмина объясняют его «властолюбие» иначе: самыми вероятными его преемниками (по благоволению руководства страны) в конце 1930-х годов были либо Т.Д.Лысенко, либо А.Я.Вышинский. И то, и другое, по мнению Комарова, было бы катастрофой для отечественной науки, и единственный способ избежать этого исхода он видел (что отразилось и в его приватных письмах, на которые ссылаются биографы) в том, чтобы удержаться на этой должности самому; благо Сталин ему покровительствовал. А порядок на «судне», движущемся к ясно осознанной цели, помогали поддерживать крепкие телом и духом сподвижники, набираясь при этом опыта. Главным и чрезвычайно деятельным в ряду сподвижников пожилого президента стал О.Ю.Шмидт, избранный в 1939 году вице-президентом; он был моложе В.Л.Комарова примерно на столько же лет, насколько сам Комаров был моложе А.П.Карпинского, когда занял в 1930 году пост вице-президента. Тандем «старый и больной Комаров – и надежный Шмидт» Сталина вполне устраивал.

И вот разразилась война, возникла необходимость в эвакуации научных учреждений и всего хозяйства Академии. Это примерно, как выносить вещи из горящего дома: В.Л.Комарову руководить такой работой было бы непосильно, и она вполне резонно была поручена вице-президенту О.Ю.Шмидту.

Шмидт все сделал, как говорится, по уму: нашел и «хлебный» Ташкент, и гостеприимную Казань, и для Е.О.Патона с его лабораторией определил место, где тот принесет больше пользы воюющей стране, нежели оставался бы в Киеве, пусть даже тот город не был бы оккупирован. И, конечно, в этот ряд продуманных и хорошо организованных решений нужно поставить сбережение самых прославленных, но уже очень пожилых академиков на казахстанском курорте. Причем включение в список «почетных беженцев-курортников» В.Л.Комарова выглядело вполне резонным: хоть тому и шел «всего» 72-й год, а коллегам, направляемым в Боровое, было уже под 80, а то и за 80, здоровье его вызывало большое беспокойство.

И все-таки нельзя не признать, что Шмидт допустил оплошность, не обговорив предварительно это решение с самим Комаровым. Как бы он ни был перегружен хлопотами, обязан был выкроить полчаса, чтобы с ним поговорить. Но он

[114] См.: *Богатов В.В., Урмина И.А.* Академик Комаров и его время. – Владивосток: Дальнаука, 2020. Достаточно убедительно точка зрения авторов этой книги представлена и в ряде их публикаций в Интернете.

этого не сделал, видимо, рассудив, что ситуация очевидна, а время не располагает к «цирлих-манирлих». Получилось, что подчиненный решил судьбу своего начальника, не интересуясь его мнением. И как бы вы на месте Комарова отреагировали на такое к себе отношение?

Ситуация, между тем, подогревалась прецедентами. Отто Юльевич еще в предвоенные годы не раз пренебрегал субординацией: когда президента не оказывалось на месте (находился в отъезде или в больнице), вице-президент по своему разумению решал за него те или иные вопросы (пусть не самые принципиальные). Мало того, когда Комаров после того появлялся, Шмидт не считал нужным докладывать ему об этом самовольстве. Узнавая о таких решениях случайно, Владимир Леонтьевич обижался, но Шмидт не придавал тому значения: мол, стариковские чудачества.

Но то были мелочи, а в случае с «высылкой» в Боровое Комарову увиделась попытка, воспользовавшись благим поводом, устранить от дел президента Академии наук и самочинно присвоить его функции. Так наметился нешуточный конфликт. Нынешние биографы В.В.Богатов и И.А.Урмина по какой-то причине конфликтом эту коллизию признавать не хотят: так, мелкое недоразумение. Они ссылаются при этом на деловые письма, которые Шмидт посылал Комарову: ну да, вежливо, уважительно. Но ведь были еще и поступки.

Владимир Леонтьевич ехать в Боровое не захотел, но не захотел и в Казань, чтобы оказаться там вторым лицом при своем подчиненном. Высказал желание остаться в Москве, однако в правительстве ему строго указали: были решение ЦК и решение президиума Академии; нельзя вносить дезорганизацию, нужно подчиниться и все-таки поехать в Боровое.

Между прочим, тоже ведь проявили заботу о «народном достоянии».

И Комаров поехал в Боровое. Но не доехал! Примерно в середине пути (а путь в той обстановке измерялся не столько километрами, сколько сутками, проведенными на вагонной полке) он сделал остановку в Свердловске. Этот факт отражен во всех источниках, касающихся темы эвакуации Академии наук, но, кажется, никто не пытался толком объяснить, чем была вызвана (по крайней мере, мотивирована) эта остановка. Может, старый человек просто хотел отдохнуть от утомительной дороги и набраться сил для продолжения пути, но не исключено, что он еще не свыкся с мыслью, что дела Академии не должны его больше волновать, и хотел «хозяйским оком» взглянуть на то, как в уральском тылу налаживается работа эвакуированных институтов и как они взаимодействуют с местными научными организациями ради общей цели – победы над врагом. Так или иначе, просто беженцем он себя не чувствовал.

Не как беженца приняли его в Свердловске и партийные власти. В источниках не говорится, знали они о интригах О.Ю.Шмидта или не знали, а может, просто не пожелали знать, а только неожиданный визит его в Свердловск они восприняли как нечаянный подарок судьбы. Дело в том, что промышленность Урала уже активно перестраивалась на военный лад; производство сложных видов вооружения требовало освоения наукоемких технологий, о значении интеллектуального ресурса здесь судили не понаслышке – и тут вдруг «в открытом доступе» в городе появляется главный организатор всесоюзного научного процесса! Естественно, В.Л.Комарова не только «окружили теплом и заботой», но и приставили к высокому гостю на время его визита чрезвычайно информированного и почти всемогущего (в смысле куда-то попасть или что-то узнать из первых рук) в тех условиях «гида» – секретаря обкома И.С.Пустовалова.

Иван Степанович Пустовалов (1908–1987), как и большинство партийных и советских руководителей области той поры, был молод: в 1941 году ему исполнилось только 33 года. У него была очень советская биография, и был он деятелен, неплохо по тому времени и разносторонне образован и, что в данном случае было особенно важно, допущен к военным и государственным секретам.

Детство и юность Пустовалова пришлись на переломное время, и жизнь его, как говорится, помотала: поработал и батраком, и слесарем, и комсомольским функционером с разными полномочиями. Потом окончил Институт красной профессуры в Москве, аспиранту-ру, успешно защитил кандидатскую диссертацию по экономике, после чего был назначен заведовать кафедрой в Уральском индустриальном институте. Однако вузовский период его карьеры длился недолго, ибо молодой ученый призван был на партийную работу: сначала возглавлял отдел пропаганды Свердловского обкома, партийную газету «Уральский рабочий», а в июле 1941 года, незадолго до приезда в город В.Л.Комарова, стал секретарем по пропаганде Свердловского обкома ВКП(б). Замечу к слову: этим назначением лишний раз подтвердилось, что пропаганде в то время придавалось значение не меньшее, чем производству оружия, и на роль пропагандистов старались выдвигать людей компетентных и ответственных. Иван Степанович сполна отвечал этим критериям, о чем можно судить хотя бы по тому факту, что в послевоенное время он был рекрутирован на ответственные должности в Москве: заведовал отделом в газете «Правда», был главным редактором газеты «Советская Россия», занимался наукой в Институте экономики АН СССР.

Даже беглый обзор биографии партийного куратора, заботам которого был препоручен пожилой и больной президент Академии наук, позволяет сделать вывод, что и для Комарова такой «гид» был подарком судьбы. Ему представилась счастливая возможность получить информацию о положении интересующих его дел не просто полную, но и, скажем так,

заостренную на главных научно-организационных проблемах. И то, что он увидел, побудило его к серьезным размышлениям.

Эвакуация научных учреждений в Свердловск ко времени визита В.Л.Комарова еще только начиналась, но уже было очевидно, что проходит она по существенно иному сценарию, нежели в Среднюю Азию или в Казань. Столица Урала уж точно не была «хлебным» городом, при том что, как уже сказано выше, бурно растущий центр огромного промышленного региона был сверх меры перенаселен еще до войны. А с началом войны его и вовсе захлестнули потоки эшелонов с оборудованием и работниками промышленных гигантов из «угрожаемых» районов. Чтобы расселить абсолютно необходимых оборонным заводам Урала беженцев, не только до физического предела «уплотнили» местных жителей, но и заполнили подвалы, чердаки, кладовки, а людей «сомнительного» социального происхождения или «подозрительных» национальностей даже в массовом порядке выселяли из города. Казалось, втиснуть кого-то еще в этот «человейник» не позволяют законы природы.

Тем не менее некоторые научные учреждения эвакуировали и в Свердловск. В первую очередь, естественно, институты и лаборатории, родственные тем, что были созданы здесь еще в довоенную пору (металлургического, геологического, геофизического профиля), ибо подселить беженцев к родственным организациям было проще, нежели искать для них новые места. Тот же принцип, что и в оборонно-промышленной сфере. Но, как говорится, «фишка» была в другом: «коренные» научные учреждения Урала – и академические (УФАН), и отраслевые – создавались в годы индустриализации, как правило, затем, чтобы обеспечить научную поддержку развивающейся промышленности. А промышленность уральская в значительной мере прямо или косвенно была связана с «оборонкой». Насколько эта связь была органичной и существенной, можно судить хотя бы по тому факту, что уже в начальный период войны в столицу Урала были эвакуированы наркоматы танковой промышленности, черной и цветной металлургии – чтобы руководить главными подведомственными предприятиями не «дистанционно», а, фигурально выражаясь, «из окопов на передовой». Вот почему в Свердловске сложилась, по сути, модельная ситуация, позволявшая наглядно увидеть, что и каким образом может сделать наука для обороны страны.

Ботаник В.Л.Комаров с научной подоплекой оборонных производств был знаком не очень тесно; однако аналитический ум и богатый опыт систематизации научных фактов позволили ему увидеть в открывшейся картине даже больше того, что хотел ему показать хорошо информированный партийный «гид». Он увидел возможность сделать участие науки в повышении оборонной мощи страны гораздо более системным и эффективным! Но чтобы реализовать эту возможность, нужно было не провозгласить «правильный» лозунг, а разработать программу конкретных действий. Создание такой программы требовало не только масштабного мышления, но и детального знания возможностей всех структурных подразделений Академии наук СССР. Всё сходилось на том, что организовать и возглавить работу над такой программой должен он сам – президент Академии наук. А раз так, то эвакуироваться на курорт было совсем не время.

И по истечении трех дней пребывания в Свердловске Владимир Леонтьевич сказал сопровождающим: «Я принял решение остаться на Урале. Это обдуманное решение и менять его я не буду»[115].

Решил остаться в Свердловске и 78-летний академик В.А.Обручев, ехавший вместе с Комаровым в Боровое и вместе с ним же сделавший остановку. Многоопытный геолог и географ оказался тогда рядом с В.Л.Комаровым очень кстати, поскольку идея, которая родилась у президента Академии наук при осмыслении первых результатов эвакуации научных учреждений на Урал, для своей реализации как раз и требовала геологических и географических познаний. Однако характер и притягательность этой идеи были таковы, что и другие научные светила скоро ее оценили; число сподвижников В.Л.Комарова быстро росло.

В чем же заключалась эта идея? Суть ее несколько шаблонно, зато предельно коротко и точно выразил И.С.Пустовалов заголовком своих коротких воспоминаний, опубликованных в преддверии 50-летия Победы: «В едином строю». В самом тексте воспоминаний говорится конкретнее – о «союзе работников производства, науки и техники в деле обороны страны»[116]. Но и это неполная расшифровка: обязательно надо подчеркнуть, что и производство, и наука, и техника состоят из множества подразделений, которым для достижения общей цели тоже нужно работать в тесном взаимодействии друг с другом – именно что «в едином строю». А строй этот сам собою не родится – его нужно организовать, и поэтому в составе «союза» должны быть названы и органы власти, и творческие организации, и широкая общественность. Все это вместе можно объединить формулой даже более короткой, чем у Пустовалова, и отвечающей коренной народной традиции: бить врага нужно *всем миром*.

Идея, бесспорно, воодушевляющая, но, как видите, совсем не новая; так чем же привлек единомышленников и сподвижников В.Л.Комаров? Исключительно тем, я думаю, что на основе органичного для народного сознания нравственного императива он предложил разработать подробную программу действий и организовать систему ее практической реализации. Именно такую концепцию президент Академии

[115] Цит. по: *Сафронов А.А.* Ук. соч. С. 131.

[116] *Пустовалов И.С.* В едином строю. // Урал. 1985, № 3. С. 133.

наук в самом начале августа 1941 года предложил правительству и получил полное одобрение и разрешение остаться в Свердловске, чтобы незамедлительно приступить к ее реализации. Эта работа и стала основным смыслом пребывания сначала президента, а впоследствии и президиума Академии наук СССР в Свердловске; она стала первопричиной и того, что центр научной жизни страны сначала фактически, а потом и формально переместился из Казани в Свердловск.

Комиссия Комарова

«Автору этих строк памятна дата 29 августа 1941 года, – начинает свои воспоминания И.С.Пустовалов. – В этот день в Свердловске, в одном из залов Дома Красной Армии, состоялось заседание группы выдающихся ученых нашей страны с участием партийных организаций и промышленных министерств[117]. Это заседание знаменательно тем, что оно стало первым (организационным) заседанием Комиссии Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны страны. Инициатором создания Комиссии и ее бессменным руководителем был президент АН СССР В.Л.Комаров»[118].

Примерно месяц ушел на подготовку этого заседания – срок совсем небольшой, если учесть, что собрать нужно было «штучных» людей: академиков, крупных руководителей – людей, скажем так, непраздных. С каждым Владимиру Леонтьевичу нужно было переговорить лично, наверно, и не по одному разу; каждому объяснить отнюдь не тривиальную идею и каждого убедить в ее осуществимости. Мало того: собирались ведь не для обмена мнениями, а для принятия конкретных решений, в том числе и для распределения обязанностей, – все это надо было продумать и обговорить заранее. Всего в тот день собралось, по сведениям А.А.Сафронова, 39 человек, но они ответственно представляли все основные силы, которые должны были объединиться «в едином строю». В.Л.Комаров сделал доклад, его обсудили и приняли очень короткую резолюцию: инициативу президента Академии наук в организации Комиссии по мобилизации естественных ресурсов Урала для нужд обороны всемерно поддержать; установить основные направления работы комиссии в области черной и цветной металлургии, нерудных ископаемых, энергетики, транспорта и сельского хозяйства; создать группы исполнителей по направлениям и разработать план их деятельности к 10 сентября[119].

10 сентября была в основном завершена организационная стадия: определена структура Комиссии, назначены ее руководители и исполнители, «дана отмашка» к началу работы.

В ноябре Комиссия подготовила доклад правительству «О мобилизации ресурсов Урала»[120]. Этот документ, не столь уж объемный, если принять во внимание масштабность отраженного в нем объекта, – чуть больше 200 страниц машинописи, – впечатляет своей дотошностью. В его десяти разделах с исчерпывающей полнотой отражено реальное положение дел на тот момент в черной и цветной металлургии Урала, в лесохимии, энергетике, в железнодорожном транспорте, водном хозяйстве, сельскохозяйственном производстве и т. д. Достоверность систематизированных в каждом разделе данных удостоверялась именами разработчиков каждого раздела: во всех случаях это были самые компетентные специалисты в своей области, по большей части академики или ведущие профессора. Исходным пунктом всего расклада явились «естественные» (природные) ресурсы Урала. Вот, дескать, богатства, которыми мы реально располагаем: рудные запасы – уже разрабатываемые и только еще разведанные, но их можно начинать осваивать, если в том будет нужда; нерудные ископаемые – например, сырье для изготовления огнеупоров; топливные, водные, лесные ресурсы. И вот перерабатывающие предприятия – коренные уральские и добавившиеся к ним эвакуированные. Практически всё необходимое у нас есть. (Представьте, как обнадеживающе звучал этот вывод в то время, когда криворожские железные руды, донецкие угли, никопольские марганцы, тихвинские бокситы остались на оккупированных территориях!) Надо лишь этими ресурсами по-хозяйски распорядиться: что-то извлечь из природных кладовых, переработать, одно с другим сочетать, а недостающее изыскать или построить. Где знаний и опыта недостает – наука может и готова помочь.

Представить этот доклад в «инстанциях» Комаров поручил И.П.Бардину – председателю Уральского филиала Академии наук и заместителю председателя Комиссии. Бардин представил его президиуму Академии в Казани, В.М.Молотову в Куйбышеве (где находилось в эвакуации правительство), Н.М.Швернику (как председателю Совета по эвакуации), а потом и Сталину в Москве. Везде доклад получил самую высокую оценку. Молотов прислал в Свердловск одобрительную телеграмму, а Сталин принял Бардина у себя в Кремле для делового разговора. Работе Комиссии Комарова – так ее для краткости (и по справедливости) стали называть – дали добро на самом высоком уровне.

Любопытно отметить, что партийный «гид» И.С.Пустовалов, приставленный обкомом партии к президенту Академии на короткое время остановки того в Свердловске по пути в Боровое, обнаружил такое знание всего комплекса связей, значимых для организации работы на оборону «всем миром», и такое умение выстраивать контакты между нужными для общего дела людьми, что В.Л.Комаров счел необходимым включить его

[117] Конечно, наркоматов, но корректоры, увы, не заметили извинительной оплошности мемуариста.
[118] *Пустовалов И.С.* Ук. соч. С. 131–132.
[119] См.: *Сафронов А.А.* Ук. соч. С. 132.
[120] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 159.

в организационное ядро Комиссии. И, пожалуй, не было среди ближайших сподвижников президента Академии в те месяцы человека, который поспособствовал бы успеху дела больше, нежели этот партийный куратор. Зная деятельность Комиссии изнутри, Иван Степанович писал полвека спустя в своих воспоминаниях, что она «была тесно связана с широкими массами ученых и специалистов. Она отнюдь не подменяла, а лишь объединяла и координировала деятельность многих научных учреждений, направляя усилия их коллективов к совместному и наиболее успешному разрешению в кратчайшие сроки самых неотложных проблем военного времени»[121].

Со своей стороны добавлю, что принципы согласованности и сбалансированности, положенные в основу работы Комиссии Комарова, напоминают об изначальном замысле наших народнохозяйственных пятилетних планов, но уже в годы первой пятилетки те намерения были смяты и отброшены большевистским «давай-давай!», что в определенной мере поднимало энтузиазм (стахановское движение, ордена, почетные звания), но привело к дезорганизации и дискредитации нашу плановую систему. Не решусь утверждать, что при работе Комиссии Комарова разумные принципы неукоснительно соблюдались, но тут, по крайней мере, именно они, а не «проценты» или «штуки», были показателями успешной деятельности «в едином строю».

Что касается успехов – те из них, что напрямую связаны с работой Комиссии, трудно вычленить из совокупности всех факторов, влияющих на производство. Но И.С.Пустовалов пытается это сделать, и к нему стоит прислушаться. Иван Степанович отталкивается от того факта, что «в восточных районах страны всего лишь за три года (в 1944 году по сравнению с 1940-м) производство металла возросло в полтора раза: по чугуну – на 46 процентов, по стали – на 44 процента, по прокату – на 42 процента». Но чтобы добиться этих результатов, «ученым потребовалось необычайно быстрыми темпами изыскивать возможности расширения сырьевой базы черной и цветной металлургии, наилучшие способы обогащения руд и их технического использования, ускорения работ по наращиванию мощностей электростанций и созданию новых угольных шахт и разрезов...»[122]. Прерываю цитату, ибо дальше идет описание зависимостей одних факторов производства от других; немногие читатели, которым эти подробности интересны сами по себе, легко найдут их в первоисточнике. Я же только констатирую, опираясь на свидетельство одного из самых осведомленных участников событий, что помощь со стороны ученых достаточно хорошо ощущалась уральской промышленностью, работавшей на оборону; весьма эффективная работа «в едином строю» промышленных и научных организаций поспособствовала превращению Урала в «опорный край державы» (таковым до войны он все-таки не был).

Деятельность Комиссии Комарова многим ученым помогла осознать свою роль в «народной войне», придала их работе конкретный смысл. И.С.Пустовалов отмечает, что в поле притяжения Комиссии оказались даже гуманитарии, которые формально находились вне сферы ее компетенции. С другой стороны, в нее естественным образом вливались, становились ее членами ученые, приехавшие на Урал уже поле того, как Комиссия была сформирована и приступила к работе, – например, упоминавшийся выше В.Н.Образцов. Ибо, несмотря на все сложности с размещением, эвакуация научных учреждений в столицу Урала продолжилась: в них нуждались! По данным екатеринбургского историка А.В.Сперанского, уже в июле-августе 1941 года в столицу Урала начали прибывать академические и отраслевые научно-исследовательские институты разного профиля; еще «к концу 1941 года в Свердловске были размещены и благоустроены более 240 научных сотрудников АН СССР, в том числе 35 академиков и членов-корреспондентов», а «к концу 1942 года в Свердловске находилось 15 учреждений АН СССР»[123]. Свердловский научный кластер работал на оборону наиболее эффективно из всех подразделений Академии.

Работа Комиссии Комарова, казалось, устранила сам повод к разногласиям в руководстве Академии наук: президент развернул работу президентского масштаба и первостепенного значения для страны; вице-президент продолжил заниматься текущими организационными делами. Между прочим, О.Ю.Шмидт был даже утвержден членом Комиссии.

Но тут случился новый казус. Под руководством Шмидта был разработан план деятельности учреждений Академии наук на первое полугодие 1942 года. В общем-то серьезный план; он обсуждался на расширенном заседании президиума в Казани, там же – на нескольких представительных партийно-хозяйственных собраниях, и в целом получил одобрение. Однако в ходе обсуждений уже на этом уровне выяснились и его слабые стороны. Если не погружаться в детали – цели в нем были намечены верно, а способы их достижения не продуманы: какие нужны технологические прорывы, достаточно ли сырья и т. п. План Шмидта также не был проработан с оборонными наркоматами, не учитывал требований Госплана и вообще, как определили на предварительных обсуждениях уже в Москве, «план создавался в спешке, без должного обоснования и потому был оторван от жизни. Это скорее не государственный документ, а кабинетный»[124]. У высоких должностных лиц, с которыми Шмидт обсуждал свой план перед представлением его в Совнаркоме, вызвало удивление то обсто-

[121] *Пустовалов И.С.* Ук. соч. С.132.

[122] Там же. С. 133.

[123] *Сперанский А.В.* На войне как на войне... Свердловская область в 1941–1945 гг. — Екатеринбург: Изд-во «Сократ», 2015. С. 167–168.

[124] *Сафронов А.А.* Ук. соч. С. 135.

ятельство, что все, чего не хватает в плане Шмидта, раньше было тщательно проработано в предложениях Комиссии Комарова. Недоумевали: как же Комаров согласился с тем, что его предложения не учтены? И тут выяснилось, что вице-президент представляет правительству план работы Академии, даже не ознакомив с ним президента!

Разгорелся скандал, конец которому положил И.В.Сталин. Председатель Совнаркома и ГКО 24 марта послал телеграмму в адрес президента Академии наук В.Л.Комарова, копия – вице-президенту О.Ю.Шмидту. Прежде чем обратиться к содержанию телеграммы, оцените ситуацию: уже половина первого полугодия прошла, а обсуждается план именно на полугодие, и он не только все еще не принят, но и вызывает много вопросов. Вот почему тон телеграммы Сталина очень резок, в ней без дипломатических экивоков говорится, что «со стороны Вице-Президента О.Ю.Шмидта была сделана нелояльная попытка игнорирования и фактического отстранения Президента от руководства Академией наук. Совнарком считает такое положение нетерпимым, а поведение О.Ю.Шмидта – дезорганизующим работу Академии. Ввиду изложенных обстоятельств Совет Народных Комиссаров СССР решил отстранить О.Ю.Шмидта от обязанностей вице-президента и исключить его из состава Президиума Академии наук»[125]. Для Шмидта эта отповедь явилась отрезвляющим душем: он-то чувствовал себя – и не без оснований – фаворитом вождя. Отто Юльевич тут же написал Сталину покаянное письмо, попытался объясниться, но логику защиты выбрал неудачную: по привычке сослался на слабое здоровье Комарова – а тот вон какие дела провернул за короткое время!

В общем, О.Ю.Шмидт вынужден был уйти в тень, а Комиссия Комарова стала главным штабом помощи науки военно-промышленному комплексу (ядро которого к этому времени сформировалось на Урале). Уникальная по замыслу и эффективная по результатам работа Комиссии была выдвинута на соискание Сталинской премии. Свердловский обком партии это выдвижение поддержал, в связи с чем И.С.Пустовалов – давно уже не «гид», а верный «оруженосец» президента Академии наук, хотя и продолжал работать секретарем обкома, – написал обстоятельное письмо Г.Ф.Александрову, начальнику Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), будущему академику. Проинформировав своего непосредственного московского шефа о том, как Комиссия создавалась, как ее идею поддержали Молотов, Шверник, а потом и Сталин, Пустовалов «со своей стороны поддержал это ходатайство, считая выполненную работу образцом экономического научного исследования, помогающего обороне». Но он счел необходимым проинформировать московского куратора также и о том, кто из ученых внес наибольший вклад в работу Комиссии, а кто, напротив, так или иначе мешал ее работе. Активно выступал против нее, в частности, академик В.Н.Никитин (в то время – уполномоченный президиума АН в Москве). «Еще более отрицательную роль играл акад. А.Е.Ферсман. Приезжая по поручению О.Ю.Шмидта в Свердловск, он собирал у себя геологов и распространял направленные против В.Л.Комарова измышления. Он прямо угрожал ("Шмидт вас сгноит в тюрьме") помощникам В.Л.Комарова, требуя, чтобы они уговорили Президента прекратить работу на Урале и уехать в Боровое. От него исходили в отношении В.Л.Комарова недостойные и по существу клеветнические "шутки" вплоть до прозвища "живые мощи". <...> Мне кажется, что сейчас после телеграммы товарища Сталина всем этим фактам нужно придавать значение, и я во всяком случае счел себя обязанным информировать Вас»[126].

Сталинская премия первой степени была присуждена Комиссии Комарова постановлением СНК СССР от 10 апреля 1942 года. Материальный ее эффект был не очень весом (размер премии был 200 тыс. рублей, но эта сумма делилась на всех членов отмеченной ею команды, а их там оказалось 19 человек[127]); гораздо большими были моральные, а затем и организационные последствия ее присуждения. 13 апреля по поводу этого события в Свердловске состоялось собрание интеллигенции – своего рода митинг, смысл которого заключался в том, чтобы сообщить «граду и миру» о том, как высоко оценило правительство деятельность научного сообщества, сосредоточенного в городе. Где-то в те же дни (возможно, чуть раньше) деятельность Комиссии была распространена на другие территории огромного советского тыла, где развернулась работа по обеспечению фронта вооружением и боеприпасами, и она была переименована в Комиссию по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны.

Дальнейшее развитие тема Комиссии Комарова получила на общем собрании Академии наук СССР, которое прошло – теперь уже безальтернативно в Свердловске – с 3 по 8 мая 1942 года. Собрание приняло Комиссию, с ее расширенной сферой компетенции, под свою юрисдикцию, обновило ее состав. Кроме того, оно реорганизовало структуру руководства (в новое правление Шмидт и его ближайшие сподвижники не вошли, а число вице-президентов, для повышения оперативности выполнения решений, увеличили с двух до шести) и приняло решение о переводе президиума Академии наук СССР вместе с его аппаратом из Казани в Свердловск (чем вопрос о расколе руководства Академии был окончательно снят). Решение сделать, хотя бы на время эвакуации, Свердловск центром советской науки было с

[125] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 159. С. 227.

[126] Там же. С. 231–232.

[127] К слову, тем же постановлением Сталинская премия первой степени была присуждена и А.Е.Ферсману за труд «Полезные ископаемые Кольского полуострова»; премиальную сумму ему не пришлось с кем-то делить.

энтузиазмом поддержано обкомом партии, хотя оно влекло за собой огромные хлопоты с размещением и президиума, и его персонала, и неминуемого притока новых эвакуированных научных организаций.

Разместили президиум Академии наук СССР в двухэтажном особняке по адресу: Почтовый переулок, 7. Этот дом существует и сейчас, но за минувшие десятилетия он сильно перестроен: теперь он четырехэтажный, к нему пристроено восточное крыло, примерно равное по объему основной части здания. До недавнего времени здание по-прежнему принадлежало Академии наук, и размещалось в нем одно из «самых уральских» научных учреждений – Институт геологии и геохимии имени академика А.Н.Заварицкого. (Сейчас институт переехал в новое, специально для него построенное здание в Академическом районе Екатеринбурга, а историческое здание в центре города переоборудовано для элитного жилья).

Между прочим, **Александр Николаевич Заварицкий** (1884–1952), основоположник петрохимии, крупнейший знаток геологии Урала, в годы войны в Свердловске не жил, но принял самое деятельное участие в перестройке уральской геологической науки для нужд обороны. Его теоретические разработки, методы и непосредственная помощь позволили ученым института в годы войны найти и разведать ряд колчеданных и иных очень важных для военной промышленности рудных месторождений. За открытия военных лет академик Заварицкий дважды – в 1943 и 1946 году – был удостоен Сталинских премий.

Пребывание Президиума Академии наук в Свердловске долго держалось в тайне; в папке архивных документов первых послевоенных лет, которыми располагало руководство института геологии, этот факт даже не был отражен. В них приводилась детальная хронология всего, что помещалось и происходило в этом доме, с начала 1930-х годов до мая 1942-го, а потом с осени 1943-го и далее. Год выпадает – но это и есть тот год, когда в здании помещалась организация особой стратегической важности – Президиум Академии наук СССР.

И в самом здании, когда в нем помещался институт геологии, о давнишнем пребывании штаба советской науки практически ничто не напоминало. Однако стараниями академика Виктора Алексеевича Коротеева, который четверть века возглавлял институт имени А.Н.Заварицкого, было отыскано и сохранено раритетное кресло – старенькое, обитое выцветшей и потертой тканью, не очень удобное, но в нем сидел президент Академии наук СССР В.Л.Комаров, работая в своем служебном кабинете, расположенном в этом здании.

Интенсивная работа президиума АН СССР в Свердловске – особая тема, выходящая уже за рамки тематики этой книги. Отмечу лишь одно наиболее резонансное событие. С 15 по 18 ноября 1942 года в Свердловске состоялась сессия Академии наук, посвященная 25-й годовщине Октябрьской революции. Вступительный доклад на ней сделал академик В.Л.Комаров, который, по свидетельству одного из участников сессии, выглядел ужасно (из-за болезни), но говорил хорошо. Юбилей обычно – повод к подведению итогов, но кто ж станет в условиях войны афишировать научные разработки, позволившие значительно укрепить обороноспособность страны? Хотя в этом плане достижения Академии выглядели бы особенно впечатляющими. Но в силу обстоятельств сессии был придан гуманитарный уклон. С подходящими по теме докладами выступили гуманитарные светила тех лет (авторитет которых впоследствии, увы, сильно поубавился): академик М.Б.Митин, будущий академик Г.Ф.Александров, «главный безбожник» Е.М.Ярославский (между прочим, тоже академик), а также писатель-академик А.Н.Толстой. На заседаниях отделений подвели итоги развития археологии, востоковедения, истории Советского государства, изучения истории русского языка, советской литературы. отечественной науки за советский период. И самый, пожалуй, духоподъемный итог сессии заключался в том, что структура Академии выдерживает испытание войной. Мне кажется, уже очевидным было и другое: страна выдерживает испытание войной во многом благодаря эффективному использованию интеллектуального ресурса Академии. А ресурс этот использовался эффективно, потому что наука, производство и власть были объединены в единой системе действий всем миром, организованной академиком В.Л.Комаровым.

А в марте 1943 года началась реэвакуация академических научных учреждений в Москву. Завершилась она лишь к концу того же года, однако процесс перехода страны от обороны к наступлению уже был необратим. И 15 сентября в Свердловске прошло заседание Комиссии Комарова, которое ее участниками осознавалось как заключительное – таковым оно и оказалось. И в том же сентябре было проведено очередное общее собрание Академии наук – уже в Москве. Жизнь возвращалась в привычное русло.

Однако война еще продолжалась, и в обстановке военного перенапряжения встретил президент АН СССР В.Л.Комаров свое 75-летие. Юбилеем как поводом воспользовалось руководство страны, чтобы воздать должное выдающемуся ученому. 13 октября 1944 года ему присвоили звание Героя Социалистического Труда, отметив в постановлении Президиума Верховного Совета и его выдающиеся заслуги в области ботаники, и выдающуюся роль в организации работы советских научных учреждений на оборону страны. В том же октябре состоялась очередная сессия Академии наук СССР, где чествовали юбиляра В.Л.Комарова и обсуждали планы работы советской науки на обозримую перспективу. Планы были масштабны: еще предсто-

яло завершить борьбу с врагом, напряженность которой не ослабевала, но, напротив, усиливалась по мере приближения развязки, и уже раскрывались обширные горизонты послевоенной работы по восстановлению и развитию народного хозяйства.

И как бы в развитие этого сюжета В.Л.Комарова принял в своем кремлевском кабинете И.В.Сталин. Встреча состоялась 13 ноября 1944 года и продолжалась в течение часа. Началась она с ритуального обмена любезностями: академик поблагодарил руководителя страны с наградой «чрезвычайно высокой, я бы сказал незаслуженно высокой»; вождь, естественно, ответил: «Ну что Вы. Мы награждаем Вас по заслугам. Советское Правительство даром не награждает. Вы полностью заслужили награду». После этого разговор сразу переключился на деловые вопросы. Президенту нужно было заручиться поддержкой Сталина в решении ряда вопросов, где Академия не могла обойтись без помощи правительства. Вопросы Комаровым были заранее тщательно продуманы и хорошо доложены, так что Сталину оставалось лишь соглашаться: «Я полностью согласен с этим предложением»; «Конечно, это необходимо сделать»; «Правильно. Это нужно сделать» и т. п.

О чем Комаров просил Сталина? Начал с предложения упорядочить систему республиканских Академий наук в рамках Академии общесоюзной; напомнил о приближающемся 220-летнем юбилее Академии наук («Нужно ли приглашать ученых из-за границы?» – «Обязательно»); стоило бы отметить столетие существования Географического общества при Академии Наук СССР – и это предложение принимается. Комаров ссылается на обращение к нему старейших академиков В.И.Вернадского и Н.Д.Зелинского: «Они просят меня организовать Институт истории естествознания и возглавить этот институт». Сталин выражает удивление, что такого института до сих пор нет, но, похоже, лукавит: такой институт существовал с 1932 года, его организатором и первым директором был Н.И.Бухарин; вслед за Бухариным его и ликвидировали, объявив «центром антисоветского заговора»[128]. Но, как бы то ни было, Сталин поддерживает и это предложение. Комаров просит еще поддержать два научно-производственных проекта в духе мобилизации ресурсов, но уже в расчете на приближающееся мирное время: очень важно и своевременно.

В.Л.Комаров уходил из главного кабинета страны чрезвычайно довольный результатом. Хозяин кабинета провожал его напутствием: «Вопросы, о которых мы говорили, принадлежат к числу важнейших государственных дел. Я прошу Вас и впредь обращаться ко мне, я буду рад Вас видеть»[129].

Все, о чем ходатайствовал Комаров, было что-то раньше, что-то позже, в зависимости от обстоятельств, исполнено.

Самым резонансным событием в русле той договоренности стала юбилейная сессия Академии наук. Надо отметить, что указ Петра I об основании Академии был подписан 28 января (8 февраля) 1724 года, а ее торжественное открытие состоялось 27 декабря 1725 года – какую дату считать основной? На встрече со Сталиным Комаров предложил: весной 1945 года. Сталин согласился. Созданный для подготовки празднества оргкомитет сначала ориентировался на май, но не успевали управиться со всеми подготовительными делами, а тут – Великая Победа! Вышло даже удачней: два события были объединены в едином акте торжества русского духа. Я имею в виду, что сессия открылась в зале Большого театра 15 июня, пленарное и секционные заседания проходили до 23 июня включительно, а 24 июня на Красной площади состоялся парад Победы, и все участники юбилейной сессии Академии – более 1200 советских ученых и 123 иностранных из 16 стран – были приглашены на трибуны у Мавзолея. А на следующий день – 25 июня – сессия продолжила работу уже в Ленинграде, где гости своими глазами увидели еще не стертые следы варварского нашествия и убедились, что советская наука в годы войны не только не разрушена, но даже окрепла, достигла мирового уровня, а порой его даже превзошла. Все это чрезвычайно впечатлило зарубежных гостей. Это был триумф советской науки, это был и звездный час президента Академии В.Л.Комарова.

А вскоре после юбилейной сессии Владимир Леонтьевич подал прошение об отставке, ибо состояние здоровья все-таки не позволяло ему нести эту нагрузку. Но на этом этапе уже не было опасности замены его Т.Д.Лысенко, А.Я.Вышинским или кем-то иным из деятелей этого рода, Комарову дали возможность выбрать преемника самому. Посоветовавшись с наиболее авторитетными коллегами, он обратился с предложением занять этот пост к Сергею Ивановичу Вавилову. Тот не сразу, но согласился. Сталин возражать не стал. 17 июля 1945 г. общее собрание Академии наук приняло отставку В.Л.Комарова и избрало на пост президента С.И.Вавилова.

А Владимир Леонтьевич Комаров остался руководителем созданного им Института истории естественных наук и техники, а 5 декабря 1945 года умер.

Ресурс, который возрастает

Почему советский народ победил в Великой Отечественной войне?

При всей разноголосице мнений, высказанных на эту тему за минувшие семьдесят лет, три фактора – три ресурса Победы – отмечаются, кажется, всеми (хотя трактуются и оцениваются по-разному, порой диаметрально противоположно).

Первый ресурс – особые морально-психологические качества народа: мужество, стойкость, па-

---

[128] Институт истории естествознания и техники имени С.И.Вавилова РАН – Википедия с видео // WIKI 2

[129] http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VRAN/2005/KOMAROV.HTM

триотизм, терпеливость, способность к самопожертвованию и т. д.

Второй ресурс – собранная в единый кулак экономика.

Третий ресурс – высокая степень организованности. Правда, прежде говорили о морально-политическом единстве, «мудром руководстве» (Сталина, партии), потом больше славили Жукова, искусство военачальников (сначала, мол, воевать не умели, но научились), о самоорганизации (народ, мол, поднялся вопреки сталинскому режиму), а иногда даже о принудительной организации (заградотряды на фронте, уголовная ответственность за самую малую провинность в тылу).

Было и то, и другое, и третье, причем было и на самом деле неоднозначно.

Но из всего нашего повествования видно, что не было бы Победы без четвертого ресурса – интеллектуального. Все другие ресурсы не помогли бы победить врага, если б повседневная будничная работа войны не опиралась на прочный фундамент знания. На поддержку науки. Без работы, которая велась силами научных институтов, либо эвакуированных на Урал, либо уральских, но укрепленных эвакуированными учеными, не было бы уральского алюминия, уральского хрома, уральского марганца. Стало быть, не было бы уральской брони, уральского силумина, уральского дюралюминия; танков, пушек, минометов, снарядов. Топливо для промышленности из бурых уральских углей, горючее для техники из древесной смолы, даже вода для паровозов в безводной прикаспийской степи – все это реализация интеллектуального ресурса, востребованного обороной.

А сколько научных знаний вложено в совершенствование технологии производства танков, пушек, минометов!

А как повысили производительность снарядных линий приборы для магнитометрического контроля качества снарядных корпусов, разработанные учеными уральского Института физики металлов!

А сколько жизней спасли сульфамидные препараты, разработанные и запущенные в производство свердловскими химиками!

Это перечисление бесконечно. Если рассуждать умозрительно, доля «четвертого ресурса» в общем «весе Победы» едва ли меньше, нежели доля любого из трех других. К сожалению, неразрешимой представляется задача суммировать все «кванты разума», из которых сложился интеллектуальный ресурс Победы, и оценить затем долю этого ресурса в общем раскладе, который нынче принято называть «ценой Победы». Всеми давно и безоговорочно признано: это чрезмерно высокая цена. Она складывается из огромных потерь материальных ценностей, запредельных физических и моральных испытаний, немыслимых страданий, а главное – из десятков миллионов жизней. Но эти потери могли быть гораздо большими и не увенчаться Победой, если бы не бесчисленные озарения, которые помогли народу выйти из безвыходных положений. Превратить бегство от войны в перегруппировку сил; прокатать броневой слиток на блюминге, экипировать одновременно два паровоза, использовать законы физики для того, чтобы контролировать качество боеприпасов… И еще, и еще, и еще. Если мысленно все это суммировать, то доля интеллектуального ресурса в цене Победы представится очень значительной.

Высокая эффективность использования интеллектуального ресурса в военные годы настолько подняла престиж науки, что это подготовило наступление уже в первые послевоенные годы новой научно-технической эры. Конечно, нельзя не посетовать на то, что вектор развития науки столь заметно был повернут в то время в область оборонной промышленности: в «закрытых» городах был накоплен огромный научный потенциал. (Е.П.Славский, ставший уже министром, говорил, что у него в Средмаше работает 60 членов Академии наук СССР – своя, можно сказать, академия). Но и освоение космоса, и атомная энергетика, и высокие теоретические достижения в области ядерной физики – это не только «оборонка»: это достижения, благодаря которым человечество поднялось на новую ступень технологического и духовного развития. В сущности, это главный положительный итог Великой Победы.

И вот что особенно важно: и материальные разрушения, и физические страдания, и утраченные жизни невосполнимы. Даже «шрамы» на земле, где были траншеи, окопы, воронки от бомб и снарядов, не сглаживаются десятилетиями. Город, со временем отстроенный заново, будет все-таки другой город. Фантомная боль от перенесенных страданий будет преследовать до конца жизни. Отстрелянные, выбитые войной поколения исчезнут из генетического древа практически всех семей, прошедших через войну, навсегда.

А вот интеллектуальный ресурс при его разумном расходовании имеет парадоксальное свойство – возрастать. Заводы, эвакуированные на Урал, не только более чем в три раза за четыре года подняли, выражаясь сегодняшним языком, ВВП уральской промышленности, но и подняли ее технологический уровень. И заметно развившаяся уральская промышленность не только помогла восстановить заводы и фабрики на освобожденных от оккупантов землях, но и создала в регионе наукоемкие производства мирового уровня. И уральские научные учреждения в результате военной закалки обрели новое дыхание.

3. Человеческий фактор

Уральское чудо?

Публицисты, лоббировавшие реформы 1990-х годов, утешали оторопевших от костоломной «терапии» соотечественников образом маятника: дескать, подобно маятнику, экономика падает с какой-то высоты; наберитесь терпения – вот-вот она достигнет нижней точки, а потом неизбежно

начнется подъем. Утверждение было откровенно голословным, да и какими доводами можно подтвердить, что падающая экономика больше похожа на маятник, а, например, не на многоэтажный дом, который рушится во время землетрясения?

Вот если бы энтузиасты «шоковой терапии» вспомнили про динамику военной экономики СССР в 1941–1942 годы, то образ маятника, вероятно, помог бы им кого-то убедить. На самом деле, падение производства военной продукции с июня (с конца июня!) по ноябрь (по начало ноября!) было поистине катастрофическим – не меньше, чем во время гайдаровско-ельцинских реформ. Ноябрь и декабрь легко представить самым нижним отрезком маятниковой дуги – этаким разгоном перед взлетом. При этом производство падало от того, что предприятия останавливались, демонтировались, грузились на колеса и увозились в тыл, где им предстояло не просто возродиться, но возродиться на новом технологическом уровне. Потому траектория движения быстро взметнулась вверх: уже в марте 1942 года только в восточных районах страны военной продукции выпускалось столько же, сколько перед самой войной во всей стране. А к концу войны выпуск промышленной продукции на Урале превысил довоенный уровень в 3,6 раза. Чем не маятник?

Нет, не маятник. Никакая кинетическая энергия не накапливалась вследствие того, что под артобстрелом и бомбежкой срывались с фундаментов прокатные станы, металлорежущие станки, электропечи, турбины, паровые котлы, трансформаторы и прочее оборудование; что все это грузилось в эшелоны, увозилось вглубь страны и в спешке там монтировалось, порой даже без анкерных болтов и под открытым небом, чтоб как можно быстрее продолжить вынужденно прерванный производственный процесс. Не была разгоном и нижняя часть траектории: это была «мертвая зона», когда страна держалась, в основном, на скудных резервах, которые удалось сохранить, затянув пояса, в предвоенные годы, да с ноября начали спасать еще и поставки по ленд-лизу.

А линия подъема вовсе не продолжила линию падения: у нее была своя, особая природа, свои движущие силы. Внешне этот подъем напоминает те всплески экономической энергии, которые явились настолько яркими эпизодами экономической панорамы второй половины XX века, что применительно к ним едва ли не в научный термин превратилось понятие «чуда»: «немецкое чудо», «японское чудо», южнокорейское, малайзийское, сингапурское... О китайском чуде, кажется, не говорят, потому что в его природе не усматривается ничего загадочного: хорошо продуманный, жесткий и самостоятельный, без консультаций с Джеффри Саксом, политический курс, предложенный мудрым Дэн Сяопином, и беспримерное трудолюбие послушного властям и судьбе народа. Никаких тайн в китайском экономическом подъеме нет, но нам так не суметь – даже не потому, что Гайдар не был Дэн Сяопином, а потому что мы не китайцы.

Однако, возможно, советских людей самого напряженного периода Великой Отечественной войны, с их беспримерной выносливостью и долготерпением, с их беспрекословным повиновением жесткой дисциплине, допустимо сравнить с китайцами, не упустив все же из виду и существенную разницу: советские люди безропотно подчинялись беспощадному режиму не потому, что покорились судьбе, а потому что каждый осознавал победу над врагом не столько даже своим гражданским долгом, сколько личной и самой заветной целью. (Исключения были, но не они определяли общую ситуацию). Так что причиной российского «чуда» периода Великой Отечественной войны явился не мудреный экономический трюк, а человеческий фактор: каждый работал на Победу так, как, по версии апологетов рынка, работают только на себя. Впрочем, это и была для каждого работа на себя.

Общее как личное – чувство не врожденное; с незапамятных времен народное мнение признает вроде бы иное – что «своя рубашка ближе к телу». Но дух чувствительнее «тела», и когда приходит кто-то со стороны и, попирая ваши обычаи, ваше человеческое достоинство, навязывает свой «орднунг», дух готов даже пожертвовать телом. Общее как личное – это не пропагандистский лозунг, а естественное чувство, органичное для человека, который «здесь родился, здесь и пригодился». Оно и было расчетливо и целенаправленно использовано руководством страны для достижения благой цели – Победы. Именно это чувство – как общий, всеми ощущаемый и одобряемый морально-психологический фон – позволяло перемещать огромные массы людей на тысячи километров под холодным и опасным небом и явно не за лучшей долей. Оно позволяло советским людям – и тем, кто оказался в эвакуации, и тем, кто их принял и обогрел в далеком уральском тылу, – в течение долгих месяцев и лет терпеть запредельные бытовые лишения, работать на износ, принимать как должное бесчеловечный стиль руководства и идти на любой риск ради продвижения к страстно желаемой общей цели – победе над врагом.

Только в такой атмосфере не казалась оскорбительной знаменитая нынче телеграмма Верховного Главнокомандующего директору Уралмаша Музрукову и главному инженеру Рыжкову: «Прошу вас честно и в срок выполнять заказы по поставке корпусов для танка КВ Челябинскому тракторному заводу. Сейчас я прошу и надеюсь, что вы выполните долг перед Родиной. Через несколько дней, если вы окажетесь нарушителями долга перед Родиной, начну вас громить как преступников, пренебрегающих честью и интересами своей Родины. Нельзя терпеть, чтобы наши войска страдали на фронте от недостатка танков, а вы в далеком тылу прохлаждались и бездельничали.

И. СТАЛИН

17 сентября 1941 года».

Эта телеграмма нынче очень знаменита; она и в советские времена публиковалась, но в усеченном виде: наверно, считалось, что выражение «начну вас громить как преступников» не очень гармонирует с образом «родного и любимого».

Но она не дает столь предметного представления о том, насколько подробно вникал Сталин в работу оборонной промышленности и внимательно, в непрерывном режиме ее отслеживал, как забавный эпизод из воспоминаний Семена Моисеевича Кипермана. Воспроизведу его полностью, сделав лишь одно пояснение: молодой рабочий, недавно поступивший на завод, не имел жилья и временно пристроен был на ночлег в кабинете начальника цеха. И вот однажды ночью его разбудил телефонный звонок:

«– Это сборочный цех пятидесятого завода?

– Да.

– Кто у телефона?

– Семен Киперман, рабочий.

– Сколько вам лет?

– Мне недавно исполнилось семнадцать.

– Сейчас с вами будет разговаривать товарищ Сталин.

Спросонья я даже не разобрал, что мне сообщили по телефону. Просто стоял и слушал.

Трубку взял Иосиф Виссарионович.

– Кто у телефона?

– Токарь сборочного цеха Семен Киперман.

– А где начальник цеха?

– Начальник недавно уехал домой.

– А вы можете мне сказать, сколько танков выпустили сегодня?

– Двенадцать отправлены на фронт, тринадцатый забраковал военпред. К утру неисправность устраним и отправим машину на передовую.

– Это точно? – переспросил Сталин.

– Точно. Я ежедневно веду ведомость готовой продукции.

– Хорошо, спасибо вам, – поблагодарил он и попросил помощника соединить с Челябинским танковым заводом.

Наутро начальник цеха похвалил меня и дал три талона на дополнительное питание, что для того времени было хорошим поощрением»[130].

Только в такой атмосфере зам танкового наркома Зальцман мог спасти от трибунала будущего Героя Соцтруда Максарева, но тут же скоропалительно расправиться с опытным и заслужившим любовь коллектива директором Уральского турбинного завода Иваном Ивановичем Лисиным (ну, вы помните).

Слов нет, колоссальный рывок военного производства в местах, куда были эвакуированы промышленные предприятия из западных областей, был достигнут мерами чрезвычайными. Но, во-первых, эти меры воспринимались в той общественно-психологической атмосфере как допустимые. Во-вторых, они не срабатывали бы, если бы с их помощью не обеспечивалось достижение всем понятных и одобренных общественным мнением целей, выполнение продуманной и эффективной программы форсированного развития военного производства. И хотя чувство правды и справедливости нередко оказывалось попранным, военная опасность казалась неизмеримо страшней.

Ключевую для объяснения эффективности военной промышленности СССР в годы войны мысль сформулировал еще в первый послевоенный год Николай Алексеевич Вознесенский: «Советское государство в период Отечественной войны получило слаженное и быстро растущее военное хозяйство».

С тезисом насчет слаженности можно, конечно, поспорить. С ним нередко и спорят нынешние историки, не без оснований указывая на множество упущений и несообразностей в управлении экономикой во время войны. «Проколов», говоря сегодняшним языком, действительно было без счета, и все же сквозь густой поток негатива отчетливо просматриваются позитивные закономерности: перестройка экономики на военный лад совершалась стратегически продуманно и целенаправленно, с четкой постановкой ближайших и перспективных целей. Не просто руководители, которые напрямую были связаны с высшим руководством страны и участвовали в реализации этой стратегии, понимали ее логику и смысл: ее суть понимал и принимал в массе своей весь народ. Конечно, видели и ее изъяны, не упускали из виду, что поставленных целей не всегда удавалось добиться в полном объеме, но общая тенденция представлялась оправданной и безальтернативной. Поэтому и готовили Победу «всем миром», поэтому и победили.

Не хватало рабочих рук

Блестящий план превращения вынужденного бегства из угрожаемой зоны в сжимание кулака для ответного удара разработали и осуществили Николай Алексеевич Вознесенский, Алексей Николаевич Косыгин, Иван Федорович Тевосян и большой отряд их выдающихся сподвижников. Но план не был бы реализован, если б миллионы рядовых тружеников не сочли его выполнение своим личным долгом. Главное «чудо» Великой Отечественной войны заключалось в том, что не только фронтовики сумели выстоять и повернуть врага вспять, но и труженики тыла оказались, выражаясь высоким слогом, «чудо-богатырями». Столь пафосная оценка не покажется, однако, преувеличенной, если принять во внимание, что всегда и всюду на тыловых предприятиях катастрофически не хватало рабочих рук, работать каждому приходилось за двоих, троих, а то и за десятерых.

Это только видимость, что людей на обустройстве эвакуированных предприятий собиралось много: по тридцать человек впрягалось, чтоб тащить от места раз-

[130] Эти разные лица войны. – Екатеринбург, 2010. С. 194, 196.

грузки в цех какой-нибудь станок, и вовсе сотнями и тысячами брались за кирки и лопаты, чтоб выгрызать в мерзлой земле траншеи, ямы и котлованы для будущих цехов и коммуникаций. Переизбыток тяжелого физического труда был следствием неодолимых обстоятельств, да и долбили землю, как правило, люди неквалифицированные или имеющие не ту квалификацию, которая в тот момент была нужна возрождаемому предприятию. Когда же наставало время включать станки, часто оказывалось, что работать на них некому. Арифметика простая: с эшелонами прибывало меньше половины станочников, работавших на этом оборудовании до эвакуации. Кем их заменить на месте? Самая работоспособная часть населения была уже на фронте, оставались старики, подростки, женщины-домохозяйки, проводившие на фронт мужей. Кого-то из них удавалось мобилизовать на работу, но понятно, что полноценной работы от них ждать не приходилось, однако даже и таких работников не хватало. Тысячи станков бездействовали!

Вот характерный эпизод из истории киевского завода «Большевик», который на пустыре за южной окраиной Свердловска возродился как Уралхиммаш: «*Напряженное положение с кадрами… радовались каждому специалисту… тяжелое положение с кадрами складывалось в отстроенном и по тому времени хорошо оснащенном чугунолитейном цехе, особенно на подсобных и заготовительных участках. Не хватало рабочих в землеприготовительном, плавильном, обрубном отделениях и на шихтарном дворе. Для того чтобы литейный цех стал полнокровным, требовалось не менее тысячи человек, взрослых и физически крепких. Где их взять? Шла война.*

Вопрос оставался открытым, но заводчане, не теряя времени, готовили для пополнения коллектива жилье, сооружая два десятка каркасно-засыпных бараков, которые были закончены осенью 1943 года.

Наркомат добился решения правительства о вербовке для Уралхиммаша тысячи человек из недавно освобожденной Курской области»[131].

Дотошный исследователь уральской промышленности военных лет[132] назвал некоторые цифры по другим предприятиям: к началу 1942 года, когда эвакуация была уже практически завершена и даже Совет по эвакуации упразднен, на заводах и фабриках Свердловска недоставало около 17 тысяч работников. Магнитогорскому комбинату, на производственные площади которого были эвакуированы, напомним, 23 предприятия, одному не хватало почти 11 тысяч пар рабочих рук. Кировский завод в Челябинске – Танкоград! – был укомплектован лишь на 46%. На одном из заводов, эвакуированных в Башкирию, – его историк не называет, возможно, по причине его засекреченности – по штату полагалось иметь восемь тысяч человек, а работала лишь одна тысяча, да и те, в основном, были новичками.

Подобная ситуация складывалась повсеместно. Как же выходили из положения?

Это была общегосударственная проблема того же порядка и масштаба, что и обеспечение фронта людьми, способными держать в руках оружие. И решалась она, прежде всего, системой государственных мер. Суть их можно свести к трем основным положениям:

– сосредоточить имеющиеся трудовые ресурсы в главных для народного хозяйства страны направлениях;

– расширить контингент работающих за счет тех, кто традиционно в качестве трудового резерва не рассматривается, но в экстраординарных условиях работать может;

– выжать максимум возможного из всех, кто работает.

Тут каждое направление – отдельный драматический сюжет.

Но эти сюжеты, в основном, за рамками нашей темы. Ведь предприятия, укоренившиеся на уральской земле, стали, по сути, уральскими и жили единой жизнью с Уралом. И если возникла надобность поставить к простаивающим станкам молодежь допризывного возраста, женщин, стариков, то это равно касалось не только беженцев, но и коренных жителей. Не разбирались, приезжий ты или здешний, когда не просто принимали, но мобилизовали по «спущенной сверху» разнарядке подростков, начиная с 16 лет, в школы ФЗО, ремесленные, железнодорожные училища. Об этих учебных заведениях очень неоднозначно вспоминают нынешние «дети войны». Там, конечно, одевали и кормили (что уж говорить, плохо кормили!), худо-бедно приобщали к ремеслу, но сколько жестокости, бесправия и насилия было в этих «ремеслухах»... Многим там было невмоготу, они сбегали, но эти побеги рассматривались как дезертирство: отлавливали и наказывали.

Не относятся прямо к теме эвакуации драконовские (даже в чрезвычайных условиях войны они такими воспринимались) меры по укреплению трудовой дисциплины, которые начали вводиться еще в предвоенное время и ужесточались по мере усложнения положения на фронте и в тылу.

Но принуждение к дисциплине подкреплялось фантастически богатой системой мер поощрения. Если воспользоваться расхожим выражением, для стимулирования трудовой активности широко практиковалась политика «кнута и пряника». Руководители предприятий располагали в этом плане широкой гаммой возможностей. Сохранились многочисленные свидетельства на сей счет.

Очевидцы вспоминали, например, как крутой на расправу Исаак Моисеевич Зальцман мастерски использовал «политику пряника»,

---

[131] Сквозь призму времени: Исторический очерк. – Екатеринбург, 2011. С. 51.

[132] Речь идет об А.Ф.Васильеве, авторе известной специалистам монографии «Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945» (М.: Наука», 1982).

когда возникала непредвиденная производственная заминка. Направляясь в цех, где эта заминка случилась, он прихватывал с собой заместителя по труду и зарплате, а тот нес с собой портфель, набитый деньгами, талонами на водку, табаком, сахаром, консервами. Эти «аргументы» всегда действовали безотказно, хотя, наверно, и сам Зальцман понимал, что привычка восстанавливать порядок лишь за вознаграждение развращает рабочих.

Конечно, в обстановке тотального дефицита пайка хлеба или пачка папирос бывает нужнее, чем почетная грамота или медаль, а все-таки и в самой тяжелой ситуации моральные стимулы важны, потому что они обращены к человеческому в человеке, а тому, кто не потерял в себе человека, и лишения переносить легче.

Вот почему в военные годы страна не жалела сил и средств, чтобы выявлять, поддерживать и прославлять «героев тыла».

Герои тыла

Организаторы производства понимали цену общественного одобрения: почетная грамота, фотография или заметка в газете (многие по сей день хранят в домашних архивах пожелтевшие газетные вырезки), орден от имени Верховного Совета укрепляли чувство восприятия войны как общего дела. Благодаря хорошо отлаженной пропагандистской машине имена героев тыла были у всех на слуху. Для широкой публики было совсем неважно, были они коренными уральцами или приехали из прифронтовых областей на уральский трудовой фронт, – здесь все они оказывались в общем строю. Важно, что это действительно были настоящие герои – трудолюбивые, умелые, изобретательные, ответственные. Их «трудовые почины» (это выражение было в широком ходу) реально помогали преодолеть нехватку рабочих рук и значительно повысить производительность.

Электросварщик **Егор Прокопьевич Агарков** в предвоенное время делал танки на ХТЗ – Харьковском тракторном (он же Южный). С ХТЗ Агарков приехал и в эвакуацию – в Челябинск. Здесь он продолжил заниматься привычным делом: сваривал танковые башни на заводе № 200, который осенью 1941 года был выделен из завода № 78 («в миру» Станкомаш имени Серго Орджоникидзе) специально для производства бронекорпусов и башен тяжелых танков.

За ударный труд Агарков еще в 1943 году был награжден орденом Ленина, однако прославился не тем. Присмотревшись внимательней к работе башенного участка, где он работал, Егор Прокопьевич пришел к выводу, что их труд можно и нужно организовать рациональней. Он предложил простое решение: не разводить сварщиков и монтажников по отдельным бригадам, а объединить их в одну комплексную бригаду, которая станет работать на общий результат. Эта, казалось бы, нехитрая идея позволила, сняв промежуточные (скорей бюрократические, чем технологические) барьеры, поставить производство изделий на поток, что уже само по себе увеличило производительность труда участка на 15–20 процентов. А ведь еще высвободились (для других работ) три мастера, два бригадира и четверо квалифицированных рабочих. И это на одном только участке!

Так родился «почин Агаркова». Парторганизация постаралась на основе «почина» организовать «движение». Очевидное преимущество укрупненных бригад способствовало широкому распространению «Агарковского движения». Прошло совсем немного времени – и в результате преобразований по примеру Агаркова сначала на заводе № 200 высвободили 280 рабочих и ИТР, потом агарковский способ подхватили смежники, и на челябинском Кировском заводе «сэкономили» таким способом 600 пар рабочих рук. Механизм распространения подобных начинаний был хорошо отработан еще до войны, и скоро последователи Агаркова появились в других областях страны, а зачинателя «движения» в 1946 году поощрили Сталинской премией.

Забойщик **Павел Кузьмич Поджаров** тоже был из эвакуированных. До войны он работал на угольных шахтах Донбасса – сначала в Лисичанске, потом в Первомайске. Поначалу почти четыре года (с 1931 по 1935-й) – на поверхности: машинистом насоса, машинистом подъемной машины, слесарем по ремонту механизмов. Потом отслужил два года в Красной Армии и снова возвратился на шахту – на этот раз в забой. За месяц освоил новую специальность и вскоре прослыл передовиком.

Павел Кузьмич продолжал добывать уголь и после того, как началась война. Но когда враг приблизился к Донбассу, его (как и его товарищей по работе) направили на строительство оборонительных сооружений, а в 1942 году эвакуировали на Урал, на шахту № 2 «Капитальная» Кизеловского угольного бассейна.

В эвакуации Поджаров некоторое время поработал слесарем в механическом цехе, но вскоре спустился в забой. Оценив опытным глазом особенности залегания угольных пластов, он умело воспользовался этой «геометрией» и уже в первую смену выполнил две нормы. Но личная сноровка всегда ведь основана на интуитивном ощущении неосознанных объективных закономерностей, и Павел Кузьмич задумался: а почему у него получается то, чего не могут другие? В результате разработал методику скоростной проходки горных выработок, которая позволила, прежде всего, ему самому превышать сменные нормы в 12–15 раз. Но он не таил секретов: своему методу обучил 115 человек, и в конце 1942 года шахта была переведена на новую систему выемки угля, что резко увеличило ее производительность.

Трудовые достижения Поджарова были отмечены званием Героя Социалистического Труда

и Сталинской премией. А в послевоенные годы Павел Кузьмич возвратился в Донбасс[133].

Но, конечно, «героями тыла» становились не только эвакуированные.

К примеру, **Иван Петрович Блинов**, паровозный машинист из Кургана, еще до войны водил тяжеловесные поезда по южноуральским трассам. Во время войны он водил составы, нагруженные в три раза больше нормы и с повышенной скоростью. Вдобавок экономил топливо, сам со своей бригадой ремонтировал локомотив между поездками. Благодаря тщательному уходу за паровозом и своевременному устранению неполадок, он в три раза против нормы удлинил его межремонтный пробег.

Паровозные машинисты были очень востребованы в военные годы: их не хватало, поэтому на фронт их не отправляли, а тех, кого сгоряча мобилизовали в первые дни войны, вскоре с фронта отозвали: в рабочем тылу их труд был нужнее. О них даже песни слагали, как позже о космонавтах. Иван же Петрович Блинов работал один за нескольких машинистов. Кроме того, своей профессии и своей профессиональной сноровке он за годы войны обучил 20 молодых ребят. Вот почему еще в самый разгар войны, в 1943 году, его вклад в грядущую Победу был оценен наивысшим образом: ему присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Такого же звания и в том же году был удостоен и свердловский железнодорожник **Ананий Каллистратович Черепанов**. Только был он не машинистом, а крановщиком на угольном складе локомотивного депо Свердловск-Сортировочный. Профессия негромкая, да и новации Черепанова были совсем не хитрыми: на загрузку углем он решил ставить не один, а одновременно два паровоза. В тендер одного всыплет шеститонный ковш угля, а пока эту гору разравнивают лопатами, всыплет такой же ковш в тендер другого. При этом еще паровой котел крана стал заправлять водой не из гидроколонки, поездки к которой занимали до шести часов в смену, а от тех паровозов, которые приходили к нему для экипировки. Понемножку от каждого – им не в убыток, зато ему к колонке ездить не надо, и котел большим количеством свежей воды не переохлаждается. «Мелкие хитрости» позволили Ананию Каллистратовичу загружать за смену паровозов втрое больше, чем полагалось по норме. Исчезли очереди на экипировку, а сэкономленное таким образом паровозное время стало расходоваться по прямому назначению – на перевозку военных грузов. Выгода получилась огромная!

Если продолжить тему железной дороги, нельзя не упомянуть и **Максима Афанасьевича Казанцева**. Простой путевой обходчик – сейчас и профессии такой не существует, – он нашел способ поддерживать в безупречном рабочем состоянии железнодорожное полотно в то время, когда рабочих рук остро не хватало, а поезда (часто тяжеловесные) шли порой с интервалами в три минуты, быстро приводя колею в негодность. Ситуация складывалась катастрофическая.

Казанцев придумал опять-таки простую вещь. Уговорил трех женщин, работавших обходчицами на соседних с ним участках (где-то в районе станции Колюткино, что на полдороге от Свердловска до Каменска-Уральского) объединиться в бригаду, чтоб вместе вести уход за дорожным хозяйством. Прежде, совершая обходы своих участков, они прилежно отмечали все мелкие изъяны: выскочившие из своих гнезд костыли, смещенные подкладки, треснувшие шпалы и т. п. Отмечали, но что толку: для устранения таких мелочей ремонтную бригаду вызывать не станешь – они и не придут, потому что и более серьезной работы у них невпроворот. А когда становилось невмоготу – бывало, что те и не успевали прийти, происходили аварии.

Так вот, маленькая бригада Казанцева от помощи ремонтников практически полностью отказалась: неполадки полотна устраняли сами. В одиночку никто бы из них физически не потянул, а вчетвером (впрочем, когда надо, они и домашних привлекали: дело-то семейное!) – вчетвером самое то. Уже в первый раз, поработав бригадой, они сами удивились, как много удалось сделать: у профессиональных ремонтников столько не выходило. Начальство их опыт тоже оценило и тут же распропагандировало: это ж был выход, казалось, из безвыходного положения.

Эксперимент начался весной 1943 года, а уже к концу года «казанцевских» бригад на одной лишь Свердловской магистрали было образовано 206. Однако казанцевский опыт ухода за дорожным полотном получил огласку по всей сети дорог, и в 1944 году подобных бригад по стране насчитывалось уже 5080. Суммарная протяженность отремонтированной ими колеи превысила 4 тысячи километров. Причем, как подсчитали экономисты, одна лишь бригада инициаторов – сам Казанцев и три его соседки по околотку – сэкономили для казны более миллиона рублей. А главное – поезда стали ходить уверенней.

«За особые заслуги в обеспечении перевозок для фронта и выдающиеся достижения в восстановлении железнодорожного транспорта в условиях военного времени» Максим Афанасьевич Казанцев первым и единственным из рабочих-путейцев за всю историю отрасли еще в ноябре 1943 года был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Деяния «героев тыла» были разнообразны.

Уралмашевец **Михаил Федорович Попов** прославился как инициатор создания фронтовых комсомольско-молодежных бригад. Ребята призывного возраста неловко чувствовали себя в тылу, хотя избежали призыва не по своей инициативе. Объявить себя фронтовой бригадой значило

[133] В 1986 году о П.К.Поджарове на Украинской студии телевизионных фильмов снят фильм «Уголь заботы нашей» (режиссер Ю.Некрасова).

для них взять на себя такие обязательства, которые бы по напряженности труда и по мере вклада в дело борьбы с врагом поставили их вровень с фронтовиками. Эти обязательства требовали не только полной самоотдачи на рабочем месте, но и смекалки, сопоставимой с солдатской. То и другое тыловым «фронтовикам» удавалось: уже в сентябре 1941 года молодые станочники бригады Попова научились обрабатывать танковую башню за 4 часа 10 минут при норме 18 часов.

Движение фронтовых бригад оказалось и в производственном плане, и психологически очень кстати, поэтому получило широкий размах. Вскоре на том же Уралмаше появилась женская фронтовая бригада, которую создала девятнадцатилетняя **Аня Лопатинская**. Тут же инициативу поддержали и другие уралмашевцы, и молодые рабочие других предприятий города и всего Урала. Уже к концу 1941 года число фронтовых бригад на Уралмаше достигло двухсот тридцати, на других заводах Свердловска их к этому времени стало 430. А в 1943 году, например, в Челябинской области их насчитывалось уже 2100.

Вообще-то, ничего специфически молодежного в идее фронтовых бригад не было, так что ее подхватили и рабочие постарше. Любопытно, что одну из первых комсомольско-молодежных фронтовых бригад за пределами Уралмаша организовал и возглавил человек не комсомольского возраста – визовский сталевар **Нурулла Хасанович Базетов**, которому в 1941-м шел уже 35-й год (комсомольским, помнится, считался возраст до 28-ми). Что ж он в комсомольцы записался? Да нет, это он их к себе приписал (сам-то еще с 1939 года состоял в партии), чтоб придать их патриотическому порыву больший практический смысл.

Нурулла Хасанович еще до войны экспериментировал в области скоростных методов сталеварения и приобрел в этом деле немалый опыт. Он приумножил этот опыт, неся вахту у мартена с первых дней войны. В 1942 году Базетов стал получать с одного квадратного метра пода мартеновской печи 16 тонн стали, в то время как средний съем по заводу составлял 5 тонн. И он здраво рассудил, что если молодые сталевары к своему желанию работать по-фронтовому добавят его метод скоростного сталеварения, то они действительно смогут восполнить отсутствие у мартенов многих товарищей, ушедших на фронт. Подготовка молодых сталеваров и стала личным вкладом Нуруллы Хасановича Базетова в общее дело победы[134].

Среди уральских героев тыла особое место занимает **Фелисата Васильевна Шарунова**. Фелисатой она была по паспорту, а в обиходе ее называли более привычным именем – Фаина. С этим именем ее и слава настигла.

С 1936 года Фаина работала на Нижнетагильском металлургическом заводе строгальщицей, но в 1940-м перешла в доменный цех – подручной горнового. Мужская по всем параметрам работа пришлась молодой женщине по характеру, и, поднабравшись опыта, она – впервые в мире! – была назначена на должность старшего горнового. В этой должности Фаина Васильевна чувствовала себя вполне на месте, управлялась не хуже мужчин, получала награды, о ней писали в газетах. После газетных публикаций ей с фронта целым потоком пошли солдатские письма, незнакомые красноармейцы объяснялись ей в любви.

В 1943 году в результате аварии Фаина Васильевна получила тяжелые ожоги, но нашла в себе силы не только восстановить здоровье, но и возвратиться к своей печи. Некоторое время она еще работала мастером доменного производства, а после войны ушла из горячего цеха.

Непарадная сторона тылового героизма

Сведения обо всех упомянутых выше героях труда дошли до нас, главным образом, через газетные публикации того времени, когда они, герои, совершили свои трудовые подвиги, были поддержаны партийными органами и прославлены журналистами. В сущности, мы знаем их по парадным портретам, сложенным нынче в запасниках истории. Но их повседневная жизнь была вовсе не парадна, в бытовом плане она мало отличалась от жизни миллионов тружеников тыла – разве что за свой ударный труд они получали какие-то талоны на дополнительное питание или ордер на новую шапку или ботинки. В то время в газетах о бытовой неустроенности не писали: она у всех была на виду, что ж душу травить? Нынче-то об этом написано много, так что новыми фактами никого не удивишь. Приведу, однако, характерный пример.

Вспоминает нижнетагильский ветеран **Виктор Леонидович Щеголев**, поступивший работать в тарный цех завода № 63 тринадцатилетним мальчишкой: «*Зимы стояли лютые. Возьмешь в руки гвозди, а они к ладоням прилипают. Работаешь, а все мысли о еде. В столовую придешь, а там постоянно суп-лапша на первое и маленький кусочек омлета из яичного импортного порошка на второе. Бывал и десерт – компот из груши-дички и пирожок с той же грушей. Зарплата у меня 400 рублей, а булка хлеба в коммерческом магазине – 300 рублей. Выданные талоны на жиры не отоваривали. К магазину приписано до тысячи человек, а продукты привезут два*

[134] В 1966 году на Свердловской киностудии фильмом «Нурулла Базетов» дебютировал режиссер-документалист Владимир Ротенберг. Новаторская для своего времени лента была отмечена в том же году главным призом на фестивале в Киеве и вошла в историю документального кино.

Между прочим, о Нурулле Базетове писала и Мариэтта Шагинян в книге «Урал в обороне». Сюжет у нее такой. Молодой татарин сталевар Нурулла Базетов работал так хорошо, что о нем написали в газете. Газету прочитал красноармеец-узбек Разимат Усманов на Юго-Западном фронте и написал Базетову письмо. Они подружились и стали соревноваться: один стремится сварить побольше стали, другой убить побольше фрицев. Вот и фронт в тылу.

раза в месяц на 20 покупателей. Кто посильнее, тот и сыт»[135].

А вот эпизод из воспоминаний **Софьи Михайловны Красильниковой**, ветерана того же завода (она пришла туда в литейный цех семнадцатилетней, только что окончив школу, в первые дни войны): «*Шла я как-то на работу, впереди еле костылял мужчина. Я его обогнала и слышу за спиной стук. Он упал и умер. И в цехах, бывало, умирали: кто от голода, кто от угарного газа, пытаясь согреться у печей… Летом привезли на работу более 200 узбеков, а потом грянула зима с 40-градусными морозами. Они в одних халатах, голодные – в дощатых бараках. Работники никакие – вчетвером один снаряд еле несут… За зиму почти всех свезли на кладбище – оно было рядом с цехами»*[136].

Это в уме не укладывается: люди умирали не в блокадном Ленинграде, а в столице танковой империи Нижнем Тагиле. Как такое могло случиться хотя бы вот с тем человеком, который «костылял» по улице, упал и умер? Софья Михайловна, конечно, не могла о том знать, а мне в своих литературно-житейских изысканиях довелось однажды заглянуть с помощью архивных документов в подобную трагическую судьбу.

Случилось это в Свердловске в январе 1944 года. К тому времени прошел уже год, как прорвали блокаду Ленинграда, фронт катился на запад и приближался к довоенной границе СССР, Президиум Академии наук возвратился из эвакуации в Москву, началось восстановление шахт Донбасса, в чем уральцы принимали участие. Выражаясь фигурально, шторм еще не закончился, но сквозь дымное марево на горизонте проступали очертания «берега надежды». Вот в такое духоподъемное время это и случилось. Вышел человек из своего дома на Металлургов, 28 (тогда это был «частный сектор») и отправился на работу. Работал он на заводе № 170, который находился в самом начале проспекта Ленина, – расстояние выходило, навскидку, километра два. Он преодолевал этот путь дважды в день уже более десяти лет, но на этот раз сил не хватило: где-то по дороге упал на заснеженный тротуар и умер. Не от внезапного сердечного приступа или еще какой-либо «кондрашки», а от крайнего истощения. При этом и завод, где он работал, был весьма заметный в системе оборонных предприятий, и работником этот товарищ был, скажем так, не из последних.

Сначала о заводе. Построили его в 1916 году как платино-аффинажный; он был первым в России предприятием этого профиля и до самой войны оставался единственным. В 1936-м его засекретили под цифровым кодом, в 1941-м на его территорию эвакуировали (по сути – десантировали) металлообрабатывающие линии (вместе с уникальными специалистами) московского завода «Платиноприбор». А когда цифровое обозначение упразднили (это случилось только в 1958 году), он стал называться Свердловским заводом по обработке цветных металлов (СЗ ОЦМ); под этим именем его и знали горожане до того, как он переехал из центра Екатеринбурга за околицу Верхней Пышмы. Насколько корректно называть платину и другие металлы платиновой группы, а также сплавы из них, просто *цветными* металлами – отдельный вопрос. Видно, не хотели афишировать, что на этом небольшом предприятии (занимавшем всего-то полквартала) выпускается продукция, без которой немыслима современная, тем более военная, техника: без этих не подверженных коррозии и термоустойчивых комплектующих не смогли бы работать ни моторы танков и самолетов, ни (уже в послевоенное время) атомные реакторы и космические ракеты.

Все эти подробности я рассказываю затем, чтобы читатель понял: завод № 170 был одним из ключевых предприятий советской оборонной промышленности не только в городе, но и в стране, так что поддержание жизнеспособности его работников тоже было, по существу, важнейшей оборонной задачей.

Человека, который умер по пути на работу в январе 1944 года, звали **Иван Павлович Осинцев**. Сведения о нем, которые удалось отыскать в разных источниках, скудны. Был он коренным екатеринбуржцем; в известной книге И.И.Симанова «Город Екатеринбург» зафиксирован Павел Александрович Осинцев – видимо, его отец, конторский служащий, помощник пробирера в Уральской химической лаборатории (которую нынче чаще вспоминают как золотосплавочную). Домовладельцем Павел Александрович не был, квартировал неподалеку от места работы – на улице Основинской, у вдовы коллежского советника Кругляшевой Марьи Ивановны. Про интересующего нас Ивана Павловича Осинцева в главной справочной книге дореволюционного Екатеринбурга, конечно, не сказано ничего, ибо к моменту переписи, проведенной городским головой И.И.Симановым в 1889 году, ему было только шесть лет. Известно, однако, из других документов, что он потом окончил два класса народного училища. Чем после того занимался, по сохранившимся документам установить не удалось, но резонно предположить, что каким-то образом двигался по житейской тропинке вслед за отцом – в кругу его интересов и знакомств. Во всяком случае, выглядит вполне логичным, что сын помощника пробирера в 1933 году, имея уже за плечами пятьдесят прожитых лет, устроился на работу на Свердловский аффинажный завод. Не знаю, на какую должность его вначале определили, но с мая 1936-го он работал счетоводом в контрольно-аналитической лаборатории. Должность была скромная, но у всех на виду: Иван Павлович ведал учетом труда, с ним выясняли недоразумения с начислением зарплаты и разных надбавок. В заводском архиве я видел несколь-

---

[135] *Соколова Галина.* «На заводе открыли больницу, а за цехами – кладбище». // Областная газета. 15.02.2020.

[136] Там же.

ко папок с ведомостями и иными документами, исполненными его четким почерком делопроизводителя-педанта. В партии он не состоял, в активистах не числился, трудовых подвигов не совершал.

Жизнь Ивана Павловича определяла, видимо, другая доминанта: он был заботливым и ответственным семьянином. К началу войны жил в своем доме на юго-западной окраине города, окруженный, как говорится, многочисленными чадами и домочадцами. Два его сына стали летчиками – армейская элита того времени, предмет гордости, моральная и даже материальная опора благополучия семьи. Но так случилось, что именно эта опора рухнула в самом начале войны. Если бы они просто геройски погибли на границе – жизнь Осинцевых в дальнейшем сложилась бы по-иному. Но они *пропали без вести*! Теперь-то, когда мы знаем о катастрофе первых часов войны, тут не видится никакой загадки: скорее всего, их вместе с их боевыми машинами накрыло шквалом свинца и огня, которым гитлеровцы начинали свой блицкриг. Но кто тогда готов был разбираться, чтобы вычленить этих жертв *вероломного* нападения из миллионов красноармейцев, так или иначе попавших в плен? Раз нет документальных подтверждений, что погибли, – значит, пропали без вести. И ближайшие родственники погибших летчиков утратили право пользоваться даже той скромной помощью, которую все-таки время от времени получали семьи воюющих или «достоверно погибших» фронтовиков.

В результате шестидесятилетний счетовод с зарплатой 400 рублей в месяц остался единственным кормильцем семьи из восьми человек (среди которых были и малолетние внуки). Его домочадцы получали продуктовые карточки иждивенцев, позволявшие им рассчитывать на 400–500 граммов хлеба в день, – но, кажется, это все, что они имели для пропитания. Бедственное положение старого человека не прошло мимо внимания партийных органов. Его имя появляется в одном из партийных донесений райкому еще летом 1942 года: «Сам он приносит на работу маленький кусочек хлеба, и т. к. ему не хватает, то он подбирает объедки»[137]. Даже вообразить не могу, какие он мог найти объедки в голодном 1942 году.

Случай этот был тревожный, но не исключительный: в том же документе, можно сказать через запятую, сообщалось о слесаре механического цеха Федоте Борисовиче Истомине, из крестьян, малограмотном, но «хорошем исполнительном работнике», у которого на иждивении была семья из шести человек. У него «сначала опухли ноги от недоедания, а затем это перешло в болезнь сердца и почек».

Эти два примера приводились в письме, адресованном в райком, но не затем, чтобы попросить помощи для этих бедолаг: не тот был «жанр». Не спешите обвинять партийного информатора в бездушии: это были только малые штрихи общего бедствия, преодолеть которое должны были помочь заводу партийные органы. Что-то они на самом деле после этого письма предприняли. Помогло ли это как-то Осинцеву и Истомину? Трудно сказать; во всяком случае, Федот Борисович упоминается в некоторых послевоенных документах, значит – выжил. Но он был помоложе, еще пятидесяти не исполнилось. Иван Павлович, как видите, еще полтора года протянул... Между прочим, ему пыталась помочь П.П.Мухина, начальник лаборатории. Она попросила помощника начальника завода по кадрам выделить для несчастного старика «пропуск УДП» (аббревиатура значила: *усиленное дополнительное питание*, а расшифровывали ее заводские остроумцы: *умру днем позже*). Тот раздумчиво заметил, что «все равно его уже бесполезно поддерживать, он все равно умрет», – и в пропуске отказал[138]. Когда же Иван Павлович *ожидаемо* умер, завод, как принято было говорить, «не остался в стороне». Начальник предприятия Ф.А.Панов дал такую справку партсобранию: «Семье Осинцева через продснаб дали 2 л[итра] водки и сделали гроб, но его никто не взял»[139]. Была ли востребована водка, он не сказал.

И снова призываю: не спешите обвинять директора или его помощника в бездушии; я уже говорил в одной из предыдущих глав и снова повторю: здесь уместней применить емкое и многогранное по смыслу словечко, придуманное в конце 1980-х Евгением Евтушенко: *притерпелость*. Это был тот уровень жизни, на котором страна оказалась вследствие многих причин, зародившихся до войны, даже до революции, и многократно усугубившихся в обстановке войны. Так жили – иначе не умели, да и не выжили бы. Это подтверждается необозримым множеством примеров.

Вот один из них. Заурядный провинциальный заводик расхожих лекарственных средств (травные настойки, бинты и т. п)., созданный в Свердловске в конце 1920-х годов, перед самой войной начали перестраивать на производство сульфамидных препаратов, синтезированных на кафедре УИИ под руководством профессора И.Я.Постовского. Наукоемкие химико-фармацевтические технологии были не под силу небольшому коллективу, состоящему процентов на девяносто из малограмотных женщин. И оборудование, обещанное наркоматом здравоохранения, не поступило в назначенные сроки. Чтобы продвинуть дело, на рождающийся в тяжелых муках химико-фармацевтический завод был буквально накануне войны высажен «десант» из сотрудников и аспирантов кафедры органической химии УИИ во главе с заведующим кафедрой, который по совместительству был назначен и заведующим заводской лабораторией.

Задача, которую им предстояло решить, была, по сути, *оборонная*, ибо еще с Крымской войны середины XIX века медики точно

[137] ЦДООСО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 41. Л. 42.
[138] ЦДООСО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 46. Л. 4об.
[139] Там же. Л. 5.

знали, что солдаты чаще гибнут не от самих ран, а от инфекций, проникающих в организм через эти раны. Знали, а бороться с бактериальными атаками не умели – достаточно эффективных антисептических средств в их распоряжении не было. Сульфидин, синтезированный под руководством И.Я.Постовского впервые в мировой практике, а вслед за ним другие сульфамиды, были восприняты медиками как почти чудодейственные средства, позволявшие вернуть к жизни и даже возвратить в строй тысячи и тысячи *обреченных* пациентов тыловых госпиталей. Можно понять, как ждали продукции «химфармзавода № 8» в госпиталях.

Как свердловские ученые-химики синтезировали препараты мирового уровня в кастрюльках, тазиках и эмалированных ведрах, впечатляюще рассказала Н.П.Беднягина, работавшая в составе того «десанта», а впоследствии доктор химических наук, профессор кафедры органической химии УПИ.

«Вот мы с Наташей Серебряковой хлорируем спирт прямо на заводском дворе. Хлорные баллоны тяжелые и ржавые, мы с ними еле справляемся. Если свернем нарезку, то хлор отравит не только нас, но и часть жилого квартала около завода. Слава Богу, все обходилось. Затем сырой 2-аминотиазол надо кристаллизовать из бензола. Я наливаю в ведро 8 литров бензола, загружаю пасту и ставлю нагревать на водяную баню, но не выше 70 градусов – бензол огнеопасен. Выношу ведро на заводской двор и сливаю раствор смолы в другое ведро для охлаждения и кристаллизации. (Надо сказать, что теперь бензол признан генетическим ядом, и в лабораторном практикуме сейчас студенткам не разрешается работать с ним. Но тогда об этом никто не думал). После этого остаются стадии синтеза более легкие и, наконец, перекристаллизация из воды драгоценного норсульфазола. Часто остаюсь ночевать где-нибудь в цехе у теплой трубы. Лишь бы сделать побольше, спасти побольше раненых. Ведь, может быть, среди них и мой муж.

<…> *Война идет к концу. Уже с радостью и надеждой слушаем мы голос Левитана из репродукторов. Наши войска освобождают город за городом. Но жестокий голод за все эти годы делает свое дело. Все мы в последней степени истощения, в тяжелой дистрофии. Мой вес 45 кг – я буквально скелет. Действительно, 600 г хлеба в день (и 400 г иждивенцу – матери), черного, мокрого, непитательного и ничего более… Была рада, когда достала для мамы на месяц карточки УДП (усиленное диетическое питание, а в нашем переводе «умрешь днем позже»). Это ежедневно поварешка мутной жидкости – супа – и ложка каши. За первой стадией голодания, когда ощущается легкость и невесомость, наступила вторая – полнейший упадок сил. Но все вытерпели»*[140].

Наталия Павловна Беднягина заступила на «фронтовую» вахту, когда ей было 27 лет, у нее была завершена кандидатская диссертация, но в начальный период войны было не до защиты. Однако в 1944 году руководитель, профессор Постовский, настоял, чтобы защита состоялась: кандидатская степень повышала ее шансы на выживание; мы уже имели случай убедиться, что государство ученых старалось сберечь. Впрочем, не всегда получалось: Исаак Яковлевич Постовский, научный руководитель Н.П.Беднягиной, создатель чудодейственного сульфидина и руководитель научного «десанта» на химфармзавод № 8, в конце войны попал в больницу с дистрофией в последней стадии.

И вот эти люди – скромный счетовод Осинцев, слесарь Истомин, будущий профессор Беднягина, будущий академик Постовский работали на Победу в немыслимых условиях до предела (и за пределом) своих физических возможностей. Никто их не подстегивал, они и сами не очень задумывались, почему им это нужно. Просто знали: иначе нельзя.

Самое любопытное, что это знали и те, у кого, пожалуй, и не было особого повода защищать свою неласковую Родину-мать.

«Враги народа» как защитники Отечества

Эвакуация была лишь одной из форм перераспределения рабочих рук между регионами. Кроме нее, широко использовались другие способы формирования трудовых контингентов. Сотни тысяч людей вербовали, мобилизовали в трудармии, отправляли на сезонные работы, перебрасывали строительные отряды за тысячи километров – туда, где в них была особая нужда.

Наиболее безотказным в этом отношении был «спецконтингент», которым распоряжался НКВД: подконвойная «рабсила» безропотно направлялась туда, куда трудно заманить «вольнонаемных»: на Крайний Север, в болотную глушь, на необжитые пустыри вдали от населенных мест. Едва ли какая-нибудь значительная стройка военных лет обошлась без «спецконтингента» из ведомства НКВД.

Однако «зэки» выполняли не только «черную» работу на лесоповале или рытье котлованов, но и сложнейшие научно-инженерные задания в так называемых «шарашках».

Одна из таких «шарашек» – особое конструкторское бюро (ОКБ), созданное еще в 1938 году из «врагов народа» в знаменитых ленинградских «Крестах». В этот специфический инженерный коллектив попал, будучи осужденным в 1939 году тоже по 58-й статье, **Михаил Юрьевич Цирульников**, в прошлом адъюнкт Ленинградской артиллерийской академии. Вскоре он эту «шарашку» и возглавил.

Высококвалифицированные «зэки» в «Крестах» занимались морской артиллерией, но в начале войны их этапировали в Пермь

[140] Исаак Яковлевич Постовский в воспоминаниях учеников и коллег. – Екатеринбург, 1998. С. 28, 29.

– на Мотовилиху (скрывавшуюся тогда под «псевдонимом» «завод № 172»), и там им пришлось сменить тематику.

На Мотовилихе, куда их привезли, были весьма серьезные традиции конструирования и производства артиллерийского вооружения. Именно здесь сразу по окончании МВТУ им. Баумана (в 1931 году) начал работать **Федор Федорович Петров** – будущий корифей советской конструкторской мысли в области артиллерии. Он начинал начальником технического бюро цеха, потом был назначен начальником сборочного участка, в 1938 году возглавил опытное конструкторское бюро, затем стал главным конструктором завода. Под его руководством на заводе был разработан ряд удачных конструкций, незамедлительно принятых на вооружение Красной Армии, в том числе популярнейшая в годы войны 122-миллиметровая гаубица образца 1938 года.

А в 1940 году Петров был переведен на Уралмаш, где пытались наладить пушечное производство, да что-то не клеилось. При участии талантливого конструктора из Перми дело пошло на лад: уралмашевский «мехцех № 2» скоро превратился в «завод № 9», который стал крупнейшим в стране поставщиком орудий для танков и самоходных артиллерийских установок, а сам Петров еще в годы войны был дважды отмечен Сталинской премией и званием Героя Социалистического Труда.

Но когда Федор Федорович Петров вынужденно оставил свое пермское КБ, оно погрузилось в глубокий кризис: за два года ни одна их новая разработка не выдержала испытаний и не была запущена в серийное производство. В такой ситуации перевод на Мотовилиху «шарашки» из «Крестов» стал для уральских пушкарей настоящим спасением. Правда, два конструкторских бюро в один коллектив не соединили, но у бывшего петровского О(«опытного»)КБ появился конкурент, заставивший их поднапрячься, а О(«особому»)КБ из «Крестов» (на Мотовилихе оно стало называться ОКБ-172 – по тогдашнему конспиративному имени завода) пришлось переключиться на «сухопутную» артиллерию, что тоже пробуждало у его работников дополнительный творческий стимул.

Руководство завода нередко пользовалось конкурентной ситуацией: поручало тому и другому КБ разработку одних и тех же систем, а потом придирчивые эксперты выбирали лучший вариант. Чаще побеждали заключенные: их пушки стреляли более кучно и лучше пробивали броню. Они и шли в производство.

В результате солдаты на фронте нередко воевали и побеждали оружием, которое было создано «врагами народа». Особой популярностью в войсках пользовались противотанковая «сорокопятка», полковая 76-миллиметровая пушка, корпусная 152-миллиметровая пушка. А ведь эти системы были разработаны конструкторами пермской «шарашки»!

Кстати, 152-миллиметровая пушка была позже модернизирована и применена для оснащения самоходной артиллерийской установки СУ-152, очень успешно дебютировавшей на Курской дуге. А когда по ту сторону линии фронта появились «неуязвимые», как похвалялись их создатели, «королевские тигры» и «пантеры», самоходка конструкции пермских «зэков» одним выстрелом срывала с них башни.

В 1943 году Михаила Юрьевича Цирульникова по ходатайству наркома вооружения Дмитрия Федоровича Устинова досрочно освободили из-под стражи (но не реабилитировали!) Еще во время войны бывший «зэк» получил свои первые ордена, в 1946 году был удостоен Сталинской премии, защитил кандидатскую диссертацию.

С 1946 по 1956 год он был главным конструктором завода – и все это, между прочим, с клеймом «врага народа», хотя вроде бы и «прощенного». При этом уехать в Питер, откуда его привезли, или в Москву ему не позволялось. Но, видимо, он уже и не очень рвался уезжать: Пермь стала его второй родиной; здесь продолжился его творческий путь: оставив должность главного конструктора артиллерийских систем, он поработал еще и в области ракетостроения. Потом более двадцати лет работал в Пермском политехническом институте: доцент, профессор, зав. кафедрой, профессор-консультант. В Перми он и умер в возрасте 83 лет.

Диверсанты-неудачники

Возвращусь к более раннему сюжету своего повествования. Эшелоны с оборудованием и персоналом промышленных предприятий двигались на восток, а что же немцы – спокойно наблюдали, как военно-промышленный комплекс СССР перемещается на новые места дислокации? Или все происходило так скрытно, что они просто ни о чем не догадывались?

Вернее предположить, что они не сразу поняли, что происходит, потому что ничего подобного в мире прежде не происходило, а интеллектуальный потенциал своих противников они со времен финской войны привыкли оценивать невысоко. Но не заметить быстрого и колоссального роста военной промышленности в восточных районах было им просто невозможно – и потому, что Красная Армия продолжала исправно снабжаться оружием, чего по плану «Барбаросса» быть уже не должно, и потому что разведка у немцев работала все-таки профессионально. Конечно, нельзя вообразить, чтобы где-нибудь в лесу или на чердаке близ свердловской Сортировки сидел немецкий агент с биноклем и рацией и отстукивал азбукой Морзе в какой-нибудь «Центр», сколько эшелонов с танками проследовало из Нижнего Тагила на запад. Ни одного подобного случая не зафиксировано на Урале за всю войну хотя бы уже потому, что портативных передатчиков такой мощности тогда не существовало. Но очень много можно было узнать, по-умному анализи-

руя показания красноармейцев, попавших в плен (увы, таковых было немало). Да и не могло не быть каких-то тайных соглядатаев в миллионном тогда Свердловске и в других разбухших от приезжего люда уральских городах.

Узнать про Тагил, Танкоград или Магнитку, при всей строгости режима секретности на «номерных» заводах, было относительно легко. Однако, узнав, как можно было вывести их из строя? Тут у немцев оставалась надежда лишь на какие-то диверсионные действия, и наши спецслужбы это понимали и предпринимали все, что могли, чтобы самую возможность диверсий свести к нулю[141].

Насколько масштабны были усилия немцев, чтобы использовать эту возможность, можно судить хотя бы по цифрам, которые приводятся в справочных изданиях: шпионов, диверсантов и террористов для советско-германского фронта готовили около 60 школ Абвера и СД. Причем готовили хорошо: и контингент для обучения подбирали тщательно – из числа завербованных пленных красноармейцев и так называемых белоэмигрантов, и обучали основательно, и экипировали выпускников, отправляя на задание, не жалея средств. Забрасываемые в тыл советских войск, немецкие диверсанты представляли реальную и немалую опасность. Однако до Урала от фронта было слишком далеко, так что достаточно достоверно известно лишь об одной за всю войну немецкой диверсионной группе, заброшенной на Урал, – об операции «Ульм».

Операция эта провалилась (да она, как признал в своих мемуарах ее организатор Отто Скорцени, изначально была провальной), но, как говорится, отрицательный результат – это тоже результат. Нынче она вызывает повышенный интерес у историографов Великой Отечественной войны как своим драматическим сюжетом, так и наглядным воплощением правды о том, сколь отчаянно сопротивлялась продвижению к наметившейся катастрофе гитлеровская Германия, осознавшая уже свой просчет не только с планом «Барбаросса», но и с оценкой эвакуации советской промышленности на восток. Еще не так давно эта диверсионная операция воспринималась, как смутная легенда, но в 2011 году о ней сняла в Перми видеофильм Анна Отмахова (оговорившись, впрочем, что знаменитая легенда про вражеских диверсантов послужила для нее «лишь поводом рассказать о Кизеле и его роли в Победе»[142]), а в 2015 году вышла книга историка спецслужб из Нижнего Тагила Владимира Кашина «Урал под прицелом. Операция "Ульм"».

Владимир Васильевич эту историю легендой уже не называет: ему удалось восстановить события во всех деталях и чуть ли не по часам. В содружестве с В.В.Кашиным нижнетагильский журналист Сергей Деревков в 2016 году снял телефильм «Крах операции "Ульм"». Так что нынче во всей этой истории остаются неясными разве что две детали. Почему все-таки «Юнкерс», который должен был доставить диверсантов Скорцени в район города Кизела, выбросил их с парашютами в тайгу, не долетев трехсот километров до цели? И был ли главный организатор операции «Ульм» «супердиверсантом», каким его, с его же подачи, представляют многие нынешние любителя военных приключений, или был этот самопиарщик и «любимец Гитлера» в разведывательно-диверсионных делах абсолютным профаном и «подвиги» его сродни приключениям барона Мюнхгаузена? Второе мнение, да, тоже существует, оно основано, главным образом, на внимательном прочтении мемуаров Скорцени, в которых много очевидных несообразностей. Но и провал операции «Ульм» – предметное тому подтверждение.

Для нас здесь, впрочем, оба эти вопроса совершенно не важны; важно лишь то, что такая операция действительно была, и замысел ее (как поначалу и замысел «молниеносной» победы над СССР) был не столь уж авантюрен. В основе его лежало признание руководством Рейха того факта, что они, привыкшие побеждать немцы, недооценили противника: славянские «недочеловеки» увели у них из-под носа (и, что, наверно, было для гитлеровских стратегов особенно обидно: у них на виду) главные предприятия, производившие для Красной Армии танки, самолеты, пушки, снаряды и прочую военную продукцию, и теперь все это работает в недоступном советском тылу, создавая железную и огненную волну, противостоять которой вермахт и люфтваффе уже не в состоянии. И что было с этим делать? Было бы поближе – отправили бы армады «Юнкерсов» и «Хейнкелей» с полными бомбоотсеками, чтоб стереть с лица земли эти ненавистные Уралмаш, Танкоград, Магнитку. Но за полторы тысячи километров?.. Они помнили, как им еще в начале войны не позволили разбомбить Москву, а тогда-то они были сильней и настырней. Можно было попытаться заслать в тыл диверсионные группы, но как бы те могли вывести из строя громадные, как мегаполисы, и хорошо охраняемые предприятия? И потому совершенно не глупой была их идея причинить серьезные повреждения линиям энергоснабжения, протянувшимся на тысячи километров от Перми до Магнитки в значительной части через такие территории, бдительно охранять которые было физически невозможно, а устранение таких повреждений на какой-либо труднодоступной территории было бы чрезвычайно трудной задачей. Читатель помнит, какие проблемы возникали в результате аварий в энергосистеме Урала, и может представить себе, что могли натворить диверсанты. Целью операции «Ульм» как раз и были такие диверсии.

Не суть важно, сам ли хвастливый Скорцени разрабатывал про-

[141] В воспоминаниях ветерана Уралэнерго А.Г.Коноваловой есть характерная деталь: «Около каждой двери (на электростанции. – В. Л). – охранник. На щит идешь – предъявляй пропуск, обратно возвращаешься – предъявляй пропуск» (Эта тяжелая работа – война. С. 168).

[142] http://www.permvrem.ru/polnoteksty/konets-operatsii-ulm-video.html

грамму подготовки этой операции или этим занимались серьезные профессионалы, работавшие под его началом, но подготовлены они были весьма основательно. Уже на последнем этапе из семидесяти матерых волков, прошедших высокоэффективную дрессуру, было отобрано тридцать «самых-самых». Их предполагалось десантировать с транспортных самолетов небольшими группами в разные промышленные районы Урала и даже в район Омска. Отправили, однако, лишь одну группу, «северную», из семи человек, но она потерпела сокрушительную неудачу, поэтому отправлять другие не стали. Тем дело и кончилось.

Что же случилось с «северной» группой? Главная для диверсантов беда заключалась в том, что их на 300 километров не довезли до места, где им предстояло совершать свои диверсионные действия: вместо пустынного таежного квадрата северней Кизела выбросили в Юрлинском районе тогдашней Молотовской (Пермской) области, на границе с Кировской областью, – тоже, однако, не менее безлюдном. Почему так случилось, остается лишь гадать: то ли штурман самолета ошибся, то ли летчик испугался, что не хватит бензина на обратную дорогу. При этом они, скорее всего, понимали безнадежность затеи, а русских вояк, переметнувшихся на сторону противника, им, конечно, не было жалко. Но ведь и сами не долетели до своего аэродрома; что случилось с этим трехмоторным «Юнкерсом», нынешним расследователям операции «Ульм» не удалось установить.

Высадка диверсантов состоялась в ночь на 18 февраля 1944 года; на Урале стоял лютый мороз, приправленный сильным ветром. Злосчастных злоумышленников, а также ящики с пищей и снаряжением, сброшенные на грузовых парашютах, разбросало в радиусе нескольких километров. И если сказать, что приземлились они неудачно, то это будут совсем не те слова. Один то ли напоролся на сук дерева, то ли запутался в стропах – так и не дотянулся до земли, помер где-то в подвешенном положении. Другой, напротив, приземлился так жестко, что не смог встать; пытался в отчаянии отравиться – и это у него не получилось: застрелился. Застрелился и третий, сильно покалечившийся при приземлении. А четвертого кто-то из подельников добил из соображений «гуманности» – чтоб не мучился.

Трое из семерых все-таки остались в живых и как-то даже сумели друг друга найти – правда, не сразу, а через несколько дней. А вокруг незнакомый лес, глубокий снег, мороз и никаких ориентиров.

Трудно поверить, но три месяца, аж до лета, они там блуждали – то ли подготовлены были так хорошо, то ли звериный инстинкт помогал выжить во что бы то ни стало. Припасы, сброшенные вместе с ними, они в конце концов нашли: большое количество взрывчатки, взрыватели, бикфордов шнур, рации, патроны, лыжи, аптечки, отлично подделанные советские документы, полмиллиона денег. Все, что предназначалось для совершения диверсий, они, как предписывалось инструкцией, припрятали, замаскировали, а взрывать-то в том безлюдном краю – что? Консервы, конечно, очень пригодились, но их не хватило. Ни деньги, ни документы не помогали. В конце концов, отощавшие и одичавшие, набрели они на людей – уже в Кировской области – и сдались властям. Один потом помер в Ивдельлаге, двое досидели до освобождения, даже ходатайствовали позже о реабилитации, но им, конечно, отказали.

Эвакуация совершилась, в основном, во второй половине 1941 года, а диверсантов сбросили в уральскую тайгу, когда война уже шла к завершению. Имеет ли отношение история с парашютистами к теме нашего повествования? Оказывается, имеет, причем самое непосредственное.

Владимир Викторович Кашин цитирует «циркулярное указание», полученное начальником Нижне-Тагильского отдела УНКГБ из областного управления в конце февраля 1944 года. Из его текста видно, что областные спецслужбы были давно и достаточно хорошо осведомлены по своим каналам о том, что в Берлине организуется диверсионная операция «Ульм» против уральской военной промышленности, имели сведения о ее планах и перемещениях и, в сущности, со дня на день ждали ее появления. То, что парашютисты высадились не там, где их ожидали, было, как мы видели, не обманным маневром, а роковой ошибкой исполнителей диверсионного плана, но если бы эта ошибка не была совершена, диверсанты все равно вряд ли успели бы что-то натворить до того, как их отловили бы.

На один фрагмент этой служебной записки стоит обратить особое внимание: «Состав группы комплектуется из военнопленных-электротехников и электромонтажников, родившихся или хорошо знающих Свердловск, Нижний Тагил, Кушву, Челябинск, Златоуст, Магнитогорск и Омск».

Логика организаторов диверсионной группы понятна: уральцам будет проще вписаться в уральскую среду (не то что выдуманному Штирлицу или реальному Николаю Кузнецову, направляемым к немцам), а их гражданская специальность поможет им справиться с диверсионной задачей: разрушить систему энергоснабжения уральских промышленных узлов.

Но сотрудники советской госбезопасности впервые столкнулись с этой логикой не тогда, когда узнали о готовящейся операции «Ульм», а с первых дней войны, если не сказать, что еще до того. Немецким спецслужбам не стоило большого труда найти и навербовать среди советских людей, так или иначе оказавшихся по ту сторону фронта, убежденных противников советской власти; а трудно ли было в той неразберихе новоиспеченных агентов внедрить в колонну беженцев или в толпу красноармейцев, выходящих из окружения? Это не «теоретическая возможность», а реальная

и распространенная практика. Так делалось! И если за всю войну с ночного уральского неба на территорию Урала было сброшено только семь диверсантов-неудачников, то сколько их могло появиться здесь (и наверняка же появлялись) с эвакоэшелонами, эвакогоспиталями, какими-то иными вполне «легальными» путями? Общественное мнение, с подачи литературы и кино, категорически осудило чрезмерную подозрительность «СМЕРШа» и других наших спецслужб, а как еще предложили бы им вы обеспечить государственную безопасность?

«Большая засоренность в области»

Начальник Управления НКВД по Свердловской области в годы войны «товарищ Борщёв» (так и только так – без имени и даже без инициалов – он фигурирует во всех документах) не столь прославлен, как «любимец фюрера» Скорцени. Сейчас вообще мало кто знает это имя, да и тогда должность его не была публичной. В его работе, похоже, не было озарений, остроумных оперативных решений, которые спустя годы вдохновили бы мастеров остросюжетного жанра на сознание бестселлеров. Он просто был дотошный служака и действовал по принципу «лучше перебдить, чем недобдить». Чаще получалось «перебдить», потому через толщу семи десятилетий он вовсе не смотрится героем. Тем не менее, прославленный авантюрист Скорцени оказался против него слабаком.

Тимофей Михайлович Борщёв (1901–1956) был русским кавказцем. Родился он в Бакинской губернии, окончил три класса городского училища в Тифлисе, «с младых ногтей» заразился революционными настроениями, с 1920 года начал работать в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД. Пройдя множество служебных ступеней в разных городах Кавказа и Закавказья, он в ноябре 1937 года стал заместителем наркома внутренних дел Азербайджана, а в июле 1938-го – наркомом ВД Туркменской ССР. В августе 1939-го один из секретарей туркменского ЦК написал докладную записку Сталину, где сообщил об аморальном поведении Борщева. Сталин наложил резолюцию: «Т-щу Берия. Обратите внимание. И.Сталин». Берия внимание обратил. Моральные прегрешения коллеги, видимо, счел извинительными, поэтому оставил Борщева на месте, зато, когда началась война (в июле 1941 года), перебросил ценного работника в Свердловск – здесь ожидалась более жаркая работа, чем в среднеазиатском тылу.

Главным достоинством Борщева в этой должности московское руководство, несомненно, считало бескомпромиссную жесткость. Даже в архивных документах нашло отражение то обстоятельство, что именно из-за этого стиля работы с ним резко конфликтовал тогдашний прокурор Свердловской области Виктор Иванович Сидоркин. Он сообщал в обком ВКП(б), что Борщев грубейшим образом нарушает постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года (в котором, в частности, говорилось, что «работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать более упрощенным способом, путем практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования» и что работники НКВД «так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых «лимитов» для производства массовых арестов»). «Это тяжелое обвинение является полностью клеветническим», – всякий раз решительно парировал глава Управления НКВД, и начальство, видимо, ему доверяло больше, чем прокурору, выступающему как бы в роли адвоката безвинно обвиняемых. В конце концов, беспокойного прокурора Сидоркина «отозвали», а Борщев оставался на своем посту до 1948 года (с июля 1945-го уже в звании генерал-лейтенанта). И, между прочим, за годы своего служения в Свердловске он получил четыре ордена: Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Красного Знамени и Ленина.

Наверно, он оставался бы здесь и дольше, но жадность его сгубила: во время денежной реформы в декабре 1947 года Борщев (вместе с группой других высокопоставленных лиц) был уличен в махинациях ради сохранения немалой, видимо, суммы на сберкнижке. Пожалуй, руководители обкома с ним уже и рады были, наконец, расстаться. Его вывели из состава бюро обкома, сняли с должности начальника Управления и отправили «в распоряжение отдела кадров МГБ», а там его уволили в запас. Полгода молодой военный пенсионер «отдыхал», потом устроился заместителем председателя Бакинского горисполкома; еще поработал, опять помаленьку поднимаясь в гору, в партийном аппарате ЦК Азербайджана и даже снова в МВД. Но карьера его окончательно рухнула после ареста его покровителя Берии. В январе 1955 года арестовали и Борщева; он проходил по делу Багирова, «азербайджанского Сталина» или «азербайджанского Берии», как его, уже низвергнутого, называли журналисты, и Борщев, как и Багиров, был расстрелян в мае 1956 года.

Все это, однако, будет потом, а на пике своей карьеры в Свердловске, на совещании 27 февраля 1942 года, «старший майор госбезопасности» тов. Борщев наставлял подчиненных следующим образом: «Надо понять, товарищи, что мы не живем вдали от фронта, пусть не кажется вам, что мы находимся сегодня в глубоком тылу, что если на нас не бомбят сверху, не поливают свинцом, то мы не уязвимы»[143].

В сущности, правильно говорил.

Любопытно, что совещание, на котором прозвучали эти слова, было посвящено вопросам пожар-

[143] Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 80.

ной безопасности. Да, эта сторона жизни тоже была под контролем УНКВД, и это было оправданно, потому что пожары представляли тогда не меньшую опасность, чем диверсанты. К тому же очевидно было, что диверсанты, при случае, не преминут воспользоваться плохой организацией противопожарной защиты. Пожаров было много: за 1941 год их зафиксировано 577, и они принесли суммарный убыток 1 510 263 рубля, а за январь и февраль 1942-го – 92 пожара с общим убытком 724 881 р. Но ни из доклада Борщева, ни из выступлений других участников не следовало, что диверсанты были в том как-то замешаны. Очевидные для всех причины даже и не обсуждались, акцент был сделан на плохой организации дела, граничащей с разгильдяйством, а еще на особых обстоятельствах...

Вот какой любопытный вопрос к докладчику зафиксирован в стенограмме совещания: «Как быть с такими фактами, когда у нас на заводах №№ 120, 183 и 381 имеются грубые нарушения правил противопожарной охраны и безопасности, исходящие исключительно от вышестоящих работников?

Вот, например, два факта: кислородная станция построена рядом с цехом без всякого разрыва; над кузнечным цехом строится мазуто-хранилище на 700 тонн мазута, вопреки всем существующим правилам. По акту записано, что строительство склада запрещено. Приехал нарком т. Малышев и заявил: "Строить без всяких разговоров". Как быть в таких случаях?»[144]

Но случай-то – не исключительный! Еще один участник совещания – видимо, руководитель пожарной охраны из Нижнего Тагила – пожаловался, что долго не мог пробиться на прием к Зальцману, недавно назначенному директором завода № 183. Но когда все-таки пробился, услышал от большого начальника: «Я приехал сюда не заплаты латать, а танки выпускать, и никакой помощи вам не окажу»[145].

[144] Там же. С. 82.
[145] Там же. С. 82об.

Эта коллизия очень наглядно показывает хозяйственный стиль, утвердившийся тогда в промышленности: каждый делает свое дело, добиваясь максимальной эффективности и никак не заботясь о том, что будут нарушены какие-то нормы и установки. Но если все будут рваться к цели столь же «раскрепощено», то в промышленности и в стране скоро и неизбежно воцарится хаос. Поэтому должна же быть какая-то организующая сила, которая вводила бы локальные устремления в рамки общего дела, имеющего общезначимую цель! Обуздывала бы всесилие тех же Малышева и Зальцмана, направляла их неуемную энергию в созидательное русло.

И товарищ Борщев ответил на каверзные вопросы своих подчиненных именно так, как ему и надлежало ответить: «По таким вопросам надо сейчас же связываться с партийными органами и руководством Управления». Он абсолютно точно (и в правильной последовательности) обозначил ту силу, которая организует всю жизнедеятельность страны, направляя ее к единой цели – на борьбу с врагом. Эта сила – не один какой-то орган, а неделимый тандем: партия (которая указывает цели) и госбезопасность (силовой орган, который принуждает всех неотступно следовать указанным партией курсом). Борщев прекрасно сознает свою роль в этом тандеме, ни «законник» Сидоркин, ни «танковый король» Зальцман, ни даже зам. председателя Совнаркома Малышев ему не указ; он имеет дело напрямую с обкомом и уверен в поддержке обкома.

И точно так же, как партия руководит всем, Управлению Борщева до всего есть дело. Противопожарная защита? Мы только что видели, что ей уделяется самое пристальное внимание.

Производство оборонной продукции? Не в меньшей степени! В этом отношении показательно, как придирчиво «чекисты» анализируют цифры выполнения планов по выпуску военной продукции. И всплывают весьма неприглядные факты.

Так, завод № 73 (Свердловский инструментальный) в феврале 1942 года отчитался о том, что собрано 40465 «изделий М-13», из которых принято военпредом 40087. На самом же деле, установлено службой госбезопасности, военпредом не принято 10700 штук. Это ж четверть всей продукции!

Нижнетагильский завод № 56 был уличен в больших приписках по производству артиллерийских снарядов, свердловский завод № 46 – в приписках боевых патронов.

И в этом духе – длинный список.

Есть там и флагманы: завод № 183 (директор Максарев) в мае 1942 года приписал 70 танков, в июне – 166 (при плане 500 машин!), в августе – 60. И Уралмаш (директор Музруков) в сентябре отчитался за выпуск 15 танков Т-34 (столько им и планировалось), на самом же деле не сдал военпреду ни одного! Все они доводились уже в октябре[146].

Затрудняюсь сказать, какую работу проводили «компетентные органы» с «очковтирателями». Наверно же, как-то их «постращали», но, видимо, не очень сильно, потому что хорошо понимали, что тем приходилось лавировать в сложнейшей ситуации: кадров не хватает, технологии не освоены, а людям нужно есть. И в «органах», и в обкоме относились к ним с пониманием, потому что по своим каналам имели исчерпывающую информацию о том, как шли дела на предприятиях. А может, еще и потому, что уличенных в грехах руководителей легче было держать в узде. Так или иначе, промышленность работала, фронт снабжался, «очковтиратели» получали награды.

Источники же собственной информации были предметом особой заботы органов госбезопасности. В этом плане тов. Борщев и на самом деле неукоснительно следовал установкам, которые содержались в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года: первостепенное значение придавал «агентурно-осведомительной

[146] См.: Там же. С. 281–288.

работе». Он, впрочем, говорил об «агентурном обслуживании» и требовал от подчиненных, чтобы таким «обслуживанием» были охвачены не только все промышленные предприятия и городские учреждения, но и село: «Мы должны поставить перед каждым районным и городским отделом, которые обслуживают деревню, чтобы каждый колхоз, МТС и совхоз были обеспечены осведомлением и агентурой, причем на каждый сельсовет иметь минимум одного резидента, а если колхоз или сельсовет большой, то в зависимости от потребности»[147].

Начальник УНКВД области негодовал по поводу того, что «ряд важнейших объектов агентурой не обеспечены» и приводит для примера одно из подразделений станции Свердловск-сортировочный, где работает около 1600 человек, а «на связи осведомления» там – всего-то 32 человека: один резидент, 13 осведомителей и 19 противодиверсионников. А в кузнечном и колесном цехах и на вагонном участке агентуры нет совсем![148]

Судя по всему, народ неохотно шел в осведомители, да и осведомители, по собственному признанию Борщева, например, на железной дороге, на 80 процентов не работали. Наверно, и в других местах не очень старались.

Но что именно отслеживали осведомители? Ну, «если кто-то кое-где у нас порой», – это само собой разумеется. Но задачу видели не столько в том, чтобы раскрыть виновников уже случившегося, сколько в профилактике. Поэтому следили за теми, кто вызывал подозрение. За «бывшими», «классово чуждыми», принадлежащими к «неблагонадежным» национальностям. Эффективность слежки оценивали по тому, насколько много «враждебных элементов» удалось уличить. Выступая на совещании, Борщев критикует недостатки работы своих подчиненных: «За 14 месяцев по районам арестовано 212 человек в 50 районах Свердловской области, в среднем по районам примерно 5 человек. Это курам на смех. Большая засоренность области и такое количество арестов объясняется плохим состоянием агентурной работы»[149].

Обратите внимание на эту «засоренность»: сорную траву, мол, – с поля вон!

И все же надо отдать должное: не «рвали» подряд, а следили – «разрабатывали». Держали под наблюдением, но арестовывать не торопились, иначе работать будет некому. Так, за девять месяцев 1942 года в области арестовали 816 человек, а «разрабатывали» 15207 из числа эвакуированных[150]. А эвакуированные исчислялись сотнями тысяч.

Однако за какие провинности все же арестовали этих 816 человек? В документе дается расшифровка: измена родине и шпионаж – 80; террористы – 20; диверсанты – 14; повстанчество – 137; «к/р агитация» – 426; прочие преступления – 139[151].

Любопытно, что эти цифры я взял из справки о «пресечении вражеских намерений», то есть речь идет не столько о преступных действиях, сколько о намерениях совершить какие-то поступки. Ну, а как судили о намерениях? Тут открывался широкий простор для интерпретации поведения, а в особенности неосторожно произнесенных слов. Вот почему больше половины «преступлений» составляла «к/р агитация».

А что кроется за словом «повстанчество»? Неужто кто-то в разгар войны в глубоком уральском тылу пытался поднять народ на свержение власти?!

Но, оказывается, был случай, допускавший такую интерпретацию. В ноябре 1941 года из Севураллага (близ Сосьвы) бежала группа заключенных – шестеро латышей и эстонцев, привезенных туда еще в 1940 году. Их поймали, и они признались, что в лагере готовится восстание, участники которого рассчитывают не просто освободиться, но перейти линию фронта (до которой, между прочим, больше двух тысяч километров!) и вступить в войну на стороне гитлеровцев. По наводке несостоявшихся беглецов в лагере были произведены аресты, под следствие попали крупные фигуры: три бывших министра (один из них какое-то время был послом Латвии в СССР, другой – личный друг Ульманиса), три генерала, торговцы, крупные землевладельцы, бывшие офицеры, полицейские, политики. В отношении 65 человек следствие рекомендовало «высшую меру»...

Есть все основания подозревать, что и «террористы», и «диверсанты», и прочие «преступники», выявленные органами госбезопасности в том драматическом 1942 году, в большинстве своем были, ну, скажем так, не совсем настоящие.

Не углубляясь особо в эту тему, приведу еще один выразительный пример.

Был в истории свердловских служб безопасности такой случай. Где-то в первые месяцы войны в Нижнем Тагиле появилась листовка-воззвание, написанная от руки: «От имени обездоленного русского народа призываю всех рабочих, интеллигенцию и воинство встать на защиту русского народа от шайки бандитов – коммунистов, возглавляемых обербандитом Сталиным.

23 года назад обманным путем коммунисты пришли к власти, обещая легкую радостную жизнь и всевозможные свободы (слова, печати, равенства и т. д)..

Что дала русским людям Советская власть – коммунисты? Ответ: ужасную, никогда небывалую нищету и голод...»

Ну, и далее[152] – в духе диссидентов 1970-х – 1980-х годов. По существу, может, и верно, но примерно так же «ко времени», как «антибольшевистское» выступление генерала Власова, переметнувшегося к немцам в самый напряженный момент войны. Вдо-

[147] Там же. С. 91.
[148] См.: Там же. С. 108–109.
[149] Там же. С. 89.
[150] См.: Там же. С. 221.
[151] См.: Там же. С. 234.
[152] Оригинал хранится в ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20051. Л. 117-117об.

бавок на листовке еще свастики были нарисованы.

Автора листовки нашли – им оказался инженер Нижнетагильского завода им. Куйбышева, из дворян, ранее судимый по политическим мотивам. На какой практический результат он мог рассчитывать, сочиняя свое воззвание? Разве что на самосуд, который ему могли устроить матери солдат, ушедших на фронт. Судя по всему, это был неадекватный человек; его «изолировали» на десять лет (по статье 58–10) и тем самым, может, спасли. А в 1956 году его даже реабилитировали.

Но, между прочим, этот пример лишний раз показывает, что советское общество, вступившее в самую беспощадную войну, отнюдь не было монолитным, как твердилось в официальных реляциях. История его к тому времени была совсем не длинная, вся на памяти – и кровавая резня времен Гражданской, и бандитский передел собственности, и обманутые надежды, и разоренная деревня, голод, нищета, и безумное цветение новой, советской бюрократии, и совсем недавние массовые репрессии... Когда Гитлер утверждал, что «колосс на глиняных ногах» рассыплется от первого же сильного удара германских войск, у него были на то резоны. И партийное руководство СССР, и органы госбезопасности вполне трезво оценивали обстановку. Задачей партии было убедить народ в том, что победить гитлеровское нашествие – это общая задача, и альтернативного решения она не имеет. А задача НКВД заключалась в том, чтоб не допустить самой возможности думать иначе. И сколь ни абсурдными выглядят сегодня все эти обвинения в шпионаже, «к/р агитации» и прочих «грехах», сколь ни унизительным кажется «обслуживание» осведомительством, но приходится признать: без этого тоже могло не быть нашей трудной и расточительной Победы.

4. Наскоро, но и впрок

Уральские грузовики

Когда в октябре 1941 года возникла опасность сдачи немцам Москвы, было принято решение эвакуировать Московский автомобильный завод, носивший тогда имя Сталина (ЗИС), на Волгу, в Ульяновск. В Ульяновске крупное предприятие принять полностью не смогли и важную его часть – моторное производство – переадресовали на Южный Урал. В Миассе еще до войны начинали строить некий оборонный завод, но строительство пришлось прервать на полпути. Сюда, на площадку с недостроенными заводскими корпусами, и направили московских автозаводцев.

Эшелоны с оборудованием – примерно две тысячи вагонов и платформ – начали прибывать к месту назначения в середине декабря. Они прибывали в случайной последовательности – не так, как было бы удобно для распределения оборудования по цехам. Иногда вместе со своими на завод приходили и «заблудившиеся» вагоны с оборудованием других заводов. При этом не было никакой погрузочно-разгрузочной техники – все подряд сгружалось вручную прямо в снег. Пространство возле подъездных путей было забито станками, деталями, заготовками и откровенным металлоломом. Когда подходила очередь устанавливать какой-то станок в формирующемся цехе, его не без труда отыскивали в этом хаотическом нагромождении металла, погружали на большой железный лист и тащили волоком, впрягшись человек по тридцать, на место – на расстояние до 400 метров, а в иных случаях и больше. Еще ладно, если он оказывался исправным, а то ведь нередко приходилось ремонтировать. Оборудование, на котором изготавливались детали взамен утраченных или поврежденных, пришлось установить под открытым небом на клетях из деревянных шпал.

В конце концов производственные линии выстраивались, подключались к электропитанию, и работа для фронта начиналась. А параллельно еще достраивали стены, вершили крышу. Для некоторых производственных подразделений строили здания с нуля, но с какой скоростью! Со строительством корпуса инструментального цеха управились за три недели; за неделю построили здание электрической подстанции, а высоковольтную линию к ней длиною 18 километров протянули (на деревянных опорах) за 14 дней.

Оборудование первого цеха нового миасского завода опробовали в работе уже в марте 1942 года, а в апреле запустили конвейер. Это не значит, что с той поры все у них пошло гладко. Сохранились цифры: план 1942 г. по сборке моторов завод в Миассе выполнил на 77,5%, план сборки коробок скоростей на 71,4%, изготовления запасных частей для автомобилей на 26%. Детали по межзаводской кооперации составили только 46,2% от плана. Общий план заводом был выполнен на 85,4%. В чем же дело? Неужто они там, в тылу, на самом деле «прохлаждались и бездельничали»?

Причины были, конечно, в другом: недоставало сырья, материалов, плохо (в силу форс-мажорных обстоятельств) была налажена связь с предприятиями-смежниками, недоставало стабильности в энергоснабжении, слишком часто от перегрузки выходило из строя оборудование. Остро не хватало и рабочих рук.

Между прочим, отставание от плана усугублялось еще и большими затратами времени и средств на перевозки: расстояние от Миасса до Ульяновска около тысячи километров, а ведь, применительно к автозаводу, это было расстояние как бы между цехами одного предприятия. Поэтому в феврале 1943 года ГКО перевел и производство автомобильных шасси из Ульяновска в Миасс. Так возник УралЗИС – автозавод полного производственного цикла. Летом 1944 года с его конвейера пошли на фронт знаменитые «зеленые трехтонки» ЗИС-5В. А 30 сентября, как зафиксировано в

анналах завода, с конвейера сошел уже 1000-й автомобиль.

В этой истории все характерно: и неразбериха с эвакуационными перевозками, и «египетский труд» по погрузке и разгрузке оборудования, и пренебрежение техническими условиями и техникой безопасности, и трудности становления производства на новом месте. Но я хочу сейчас обратить внимание на другое: созданный в силу военной необходимости и в результате эвакуации, под влиянием всей гаммы неблагоприятных обстоятельств, Уральский автомобильный завод укоренился, невероятно быстро наладил конвейерное производство. Его неприхотливые грузовики подвозили боеприпасы на позиции переднего края на всех фронтах, перебрасывали пехоту, на его платформе монтировали даже грозные «катюши».

А после войны, уже никак не зависящий от своего прародителя – Московского автозавода, – УралЗИС успешно нарабатывал собственный опыт, утверждался в качестве одного из лидеров отечественного автопрома. Его продукция использовалась во всех сферах народного хозяйства – от уборки городских улиц до высадки таежных десантов; особенно широкое применение миассовские «Уралы» нашли в оборонной сфере: они сгодились не только для перевозки боеприпасов и других военных грузов, но также для установки боевых ракетных комплексов, бронированных фургонов для личного состава; они успешно проходили и по набухшей от дождей осенней пашне, и по метровому слою снега, преодолевали водные преграды полутораметровой глубины и тридцатиградусные подъемы.

Миасский автозавод сумел преодолеть «лихие девяностые» и пробиться со своей продукцией на мировой рынок[153]. Нынешние грузовые «Уралы» – это и самосвалы, перевозящие 15 тонн щебенки, и автопоезда грузоподъемностью до 60 тонн, и разного рода «спецтехника» для поддержания международного и общественного порядка. Сегодня продукцию уральского автозавода покупают более сорока стран мира. Даже, по сведениям из Интернета, грузовик из Миасса с 2012 года работает на уругвайской научной станции в Антарктиде.

Эта история – не исключение из правил, а именно правило: принимая эвакуированные предприятия, Урал обустраивался не только на время лихолетья, но и с видом на жизнь, предстоящую после Победы. Уральская промышленность в годы войны, работая на оборону, обретала новые возможности и новые перспективы, осваивала более совершенные технологии и создавала отрасли производства, которых ранее не было на Урале, а порой и в стране.

Мотоциклетная столица России

Крестьянское поселение Ирбитская слобода появилось за 92 года до того, как капитан В.Н.Татищев определил место строительства нового железоделательного завода на реке Исети, но статус города Ирбит и Екатеринбург получили почти в одно время: в 1775 и 1781 годах. Однако два города, равно прославленных в период освоения Российской империей просторов и богатств Среднего Урала, никогда не соперничали между собой. Им изначально были предначертаны разные роли и разные пути развития, что отразилось в символах, запечатленных на их первых гербах, утвержденных еще Екатериной II: Меркуриев жезл у Ирбита и атрибуты железоделательного производства – рудная шахта и плавильная печь – у Екатеринбурга. Ирбит прославился и разбогател своей ярмаркой, а в Екатеринбурге обосновался главный начальник уральских горных заводов. Ставка на промышленное развитие богатого природными ресурсами края наполнила невиданной по масштабу энергией роста город на Исети, а Ирбит волею обстоятельств (а вернее – промышленников) оказался в стороне от железнодорожной магистрали, связавшей Урал с Сибирью, и это означало, что оказался он в стороне от прогресса. Несколько десятилетий городские чиновники изыскивали возможности связать торговую столицу Урала с общероссийской сетью железных дорог, и это получилось в конце концов – в самый канун революции 1917 года[154]. Во время Гражданской войны и «военного коммунизма», конечно, было не до ярмарки, однако в 1922 году она возродилась, прослужила нэпу до 1929 года, но «год великого перелома» (то есть начало сплошной коллективизации) окончательно ее добил[155].

Ирбит должен был сменить род занятий, найти иное место в социально-экономическом раскладе Уральского региона. До революции он был уездным городом – и с 1924 года стал центром Ирбитского района; но административная функция не могла прокормить его даже сильно поубавившегося, десятитысячного всего лишь, населения (ярмарка кормила и двадцать тысяч). Положение должна была поправить индустриализация – и она не обошла старинный купеческий город.

Первенцем ирбитской индустриализации стал диатомитовый комбинат. Диатомит – осадочная горная порода, похожая на мел; близ Ирбита обнаружились его большие залежи. Этот природный материал имеет разнообразное применение; в Ирбите, особо не мудря, стали делать из него кирпич для уральских строек первых пятилеток, так что новое градообразующее предприятие называли и проще – кирпичным заводом.

Годом позже в опустевших ярмарочных павильонах оборудовали первый в стране завод по

[153] К слову, «прародитель» его, московский завод (бывший имени Сталина, а потом Лихачева), попартнерствовал с заграничными инвесторами, но Европе конкуренты не были нужны, и старейшее отечественное автостроительное предприятие прекратило свое существование. Нынче его территория застраивается элитными жилыми комплексами и торгово-развлекательными центрами.

[154] История – Ирбитская ярмарка (irbit-yarmarka.ru)

[155] В 2003 году ее возродили, но это уже совсем другая история.

производству багеров – своего рода экскаваторов для добычи торфа. Еще в предвоенные годы багерный завод переключился на производство автотракторных прицепов.

Получив эти два предприятия, центр сельскохозяйственного района в число лидеров промышленного развития края не вошел, но хозяйственная жизнь его заметно оживилась, население снова стало расти и к началу Великой Отечественной войны превысило 20 тысяч. Столько жителей было в Ирбите в 1913 году, когда он жил еще ярмаркой и надеялся обрести второе дыхание с завершением строительства железной дороги. Железная дорога, однако, дотянулась до города в тот момент, когда ни ввозить, ни вывозить из него стало практически нечего. Зато как кстати она оказалась, когда началась эвакуация осени 1941 года! Под воздействием ее город действительно обрел второе дыхание, и это видно уже по тому, что за годы войны население Ирбита увеличилось вдвое, а продукция, которую отсюда стали вывозить, пользовалась спросом (даже и сейчас пользуется) во многих странах мира, в том числе и в Соединенных Штатах. Речь о мотоциклах.

Говоря упрощенно, в «войне моторов» железный двухколесный «конь» должен был заменить живую лошадь. Не во всех, конечно, отношениях: что-то я не слышал о «мотоциклетных атаках», которые пришли бы на смену кавалерийским; не прижился мотоцикл и для транспортировки артиллерийских орудий. Но самому мне, автору этих строк, довелось видеть (в раннем детстве, конечно), как расположилась в селе отступающая красноармейская часть: на колхозном дворе стояли какие-то повозки, полевая кухня на конной тяге, а рядом на широком лугу паслись распряженные кони. То ли ночью, то ли рано утром красноармейцы ушли, а где-то ближе к обеду в село вступили немцы. Колонна завоевателей двигалась на мотоциклах: грязно-зеленые мундиры с закатанными до локтя рукавами, грязно-серые, густо покрытые дорожной пылью лица со сверкающими белками глаз – и оглушающий рев сотен моторов. Я наблюдал это зрелище через приоткрытую калитку в течение нескольких минут (пока мать не утащила меня в дом), но запечатлелось в памяти оно на всю жизнь. Моторы, почти не встречая сопротивления, теснили живых коней.

Горы книг написаны о том, какие баталии разыгрывались в советском руководстве по поводу характера будущей войны; нет нужды к ним здесь возвращаться. Замечу лишь, что проблемой мотоциклов тогда, пожалуй, никто всерьез не озаботился.

Вообще-то, в СССР они производились. Даже порой казалось, что они претендуют на статус символа новой, машинной эпохи в жизни страны. Во всяком случае, с чего бы еще героиня Марины Ладыниной в фильме «Богатая невеста», колхозный бригадир, разъезжает по полям на мотоцикле? И подросток Тимур в кульминационной сцене фильма 1940 года «Тимур и его команда» мчит свою приятельницу Женю на Л-300 – первом советском крупносерийном мотоцикле, который выпускался в Ленинграде с начала и почти до самого конца 1930-х годов. «Железные кони» даже продавались населению, но поступали и в армию. И, конечно, замечательно смотрелся на мотоцикле красный командир (в исполнении Евгения Самойлова) в фильме «Сердца четырех».

Но к производству мотоциклов тогдашняя советская промышленность только еще приспосабливалась: не имея серьезных отечественных традиций, присматривали то один, то другой зарубежный образец, более или менее тщательно его копировали, адаптируя при этом к своим производственным возможностям, а убедительного результата все не получалось: и мощности у «железного коня» недоставало, и проходимость по отечественному бездорожью была не очень, и постоянно в нем что-то ломалось. В общем, для колхозного поля худо-бедно годились, для киноэкрана тем более, а для армейской черновой работы нужно было что-то более надежное и мощное. И только в 1939 году руководители советской «оборонки» «положили глаз» на немецкий мотоцикл BMW R-71: он уже в массовом количестве производился для вермахта, был проверен на фронтовых дорогах и по всем статьям значительно превосходил все то, что выпускалось до той поры советскими заводами. Делом техники было раздобыть пять новеньких экземпляров (источники сходятся на том, что через нейтральную Швецию) и, досконально их изучив, разработать полный комплект технологических документов для их производства.

Не будем слишком щепетильны в отношении моральной стороны дела: в предвидении неизбежной большой войны позаимствовать у потенциального противника удачную военную разработку не считалось зазорным даже в самых «высокоморальных» странах (каковых тогда в мире, в общем-то, и не было). Признаем лучше, что эта акция в конечном счете оказалась вкладом в нашу трудную победу и, значит, была законной мерой, предваряющей грядущее немецкое «вероломство». При этом надо отдать должное советским инженерам: подготовка к производству мотоцикла М-72, двойника немецкого BMW, от утверждения образца для копирования (в августе 1940 года) до представления первых экземпляров, произведенных уже «дома», советскому генералитету (в марте 1941-го), заняла чуть больше полугода, и результат получился даже лучше ожидаемого. «Сверху» была отдана команда немедленно приступить к производству столь замечательной машины сразу на трех машиностроительных заводах – в Москве, Ленинграде и Харькове, да еще с привлечением смежников для изготовления моторов и ряда других комплектующих. Предполагалось уже в 1941 году произвести для Красной Армии 30500 экземпляров М-72. И если бы Сталину уда-

лось (как он очень рассчитывал) оттянуть начало войны еще на годик, то не немецкие мотострелки на BMW торили бы наше бездорожье, а красноармейские мотоколонны двигались бы с ветерком на М-72 по европейским автобанам.

Но, как докладывал В.А.Малышев, в то время нарком среднего машиностроения, на заседании Совнаркома за две недели до начала войны, запуск массового производства мотоциклов из-за разных неувязок, недопоставок и недосогласований отставал от заданных сроков на месяц-полтора. Всего-то! Но немцы, как известно, начали войну «вероломно», при этом все три советских мотоциклетных завода очень скоро оказались в «угрожаемой» зоне. ГКО еще в июле распорядился вывезти производство мотоциклов из Харькова и Ленинграда в Горький, а Московский мотозавод, задержавшийся на своем месте до конца октября (успели-таки выпустить 1090 экземпляров мотоциклов), рассмотрев разные варианты, – в Ирбит. Вместе с производственными подразделениями туда же уехало и головное конструкторское бюро.

С Горьким понятно: это был один из главных промышленных центров еще в дореволюционной России, а почему местом назначения для москвичей выбрали центр сельскохозяйственного района, который в годы индустриализации обогатился еще и большим кирпичным заводом? В Интернете я нашел простое объяснение[156]: оказывается, рассчитывали, что подходящей площадкой для размещения мотоциклетного производства станет недавно сформировавшийся завод автотракторных прицепов. Наверно, так бы и вышло, но когда москвичи прибыли в Ирбит, оказалось, что там успел разместиться кто-то другой. Стали искать вариант – и, как говорится, положили глаз на корпуса (производственные, складские и административные) пивоваренного завода.

К слову, напомню, что А.Б.Аристов, секретарь Свердловского обкома ВКП(б) военных лет, спустя десятилетия гордился тем, что сумел не допустить закрытия пивзавода в Свердловске: от него была польза и в самые напряженные моменты войны. Между прочим, свердловский – **Исетский** – пивзавод имел генетические связи с Ирбитским: тот и другой основали известные предприниматели братья Злоказовы. Сначала в ярмарочной столице – еще в 1879 году, где их начинание очень даже пришлось к месту и обеспечило стабильную прибыль, а почти тридцать лет спустя, поднакопив капитал, в 1907 году, – в Екатеринбурге.

Так что же, за Ирбитский пивзавод никто не заступился? Еще как заступился: городские власти категорически возражали против закрытия этого, казалось бы, очень далекого от оборонных задач предприятия. Но москвичи, добиваясь своего, дошли до самого Г.М.Маленкова: он был фактически вторым лицом в государстве. Тот принял сторону мотоциклостроителей: фронту безотлагательно нужна новая техника. И пивзавод закрыли до лучших времен, то есть до конца войны.

Конечно, для размещения машиностроительного предприятия пивоварня не очень годилась, но выбора не было, и приходится лишь дивиться тому, как быстро москвичи развернулись: первый эшелон с оборудованием ММЗ пришел в Ирбит в декабре 1941 года, а 25 февраля 1942 года первая партия ирбитских мотоциклов была отправлена на фронт. Началась история, продолжающаяся по сей день.

В истории этой, если ее рассматривать пристально, задумываясь над причинами и следствиями, можно обнаружить родовые черты советской, а потом и постсоветской экономики. Конструкторы ИМЗ в годы войны выбросили из головы самую память о связи советской реинкарнации мотоцикла с его немецким прообразом и обращались с «приемным детищем», как с любимым родным дитятей: грамотно и успешно учили его служить своей армии, своему народу. Было создано много модификаций – и нечто вроде легендарной тачанки с пулеметом «максим» в коляске, и с зенитной установкой, и с огнеметом, и с полевой кухней, и на гусеницах, и на лыжах... До показателя 30 тысяч экземпляров в год (как предполагалось в канун войны) не дотянулись даже совместно с другими мотоциклетными заводами страны (Горьковским, с подключившимися позже Ижевским, Киевским): за всю войну сделали не более десяти тысяч. Но ситуация менялась, перераспределялись функции между разными мотоциклетными заводами (а иные переключались на другую продукцию). Для Ирбитского завода в первые послевоенные годы построили новые корпуса (а в пивоварне снова начали варить пиво); уже многоопытные к тому времени конструкторы создали свою модель – «Урал» во множестве модификаций, и модель эта, особенно в трехколесном варианте, пошла и в народное хозяйство, и на экспорт, и в частные руки. Для многих на селе мотоцикл «Урал» стал «тягловой лошадкой»: с ним и в поле, и в дальний луг за сеном, и в лес по дрова, и на рыбалку, и в гости...

Как уверяют историки завода, выпуск мотоциклов «достиг к 1993-му более 130 тысяч в год. По дорогам России и всего мира колесит более трех миллионов мотоциклов ирбитского производства. Завод стал градообразующим предприятием, наполняя городской бюджет до 70 процентов. Половина (более 10 тысяч) экономически активного населения города работала на ИМЗ»[157].

Потом случился экономический обвал 1990-х... Пройдя серию банкротств и разного рода реинкарнации, завод продолжает существовать и сегодня, но он уже далеко не тот. Мотоциклы выпускает малыми партиями – по 20–30 штук, и они идут в основном на экспорт. Где-то процентов на 70

[156] Ирбитский мотоциклетный завод «Краеведение. Библиотечная система город Ирбит» (biblio-irbit.ru).

[157] Там же.

(если не больше) они собираются из импортных деталей. Не очень понятно, почему их покупают в развитых странах (и даже более всего в США): то ли из-за неприхотливости и надежности, то ли для экзотики. На статус градообразующего предприятия нынешнее ОАО «Уралмото» никак не тянет: там работает меньше 150 человек (притом что население города, по данным Интернета, в 2021 году составляет больше 36 тысяч). Тем не менее и сегодня в любом уголке России, если спросить про Ирбит, вспомнят не про ярмарки (хоть они как будто возродились), а про мотоциклы.

Свято место пусто не бывает

На эту повторяющуюся ситуацию нельзя не обратить внимание. Прибыл в Ирбит Московский мотоциклетный завод, рассчитывая расселиться на территории завода автотракторных прицепов, – а его место уже занято. Когда же он под нажимом самого Г.М.Маленкова вселялся в помещения пивоваренного завода, остановленного по этому случаю до конца войны, из Подмосковья уже ехал эшелон с оборудованием и работниками предприятия, которому были обещаны производственные площади, освобождаемые (все-таки иного не допускалось!) пивоварами. И подобные накладки случались довольно часто.

Я уже говорил, что мотоциклетному заводу в помещениях, рассчитанных на производство продукции совсем иного рода, было неуютно. А вот претендентам, которым перешли дорогу строители мотоциклов, оно бы очень подошло, поскольку они не занимались металлообработкой, не собирались выстраивать конвейер и т. п. Как и пивовары, они что-то кипятили в котлах, фильтровали, перегоняли, смешивали...

Говоря без экивоков, в расчете на помещения пивоваренного завода в Ирбит из Старой Купавны, что недалеко от подмосковного Ногинска, направлялось оборудование и персонал химико-фармацевтического предприятия «Акрихин»: 50 вагонов и платформ с «железками» и 150 человек в трех пассажирских вагонах. Они выехали в 20-х числах октября, провели в пути 8 дней и прибыли в Ирбит где-то в самом начале ноября. Прибыли, вообще говоря, даже раньше, нежели первый эшелон мотостроителей, но эмиссары ММЗ давно уже были на месте, отвоевали помещение и готовили его к монтажу оборудования. Вопрос был решен «на самом верху» и, хоть в эффективных лекарствах страна, и фронт в особенности, нуждались не меньше, нежели в мотоциклах, что-то перерешить было уже нельзя.

Начальником акрихиновского эшелона директор, оставшийся в Старой Купавне, назначил **Екатерину Васильевну Швецову** – инженера-химика, прекрасно знающего производство, и опытного организатора, причем в 1941-м ей не было еще тридцати. Как вспоминала десятилетия спустя Екатерина Васильевна[158], акрихиновцев в Ирбите встретили хорошо, помогли расселить «беженцев» в соседних с городом деревнях, а вопрос о том, где разместить производство, решался при прямом ее участии. Вместе с председателем горсовета она объехала на лошадке все предприятия города, и лучшего варианта, нежели комплекс зданий спиртоводочного завода, они не нашли. Этот вариант был всем хорош: добротные кирпичные постройки ярмарочных еще времен – производственный корпус, склады, конюшни, даже жилые помещения. Был лишь один минус: закрывать производство спиртоводочных изделий никто не собирался. Что ж, для всевластной распорядительной системы и такая проблема была решаемой: спиртзаводу предложили переехать в другое помещение (которое, конечно, тоже не просто было освободить, но это уже делалось без участия Екатерины Васильевны).

Чтоб не прерывать производство спирта и в то же время безотлагательно начать монтаж оборудования химфармзавода, разработали четкий план: хозяева освобождают очередную площадку, и акрихиновцы тут же приступают к ее заполнению своим оборудованием. В основу плана была положена очередность запуска производственных линий с учетом степени востребованности на тот момент их продукции, но при этом необходимо было соблюсти и последовательность стадий технологического процесса: что из чего и вслед за чем. Начали с наркозного эфира (потребность в нем госпиталей была самая неотложная), за ним последовали сульфидин (тот самый, что посланцы УИИ во главе с разработчиком препарата И.Я.Постовским на Свердловском химфармзаводе, за неимением специального оборудования, синтезировали в эмалированных ведрах и тазиках), белый стрептоцид, сульфазол. Ну, а легендарное противомалярийное лекарство, давшее имя заводу, в номенклатуре продукции уральского завода не значилось совсем. То есть в основу предприятия закладывалась иная производственная схема, нежели та, по которой строилось производство в Старой Купавне. Она диктовалась сложившимися «здесь и сейчас» потребностями в лечебных препаратах, и это был уже не тот завод, который был отправлен в эвакуацию, поэтому он с самого начала назывался Ирбитским.

О судьбе подмосковного «Акрихина» скажу очень коротко. Это предприятие было детищем первых пятилеток и гордостью советской фармацевтики. В новеньких, специально для него построенных и начиненных новейшим оборудованием корпусах синтезировались лечебные препараты, не уступавшие зарубежным аналогам. Когда немцы приблизились к Москве и, не сумев преодолеть ее оборону, вознамерились взять ее в кольцо, возникла реальная опасность, что под пятой захватчиков окажется и район Ногинска (это примерно в

[158] Воспоминания ветеранов трудового фронта города Ногинска. Завод «Акрихин» (bogorodsk-noginsk.ru)

70 километрах восточнее Москвы). Вот тогда самое ценное оборудование «Акрихина» отправили в Ирбит, а под производственные корпуса заложили динамит, чтоб взорвать их вместе с оставшимся в них «железным хламом», когда немцы подойдут к ним вплотную. К счастью, этого не случилось, и, чтоб помочь обороне столицы, остававшаяся на заводе в Старой Купавне группа «ликвидаторов» во главе с директором Александром Григорьевичем Натрадзе, организовала в опустевших цехах производство зажигательной смеси «КС» (нынче более известной под названием «коктейль Молотова»). «За бутылками с этой смесью, – вспоминал уже в 1970 годах доктор химических наук А.Г.Натрадзе, – ежедневно приезжали с фронта 20–30 автомашин. Завод выпустил их тогда многие тысячи. Позже жидкость стала поступать из Горьковской области. На «Акрихине» ее только фасовали, но всегда гордились тем, что первыми освоили это грозное оружие[159]». Ну, а когда опасность захвата территории немцами миновала, завод начал заново осваивать выпуск своей традиционной продукции, обходясь, между прочим, без возвращения оборудования из Ирбита.

А Ирбитский химфармзавод существует по сей день (хотя сейчас это, конечно, «ОАО», живущее по законам рынка). Присутствие его в городе ощущается заметнее, нежели мотоциклетного: в его штате около 900 человек. Судя по его официальному сайту, присутствует он и на отечественном фармацевтическом рынке.

В завершение ирбитской темы упомяну еще одно предприятие, образовавшееся вследствие эвакуации: Ирбитский стекольный завод. Вы, очевидно, помните, что первенцем ирбитской индустриализации был диатомитовый комбинат. За десять предвоенных лет он заметно разросся: у него появились ремонтно-механический цех с кузницей и литейным отделением, лесопильно-столярный цех, даже своя небольшая электростанция. Он стал самым крупным предприятием в этом уже по преимуществу промышленном городе. И, конечно, обойтись без подселения эвакуированных предприятий он не мог. И «квартиранты» на его долю выпали знатные. Ленинградский (бывший императорский) фарфоровый завод имени М.В.Ломоносова – он в представлениях не нуждается. Завод «Автостекло» из города Константиновка Донецкой области; он не на слуху, а между тем основан он был еще в 1899 году бельгийской фирмой и поначалу выпускал полированное стекло, зеркала, листовое стекло для строительных нужд, но уже ко времени революции его быстро расширяющийся ассортимент достиг 260 наименований. После революции он, конечно, был национализирован, но «общенародная» форма собственности отнюдь не препятствовала его развитию. Ассортимент его продукции продолжал расширяться; среди его самых заметных технологических достижений 1930-х годов – особопрочное стекло «сталинит» и «рубиновое» стекло для кремлевских звезд. Еще одним «квартирантом» стал Будянский фарфоровый завод из Харьковской области – а ведь это тот самый, который выпускал «кузнецовский фарфор» и имел статус «Поставщика двора его императорского величества». Список далеко не полный, но уже достаточный для вывода: эвакуация обогатила «кирпичный» завод в Ирбите таким оборудованием и такими технологиями, что он стал одним из лидеров стекольного и фарфорового производства в стране. Но в 1990-е годы он, как и большинство советских предприятий, стал жертвой вороватых и невежественных «эффективных собственников» и еще в 1996 году был закрыт навсегда.

Ах, сколько подобных историй можно было бы рассказать, погрузившись в историю едва ли не любого – не только большого, но и малого – уральского города!.. Но мне хотелось бы, не перегружая основной сюжет многочисленными смысловыми повторами, побудить самого читателя к осмыслению того, что рядом, – чем жили и как живем.

Не довелось повоевать

Что можно сказать «за» нынешний Билимбай? Если совсем коротко: небольшой поселок с большой историей. Находится он в 60 километрах к северо-западу от Екатеринбурга и в девяти от Первоуральска. Место замечательное: лес, вода (в центре пруд, знаменитая Чусовая рядом), железнодорожная станция, автомобильный тракт, при этом один из самых развитых российских мегаполисов в часе езды; даже имя, татарских корней, такое звонкое!.. А живет там нынче всего около шести тысяч человек, прежде бывало много больше.

История поселка длится без малого три века, следы ее, как нечасто увидишь в других местах, сразу все на виду. Вот пруд, подпертый старинной плотиной – с таких сооружений начинались в XVIII веке почти все уральские заводы, ставшие городами; полуторамиллионный Екатеринбург в том числе. Вот на берегу пруда руины Билимбаевского чугунолитейного завода, ради которого делали водоем; есть сведения, что чертеж первой домны для него изготовил собственноручно генерал Вилим де Геннин, один из основателей Екатеринбурга (хотя строил ее все-таки не он). По внешнему виду руин, конечно, не распознаешь, что завод строился Строгановыми: единственный строгановский на Среднем Урале (другие их владения располагались в пермских землях) и первый у них – металлургического профиля; Строгановым же он принадлежал до 1917 года (другие уральские предприятия за это время, как правило, не по одному разу сменили владельцев).

Трудно поверить, что всего полвека назад завод еще выдавал какую-никакую продукцию, но его остановка была естественной: допотопная технология не допускала

[159] Там же.

уже модернизации. Не вижу в том вины «большевиков»: у промышленной истории есть своя логика. Изначально в трех малых доменках завода на древесном угле из местных руд выплавлялся неплохой чугун, но уже в конце XIX века Дмитрий Иванович Менделеев, навестивший Билимбай во время своей знаменитой поездки на Урал, застал завод в полном упадке. (А все ж при том упадке, замечу в скобках, в поселке жило и своим трудом кормилось 10 тысяч человек). Технология выплавки чугуна сохранялась та же, что была полтора века назад, но леса в заводской даче были изведены («Несмотря на большую заботливость, с которой ведется лесное хозяйство в Билимбаевской даче», – отмечалось в книге Менделеева), так что угля не хватало, из-за чего одна из трех домен была уже тогда остановлена. Полтора десятилетия спустя ситуацию усугубило знаменитое землетрясение 17 августа 1914 года с эпицентром в Билимбае: поселок так тряхнуло, что рухнули заводские трубы. А Гражданская война и вовсе остановила завод. Во второй половине 1920-х его отчасти реанимировали в статусе труболитейного цеха Первоуральского трубного завода. Но к началу Великой Отечественной войны старый завод был уже окончательно заброшен, и этот факт нужно отметить.

Между тем в первое столетие своей истории Билимбаевский завод, со своими доменками на древесном угле, был одним из крупнейших и технологически совершенных на Урале. Особо отличился он во время Отечественной войны 1812 года, поставляя чугунные ядра российской армии, громившей французов. Поэтому победа в войне с Наполеоном стала для Билимбая событием не только общероссийского, но и, прежде того, – местного значения. В память об этом событии именитыми владельцами завода был построен самый крупный во всей округе храм в честь Святой Живоначальной Троицы (он же Свято-Троицкая церковь). Проектировал храм пермский архитектор И.И.Свиязев, между прочим, происходивший из крепостных княгини Шаховской, урожденной Строгановой. Вскоре после того Иван Иванович переехал в Петербург, преподавал архитектуру в столичных вузах, руководил строительством храма Христа Спасителя и инспектировал перестройку дома Пашкова в Москве, был удостоен звания академика архитектуры. Именем Свиязева по сей день называется улица в Перми. Творение столь именитого зодчего уже из-за своего происхождения заслуживает статуса охраняемого памятника архитектуры. Но билимбаевский храм замечателен и по своему архитектурному облику, а главное – неординарно сложилась его судьба.

Трехпрестольный храм строили не спеша, ибо считали, что – на века. В 1837 году освятили один престол, в 1839 – второй, в 1855 – третий. Изнутри он был украшен великолепной росписью и богатыми иконами, а снаружи увенчан величественным куполом. В 70-е годы XIX века к нему еще пристроили колокольню. На все это в совокупности ушло около полувека. Билимбаевский храм с момента своего появления стал достопримечательностью и гордостью этих мест; сохранились предания, что в дни престольных праздников в нем собиралось до девяти тысяч прихожан.

Строили на века, а вышло – примерно на полвека, ибо в 1934-м, как и большинство храмов в СССР, билимбаевский был, скажем так, переведен на гражданскую службу. Обошлись с ним при этом бесцеремонно: разобрали на кирпичи колокольню и один из боковых приделов храма (правда, кирпичи употребили на благое дело: из них построили школу), но взрывать добротное здание, к счастью, не стали: передали его на баланс чугунолитейного завода, которому, надо полагать, и в обветшалых корпусах строгановских времен не было тесно.

«Гражданской службе» храм отдал тоже немногим более полувека.

А в начале 1990-х здание возвратили церкви – понятно, что почти в таком же запущенном состоянии, как корпуса строгановского завода. На его полноценную реставрацию средств у церкви не хватило, но что-то сделали на уровне косметическом и поспешили возобновить богослужение. Однако даже в столь плачевном виде он по праву считается главной архитектурной достопримечательностью знаменитого, но немощного Билимбая. И каждый очередной кандидат во власть от населения этих мест идет на выборы с обещанием помочь восстановить Свято-Троицкий храм – ну, вы знаете цену таким обещаниям.

Между тем уже появились в Билимбае энтузиасты, которые намерены использовать для роста имиджа, а значит – и привлечения туристов, а вследствие того экономического возрождения поселка память о тех событиях, которые происходили в стенах храма (отчасти и в корпусах уже тогда заброшенного, но в силу обстоятельств частично реанимированного чугунолитейного завода) именно в то время, когда он был отлучен от церкви. Честно говоря, коммерческие перспективы проекта кажутся мне сомнительными, однако события, которые имеют в виду его инициаторы, на самом деле были неординарными, и они прямо относятся к теме этой книги – эвакуации 1941 года.

Как читатель понял, к началу Великой Отечественной войны завод, храм и сам старинный поселок Билимбай пребывали в не лучшей физической форме. Но поселок находился в хорошо обжитом промышленном регионе, рядом с железной дорогой, в непосредственной близости от индустриальных городов Первоуральск и Ревда, неподалеку от Свердловска и Нижнего Тагила. Заводов-дублеров, на которые в первую очередь были ориентированы мобилизационные планы, в Билимбае не было, но для эвакуации из угрожаемой зоны небольших предприятий место было подходящее, и осенью 1941 года сюда

стали один за другим прибывать эшелоны с запада. В небольшом поселении разместилось сразу несколько оборонных предприятий. На одном из них шили аэростаты для противовоздушной обороны, на другом – грузовые парашюты. Местные умельцы – потомки строгановских мастеров – отливали корпуса для снарядов.

Но самое примечательное, что осталось в истории поселка с тех времен, – это научно-инженерные разработки, связанные с авиацией. Екатеринбургский журналист Андрей Дуняшин пишет: «Малюсенький поселок Билимбай стал в годы войны настоящим авиаконструкторским центром, образно говоря, авиастроительной Меккой. Какое созвездие имен: В.Болховитинов, А.Исаев, В.Мишин, А.Березняк, Н.Камов, М.Миль, В.Черток! Все они стали впоследствии генеральными и главными конструкторами, Героями Социалистического Труда, академиками, лауреатами...»

Столь плотным оказалось это скопление звезд первой величины, что некоторые журналисты впоследствии не одолели соблазн свести их еще теснее и поселить, конечно же, в здании, обращенном к небу, – в Свято-Троицком храме. Отчасти это было оправдано. Вот что вспоминал впоследствии Борис Евсеевич Черток – участник тех событий: *«В Билимбай прибыли утром 7 ноября. Он встретил нас двадцатиградусным морозом. Несмотря на праздник – 24-ю годовщину Октябрьской революции, объявили «всенародный аврал» по разгрузке эшелона. Местная власть всех прибывших временно разместила в просторном «Божьем храме» – церкви – прямо на холодном каменном полу».*

Но сразу же вслед за тем он сообщает: *«Пока женщины устраивали в церкви детей и налаживали быт, весь мужской состав начал перетаскивать оборудование на отданный в наше распоряжение чугунолитейный завод».*

Борис Евсеевич Черток – один из самых титулованных представителей звездной билимбаевской плеяды, он и Герой, и лауреат, и академик. Вот только не был он ни генеральным, ни главным конструктором, а «всего лишь» замом. Но замом Сергея Павловича Королева! Однако и звания, и должности – это все потом, потом, а осенью 1941 года 29-летний и никому не известный за пределами своего маленького коллектива специалист по радиоэлектронике Борис Черток работал в КБ авиаконструктора В.Ф.Болховитинова.

Кстати, будущий главный конструктор Королев в то время, когда Черток работал у Болховитинова, сам был замом главного конструктора ракетных двигателей, а главным был Валентин Петрович Глушко, в будущем тоже и Герой (даже дважды), и академик, и лауреат. Но и Королев, и его патрон тогда были «зэками», их КБ находилось в «спецтюрьме НКВД» (говоря понятнее, это была «шарашка») в Казани. Виктор Федорович Болховитинов вместе со своим ближайшим сотрудником Алексеем Михайловичем Исаевым (впоследствии тоже одна из ключевых фигур советской космонавтики) ездили к ним туда, в Казань, в тюремную «шарашку», и с трудом получили разрешение встретиться...

Однако возвратимся в Билимбай 1941 года. Как видим, и будущий академик Борис Черток, и все остальные сотрудники КБ В.Ф.Болховитинова по прибытии в поселок в упраздненном советской властью храме были устроены ненадолго: для работы им сразу отвели заброшенный чугунолитейный завод (что-то починили, что-то подлатали – там и пребывали до реэвакуации), а на постой распределили по частным углам.

А в храме остался завод № 290, который занимался конструированием, производством и ремонтом боевых автожиров – предшественников вертолетов. Его возглавлял авиаконструктор Н.И.Камов, заместителем у него был М.Л.Миль. Созданный Камовым еще в 1934 году летательный аппарат А-7 казался тогда перспективной машиной: по вооружению не уступал соразмерным ему самолетам, а по маневренности (увы, не по скорости) даже их превосходил.

Попытки использовать автожиры в целях разведки предпринимались уже в финскую войну, появлялись они на фронте и в первые месяцы Отечественной. Пять экземпляров этих экзотичных на нынешний взгляд летательных аппаратов участвовали в боях под Ельней. Но довольно скоро выяснилось, что их несомненные достоинства перекрываются одним недостатком: они беззащитны перед вражескими истребителями. В Билимбае конструкцию пытались усовершенствовать – тут же, под березками, собирали модернизированные экземпляры, даже обучали пилотов летать на них, но сколько-нибудь заметного влияния на ход военных действий билимбаевские автожиры, увы, не оказали. Проект «наверху» сочли неактуальным и заморозили до лучших времен, переориентировав перспективное КБ на автотранспортные дела.

К винтокрылым машинам конструкторы возвратились уже после войны, однако занялись теперь уже не автожирами, а вертолетами[160]; при этом представления о том, в каком направлении надо двигаться, у двух лидеров разошлись. Они не стали выяснять отношения между собой, а создали два вертолетных конструкторских бюро, которые не столько соперничали, сколько разрабатывали каждый свою версию назначения, а, стало быть, и конструирования этих машин. Каждый путь оказался плодотворным, и в Советском Союзе появились две школы вертолетостроения мирового уровня: «Ми» и «Ка». Их серийные вертолеты задали направление очень важной отрасли советской авиационной техники, которая успешно развивалась и после смерти

[160] У вертолета несущий винт вращается мотором, у автожира – встречным потоком воздуха. Существует легенда, будто само слово «вертолет» придумал Камов, хотя есть и другие версии. Более глубокое разъяснение ситуации заинтересованный читатель сам найдет в Интернете.

обоих лидеров (с небольшим интервалом около полувека назад), и даже после крушения советской экономики. Но в апреле 2020 года эти конструкторские центры, вместе с их опытными заводами и вертолетостроительными предприятиями, были объединены в единый Национальный центр вертолетостроения. Объяснения этой «оптимизации» кажутся логичными[161], а о результатах судить еще рано.

Вот какие долгие нити тянутся от событий, происходивших в Билимбаевском храме 80 лет назад – в то время, когда он от церкви был отлучен.

Конструкторское бюро В.Ф.Болховитинова (в Билимбае оно работало под «псевдонимом» «завод № 293»), как читатель уже знает, со Свято-Троицким храмом соприкоснулось совсем мало – лишь сразу по приезде в поселок. Потом они «квартировали» в старинном чугунолитейном заводе, который к тому времени уже давно не был чугунолитейным, да и вообще был заброшен. Билимбаевским авиастроителям тоже не удалось внести сколько-нибудь существенный вклад в Победу, хотя поначалу казалось, что их потенции в этом плане очень велики.

КБ В.Ф.Болховитинова существовало с 1934 года. Первой – и сразу удачной! – работой коллектива был дальний бомбардировщик ДБ-А. Этот четырехмоторный гигант (размах крыльев почти сорок метров, масса больше 15 тонн, при этом он мог взять на борт шесть с половиной тонн груза) воплощал ряд принципиально новых конструкторских идей и по своим летным характеристикам превосходил зарубежные аналоги. На этой машине было установлено четыре мировых рекорда по дальности перевозки груза на большие расстояния. Но самолет ДБ-А так и не пошел в серию – видимо, потому что именно на нем в августе 1937 года отправился в свой полет, закончившийся трагически, Сигизмунд Леваневский.

[161] «Миль» и «Камов» вместе. Какое будущее ждет два известных вертолетных бренда – ТАСС (tass.ru)

В предвоенные годы Болховитинов со своей командой занимались совершенствованием конструкции самолета ДБ-А, разрабатывали другие перспективные проекты, но начавшаяся война резко повлияла на их приоритеты. Они в первый же день войны решили, что самая неотложная их задача – сделать истребитель-перехватчик, который поставил бы надежный заслон вражеским бомбардировщикам.

Идея родилась и активно прорабатывалась ими еще до войны. Смысл ее заключался в том, что при приближении крупного самолета противника крохотный (особенно если сравнить с гигантом ДБ-А) советский самолетик должен буквально со скоростью снаряда (даже немного быстрее: около 900 километров в час, то есть 250 м/сек; снаряд же из 122-мм гаубицы летит со скоростью 238 м/сек) ринуться ему навстречу, сразить пулеметным огнем – и в режиме планирования (потому что к этому времени закончится горючее) возвратиться на свой аэродром.

Идея была хороша, и конструкторы настолько не сомневались в ее осуществимости, что в первый же день (точнее, вечер) войны Болховитинов и Исаев, после короткого совещания с коллегами, на мотоцикле рванули из Химок (где помещалось их КБ) в Москву, пробились через толпу в приемной к наркому А.И.Шахурину и за пять минут (на более длинный разговор у наркома просто не было времени) изложили суть своего замысла. Шахурин заинтересовался и потребовал срочно представить обоснование проекта на бумаге.

А проекта не было! Было название – БИ-1 (Березняк и Исаев, первая модель; концепция явилась сложением идей двух молодых конструкторов). Было убеждение, что необходимую скорость можно достигнуть лишь ракетным двигателем. Было общее представление о компоновке основных узлов и принципах управления. Но когда одно с другим пытались соединить на базе точных инженерных расчетов, концы с концами никак не сходились. Последнюю по времени попытку математического анализа инженерных предположений Исаев предпринял после очередных дебатов в КБ буквально в ночь накануне войны. Однако конструкторы предельно напряглись и за 12 дней сделали эскизный проект.

О дальнейшем развитии событий Борис Евсеевич Черток вспоминал так: *«Двое суток ушло на сочинение письма наркому с перечислением всех преимуществ и минимума мероприятий для постройки самолета за три-четыре месяца. Месяц отводился на государственные испытания, и в ноябре было намечено принятие решения о запуске в серию. При согласовании сроков возникали споры, нужны ли будут такие самолеты через полгода. К тому времени война кончится – «победа будет за нами»…*

9 июля письмо было у Шахурина. Шахурин лично доложил предложение Сталину, и на следующий день Болховитинов, Костиков, Исаев и Березняк были вызваны в Кремль, где они формулировали проект постановления недавно созданного Государственного комитета обороны (ГКО). Еще через день постановление было подписано Сталиным. Шахурин подготовил подробный приказ, в котором на постройку первого самолета для летных испытаний отводился один месяц».

Ни за месяц, ни за два не получилось: конструкторы столкнулись с проблемами, которые требовали не только остроумных инженерных решений, но и нетривиальных научных разработок. Аэродинамика корпуса и крыльев, способы локации объекта, электротехническая система управления всеми блоками конструкции; но главная загвоздка была в двигателе…

Впоследствии Алексей Михайлович Исаев рассказывал журналисту: *«Это теперь все кажется просто, как палец, а тогда был каменный век в ракетной технике. Я был тогда, что называется, полный профан в этом деле… Да, часто мы шли ощупью. И каждый*

немало наставил себе на лбу синяков и шишек, прежде чем удалось добиться каких-то очень мизерных результатов».

«Синяки и шишки» они начали себе набивать, находясь еще в Химках. Работали круглосуточно, уже опробовали в полете планер – корпус будущего истребителя, экспериментировали на земле с движком. И тут немцы двинули на Москву, в октябре возникла реальная угроза оказаться «на немецкой стороне», и КБ Болховитинова было предписано отправляться в эвакуацию. Так они оказались в Билимбае.

В разных источниках говорится о том, что В.Ф.Болховитинов был не только талантливым конструктором и ученым в области авиастроения, но обладал незаурядным педагогическим даром. Этот дар проявлялся, в частности, в том, что он умел находить и не боялся привлекать к своей работе талантливую молодежь. Причем выстраивал отношения со своими молодыми сотрудниками так, что их не надо было понуждать к самой напряженной работе и соблюдению дисциплины. Увлеченные интересной работой, они сами требовали от себя больше, чем он мог бы от них потребовать. Сотрудники КБ воспринимали его не как грозного начальника (между прочим, в 1943 году Виктор Федорович даже был возведен в чин генерала), а как «патрона», способного понять, поддержать и направить. Они относились к нему с искренней любовью, такое отношение сохранилось и тогда, когда некоторые члены его команды по своему общественно-государственному статусу переросли его.

Автором идеи самолета БИ-1 Болховитинов не был, но без него она бы не родилась. Тем более, не было бы этой возвышенной, драматической и трагической эпопеи с попыткой поставить на крыло самолет с ракетным двигателем, кульминацией которой стала гибель летчика-испытателя Григория Яковлевича Бахчиванджи.

После гибели Бахчиванджи проект не был окончательно свернут, однако новые экземпляры самолета выпускать перестали. (Всего их было выпущено девять: один в Москве до эвакуации и остальные в Нижнем Тагиле). И в конце концов проект был признан бесперспективным. Так вот и получилось, что небывалый самолет-ракета, который предполагалось сделать за месяц и поставить на защиту воздушного пространства Москвы еще замой 1941–1942 годов, свою военную миссию не выполнил – и в войне не участвовал, и даже после войны не был поставлен на вооружение.

Значит ли это, что и материальные, и человеческие ресурсы были затрачены на этот не реализованный проект зря? Категорически – нет! В этом, казалось бы, частном эпизоде тыловой жизни воюющей страны наглядно проявилась закономерность, свойственная, вероятно, не только отдельному человеку, но и социальному организму: когда в минуты крайнего напряжения воля направлена не просто на выживание, но и на победу, из каких-то неведомых глубин поднимаются такие творческие потенции организма, о которых в обычной повседневности человек в себе и не подозревает. Да, создать истребитель-перехватчик таким, как он был задуман, не получилось. Но в интеллектуальном штурме целого комплекса инженерно-научных проблем раскрылся творческий потенциал, который оказал громадное влияние на послевоенное будущее страны. Сам по себе не состоявшийся БИ-1 не стал ступенькой в космическую эру, но его создатели в космической эпопее страны стали самыми крупными, самыми заметными фигурами: Исаев, Черток, а еще Василий Павлович Мишин (он у Болховитинова только начинал свой путь после окончания института, а впоследствии стал ближайшим сподвижником Королева). А еще Борис Викторович Раушенбах, будущий академик, один из основоположников космонавтики, которого Болховитинов отыскал где-то в трудовом лагере под Нижним Тагилом и, хоть перетащить в Билимбай не смог, но добился его перевода в сносные условия для выполнения расчетов по тематике своего КБ. Александр Яковлевич Березняк к космосу причастен не был, но успешно занимался разработкой конструкции самолетов с околозвуковой скоростью, а потом стал одним из ведущих разработчиков советских крылатых ракет.

Опыт Билимбая – это опыт оплодотворения инженерной мысли самыми актуальными достижениями научной мысли, это выход инженерно-научного мышления на новую ступень.

5. Жизнь после Победы не могла быть легкой

Станок просится в Москву

Московский станкостроительный завод «Красный пролетарий» отправился в эвакуацию сразу после кризисных дней середины октября 1941 года. Тогда казалось – подальше от реальной опасности. 18 октября ушел в Челябинск первый эшелон, а к концу месяца – последний. Предприятию было предложено влиться в формировавшийся в то время на Урале комплекс «Танкограда», и москвичам пришлось всерьез побороться за право сохранить относительную автономию. К тому их побуждал не только, как сказали бы сегодня, «корпоративный патриотизм», но и понимание ключевой роли станкостроительной отрасли в развитии индустриальной державы. Раствориться в гигантском танкостроительном комбинате легко, но получится ли возродиться в прежнем качестве после войны – большой вопрос. А не будет у страны своих станков – чем оснащать строящиеся заводы?

Москвичей понял и поддержал тогдашний первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б) Н.С.Патоличев, и в результате они и в Танкограде остались краснопролетарцами, получили в свое распоряжение два пролета строящегося цеха № 3 и принялись осваивать изготовление танковой коробки скоростей. Производите-

ли популярного в те годы токарного станка «ДИП-200» и с коробкой скоростей не подкачали: им хватило месяца, чтобы наладить поточное производство достаточно сложного механизма. Мало того, пока шло освоение этой продукции, они еще успели помочь местным предприятиям наладить изготовление деталей для «катюш» (сами «катюшами» успели позаниматься еще до эвакуации, в Москве).

Словом, москвичи в Челябинске работали с полной отдачей, рассчитывая, что чем больше они успеют сделать для фронта, тем скорее фронт покатится в обратную сторону, а значит, окончится их вынужденная «командировка» и они смогут вернуться домой.

Как вспоминал сорок лет спустя П.Ф.Тараничев, тогдашний директор завода «Красный пролетарий», радостная весть о разгроме немцев под Москвой оживила надежду на возвращение: *«Припоминается характерный случай. Как-то в нашем корпусе подходит ко мне старый строгальщик-краснопролетарец и, показывая на свой станок, с этакой лукавинкой говорит:*

– Смотри, Петр Федорович, станок в Москву просится.

И верно. В целях скорейшего пуска оборудования и с учетом того, что краснопролетарцы размещены здесь временно, до готовности намеченного для них цеха, станки устанавливали без закрепления на специальном фундаменте, что в некоторых случаях применялось и в мирное время. И вот незакрепленный строгальный станок словно тронулся со своего места в сторону ворот: «просился в Москву».

Увы, срок возращения беженцев зависел не только от того, где проходила линия фронта. Хоть немцев от столицы отогнали, а цеха завода в Москве не были ни разрушены, ни разорены (часть коллектива даже и не уезжала – оставалась на месте, чтоб выполнять срочные военные заказы), отправлять домой краснопролетарцев власти не спешили, чтоб не нарушить производство танков. Им поставили два условия: подготовить себе замену на оставляемых рабочих местах и забирать, уезжая, не все привезенные с собой станки, а только те, что не заняты на производстве танков.

Краснопролетарцы выполнили эти условия безоговорочно и почти так же быстро, как освоили производство коробок передач: уже в феврале 1942 года шестьсот молодых уральских станочников готовы были принять вахту от уезжающих, а станки были поделены при полном соблюдении интересов танкового производства. Но даже при таком раскладе пятьдесят краснопролетарцев для гарантии непрерывности танкового производства были задержаны в Челябинске еще на полгода. И все же в конце февраля 1942 года первый эшелон с работниками и оборудованием московского завода «Красный пролетарий» отправился в реэвакуацию!

Слово «реэвакуация» менее привычно для уха, нежели «эвакуация», потому что его реже употребляют. И по темпам, и по масштабам, и по смыслу возвращение «к родным пенатам» отличалось от эвакуации существенно. Реэвакуацию никто не рассматривал и не рассматривает сейчас как стратегическую операцию, призванную повлиять на исход военного противоборства. Это была часть плана восстановления народного хозяйства, разрушенного и расстроенного войной. Потому, между прочим, она с войной и не закончилась: последние ее упоминания в официальных документах относятся уже к 1946 году, хотя в каких-то формах она продолжалась и дольше.

Начать реэвакуацию как можно раньше было психологически важно, поскольку возвращение беженцев по домам явилось бы заметным для всех знаком поворота в ходе войны, добавило бы уверенности в победе. Но поспешность и массовость движения людей и техники в обратном направлении – с востока на запад – свела бы на нет стратегический замысел, заложенный в идее эвакуации как передислокации «жизненной силы России». Более того, и для военной промышленности, и для страны в целом она в той ситуации была бы просто гибельна.

Вот почему первые эшелоны в сторону Москвы (а за судьбой столицы все следили особенно пристально) все-таки потянулись еще в декабре 1941 года. Но, в основном, это были эшелоны, которые просто не успели дойти до места назначения, их и завернули в исходные пункты. А те, что прибыли на место (пусть даже к концу декабря), обязаны были, не ориентируясь на сводки с фронта, разворачивать производство, как было им предписано военно-хозяйственным планом на 4-й квартал 1941 года и на 1942 год.

Однако и в отношении тех, кто уже приступил к работе на Урале, довольно скоро были предприняты шаги по возвращению – очень, правда, осторожные шаги. 22 января 1942 года ГКО принял постановление «Об оборудовании для Москвы и Московской области» – в нем речь шла о реэвакуации некоторых московских предприятий: автозавод, Первый подшипниковый завод, «Завод имени 1905 г.» НКПС, № 67 НКБ, завод шлифовальных станков, некоторые научные и проектные институты. Вот и «Красный пролетарий» попал в их число.

Осторожная и малая первая волна реэвакуации к лету 1942 года и вовсе иссякла: немцы опять перешли в наступление на юго-восточном направлении. Пришлось даже на время возродить «комиссию Шверника», чтобы возобновить эвакуацию – на этот раз в более ограниченных масштабах.

Продолжилась реэвакуация лишь с осени 1943 года. Теперь она носила более уверенный и широкий характер, но и ее назвать массовой вряд ли правомерно. Она проводилась неспешно и осмотрительно, можно сказать – точечно, поскольку задача заключалась не в том, чтобы восстановить все, «как было», а в том, чтобы, воспользовавшись самой судьбой на-

вязанным «капитальным ремонтом», произвести радикальную реконструкцию хозяйства страны, сделать его менее уязвимым для внешних угроз и более надежным для дальнейшего развития отечественной индустрии.

В прежнем, довоенном виде промышленность была теперь просто не нужна. Ей придавалась новая конфигурация, соответствующая и горькому опыту войны, и изменившимся социально-экономическим реалиям, и видам на будущее. Отправной точкой для нее стали стратегически важные достижения в области военного производства, полученные вследствие тяжелой, но спасительной эвакуации.

Благодаря военно-промышленному комплексу, что был создан в глубоком тылу воюющей страны ценой огромных усилий и безвозвратных потерь, причем, главным образом, за счет ресурсов, мобилизованных с помощью эвакуации, Урал стал, по слову поэта, «опорным краем державы». Вынуть из его опоры какой-то «кирпичик» – значило бы ослабить ее. Разумеется, руководство страны, регионов, промышленных отраслей, предприятий пойти на это никак не могло.

Так что бесполезно было «станку проситься» на прежнее место.

Но и отказаться от реэвакуации было никак нельзя.

По мере продвижения фронта на запад приобретала все большую масштабность, актуальность и остроту проблема возрождения народного хозяйства в освобожденных районах. А возможно ли возрождение без возвращения на исконное место предприятий, возле которых люди из поколения в поколение жили, кормились, растили детей, постигали свою человеческую суть и утверждали свое человеческое достоинство?

Но как совместить одно с другим: возвращать нельзя, но необходимо?

Пришлось решать эту головоломку, не очень считаясь с личными интересами беженцев. Нынче это дает повод к лишним обвинениям «режима», и против этих обвинений трудно что-либо возразить. Разве что одно: а что лучшее можно было придумать в той (снова безвыходной!) ситуации?

Самый распространенный вариант решения напоминает старую воинскую традицию, о которой я упоминал в начале книги: если в ходе кровопролитного сражения погибает полк, но оставшейся от него небольшой группе солдат удается спасти полковое знамя – значит, полк не исключается из состава вооруженных сил. Его заново комплектуют, оснащают вооружением и возвращают в строй под прежним названием.

Примерно по такой же схеме возродились на прежних местах и Московский ЗИС, и «Красный пролетарий», и Подшипниковый завод, оставив на Урале своих «двойников», не претерпевших от реэвакуации заметного ущерба. Московский автозавод, к примеру, вывез на восток 12,8 тысяч единиц оборудования, а к весне 1942-го возвратил в свои цеха лишь три тысячи. ГПЗ-1 отправил на Урал три тысячи, а возвратил 979 единиц. И так практически в любом случае. Так что если говорится, что какое-то из предприятий было реэвакуировано, то это не следует понимать слишком буквально.

Расчет был на то, что отделялась для возвращения жизнеспособная часть производственного «организма», несущая в себе, фигурально выражаясь, «генетический код» предприятия. Речь идет и об опытных руководителях (судя по некоторым примерам, руководителей легче «распускали по домам», нежели высококвалифицированных рабочих), и об инженерных службах. Возвращалось (как в случае с «Красным пролетарием») специализированное оборудование, а парк универсальных станков можно было пополнить, в частности, за счет «бездокументного оборудования», которого немало скопилось на так называемых «эвакобазах».

На одной лишь Челябинской эвакобазе к 1 марта 1943 года накопилось 1285 единиц невостребованного промышленного оборудования. Оно отнюдь не было «бесхозным», потому что все принадлежало государству. Его нельзя было взять и утащить просто так, но ГКО имело полномочия им распорядиться. Туда за ним и обращались предприятия, возвратившиеся домой с сильно поубавившимся «багажом».

Конечно, за счет разгрузки эвакобаз оборудовать реэвакуированные заводы было невозможно, и в действие был введен известный еще до войны механизм «шефства». Он был сродни мобилизационным планам, действовавшим в начале войны. Нужен, к примеру, броневой стан в Магнитогорске – его и везут, не ожидая приближения фронта, из Мариуполя. Вот и теперь: не хватает какого-то станка, трансформатора или генератора на восстанавливаемом заводе в Брянске или Краматорске – ищут, где на востоке он есть и с ним без ущерба для нужд оборонной промышленности могут расстаться. Обычно и находили, и отправляли на «подшефное предприятие» или на «подшефные территории».

В таком же порядке оправлялись и материалы, и люди.

Известны случаи, когда «в порядке шефской помощи» на запад посылались целые предприятия. Это уже точно не была реэвакуация: ведь они ехали не «домой», а «из дома». Но не было это и эвакуацией. Они же уезжали не из опасной зоны. Так или иначе, по решению ГКО в 1944 году на запад только из Челябинской области отправились три предприятия: Златоустовский насосный завод со всем оборудованием, материалами, заделами и основными кадрами рабочих в количестве 200 чел. в поселок Свессы Сумской области; завод № 13 из Усть-Катава на завод № 592 в город Мытищи Московской области; оборудование, строительные механизмы и рабочая сила со строительства Челябинской станции на Лисичанскую станцию Подземгаза.

Определенная часть оборудования для эвакуированных заводов поступила из Германии в счет

репараций, но это уже позже – после войны.

Таким образом, движение эшелонов с промышленным оборудованием и людьми на запад, вслед за отдаляющимся фронтом, в действительности было новым экономическим маневром, имеющим цель не возвратить вывезенные на восток оборонные заводы, а воссоздать их заново на прежних местах. Там возрождалась порушенная войной жизнь, возрождалась в новом качестве.

С момента «реэвакуации» – скорее символической, нежели «взаправдашней» – начинался и новый этап истории предприятий, которые прибыли на Урал в ходе эвакуации и были здесь радикально реорганизованы. Теперь их связь с прародиной была как бы упразднена, они окончательно перестали считаться эвакуированными. Они стали уже безоговорочно уральскими предприятиями, у них появились свои потенции развития, им предстояла своя судьба.

Выиграть мир!

Для тех, кто вынес на своих плечах тяжесть великой войны, день ее окончания стал самым счастливым в жизни. И для страны он главный день в новейшей истории.

А ведь это был еще и переломный, кризисный день, потенциальная опасность которого, пожалуй, сравнима даже с опасностью первого дня войны. Для наглядности опять напомню легенду про марафонца, упавшего замертво после успешного завершения 42-километрового бега. В реальности даже и после не столь изматывающей дистанции бегуну, лыжнику, конькобежцу опасно резкое торможение на финише: организм может не выдержать внезапного сброса нагрузки.

Можно обойтись и без аналогий: есть документальное свидетельство. На одном из стендов Музея энергетики Урала экспонируется график суточной работы системы Свердловэнерго на 9 мая 1945 года (потребление). В ночные часы – примерно до семи утра – зигзагообразная линия в основном выше ожидаемого уровня. С семи до девяти – резкий спад: люди узнали о победе! Потом острые зубцы: подъем – спад, подъем – спад. Но на уровне намного ниже ожидаемого. «Кардиограмма» энергопотребления очень наглядно отображает неровный пульс промышленного производства на Среднем Урале в тот день.

Применительно к стране, завершающей войну, опасность резкой остановки имеет смысл совсем не метафорический. Надо представить себе враз остановившиеся конвейеры, продукция которых шла на фронт, больше уже не существующий, а вместе с ними ведь должны остановиться и предприятия, поставляющие металл, и сырьевые, топливно-энергетические потоки...

И тут же в одночасье высвобождаются – выбиваются из привычной уже колеи – миллионы людей, которые в годы войны оставили учебу или домашние дела, получили минимальную подготовку, чтоб выполнять простейшую операцию у конвейера, производящего, например, артиллерийские снаряды, крылатые мины для «катюш», да хоть бы и танки или самоходки. Как ни кощунственно это звучит, эти люди – огромные армии людей! – кормились от войны, а теперь остались не у дел. И вдобавок начинают возвращаться по домам демобилизованные солдаты – миллионы молодых людей, которые ушли на фронт почти мальчишками, научились хорошо воевать, но – только воевать...

Как избежать коллапса? Экономическая и социально-историческая ситуация требовала решительного и смелого маневра, сопоставимого по масштабу с эвакуацией. Посредством эвакуации страна выиграла войну, а теперь требовался маневр, который позволил бы «выиграть мир».

Маневр ради мира был совершен. Был он не менее драматичен, чем эвакуация, и результаты его оказались не однозначными (да ведь и цена Победы была чрезмерно велика!). Народу опять пришлось претерпевать невероятные трудности и лишения – и терпели, повторяя, как мантру: «Лишь бы не было войны!» И войны не было – значит, главная цель маневра была достигнута. Но опять-таки: какой ценой? Не в первые послевоенные годы, а десятилетия спустя родилась мрачная шутка, что войны не будет, но борьба за мир достигнет такого накала, что не останется камня на камне.

Неверно было бы, однако, сводить послевоенный маневр к пресловутой «борьбе за мир». Хотя не следует ее и недооценивать: участие в этом движении таких людей, как Фредерик Жолио-Кюри, Пабло Пикассо, Жоржи Амаду, Поль Робсон и др., ощутимо влияло на мировое общественное мнение. С другой стороны, советские люди, слишком тяжело пережившие войну, с пониманием относились к чрезмерным расходам государства на оборону. Но для разрешения кризисной ситуации в стране очень важно было провести отчетливую черту между завершенной войной и наступившим миром. Сделать что-то такое, чтобы победители все-таки почувствовали, что они победители. Что налаживается мирная жизнь, за которую они воевали и на фронте, и в тылу. Но чтобы одновременно сознавали, что в мирной обстановке работать надо, не сбавляя усилий, ибо только теперь и начинает строиться новая жизнь, которую прежде якобы «мешали строить враги».

Если взглянуть на послевоенную ситуацию в стране с этой стороны, то представляются разумными меры руководства страны, иные из которых сегодняшними публицистами комментируются с ухмылкой: отмена карточной системы в декабре 1947 года (ох, и постояли после того в очередях!), проведенная одновременно с ней денежная реформа (кому-то зарплату выдали уже новыми – повезло, а кому-то накануне)... Хотя все, конечно, понимали, что реформа нужна. И ежегодные мартовские – сначала достаточ-

но весомые, а под конец совсем уж символические, но все-таки! – снижения цен.

К мерам, помогающим преодолеть психологический порог между военным и мирным временем, надо отнести постановление, принятое в 1945 году, о первоочередном восстановлении пятнадцати разрушенных городов. После изгнания оккупантов в руинах лежали сотни городов (если считать не только большие, но и малые), но взяться сразу за все не хватало ни средств, ни сил. Выбрали те, что более других на виду – крупнейшие и старейшие: Минск, Смоленск, Брянск, Новгород, Воронеж, но и Вязьма, и Великие Луки... По той же причине затеяли строительство в Москве ожерелья «сталинских высоток», включая парящее над городом новое здание Московского университета. (Университет в этом ряду – символ не столь, конечно, амбициозный, как довоенный, так и не построенный, Дворец Советов, но более отвечающий духу времени). А во многих других городах, больших и малых, в то же время – среди обветшавших, неухоженных кварталов – построили роскошные по тем временам культурные центры: драмтеатр с дорической колоннадой в Брянске, Дом культуры завода Уралэлектроаппарат на Эльмаше (в Свердловске), Дворец культуры энергетиков (в поселке СУГРЭС) и т. п.

И сняли праздничный фильм «Кубанские казаки» – не лживый, а необходимый истощенному социальному организму, как витамин.

Конечно, было ожидаемым – оно и произошло – смягчение трудовой дисциплины: перестали считать уголовным преступлением (хотя безнаказанным оно не оставалось) опоздание на работу, даже и прогул; позволялось по своей инициативе сменить место работы (хотя лучше – «переводом»)...

Очень значимым сигналом о возвращении к мирной жизни стала передача прежним владельцам помещений, занятых все военные годы под оборонные предприятия и эвакогоспитали. Освободили здания театров в Златоусте, Челябинске, Свердловский ТЮЗ – для театров; здания университета – для университета, мемориальный дом Д.Н.Мамина-Сибиряка – для музея Мамина-Сибиряка (который готовили к открытию, но не успели открыть летом 1941 года)... В систему образования были возвращены школьные здания.

Между прочим, Свердловское облоно, воспользовавшись этой кампанией, очень настойчиво добивалось получения в свое распоряжение дома по Почтовому переулку, 7, где в 1942–1943 годах размещался Президиум Академии наук СССР, хотя системе образования он никогда не принадлежал (строго говоря, еще до революции там размещался учительский институт). Уральскому филиалу Академии удалось отстоять его для горно-геологического института.

Однако и для «социальной терапии», и для дальнейшего развития страны важно было не только «подать сигнал», но и реально «перенастроить» трудовую активность общества, задать иное, отчетливо послевоенное направление трудовым усилиям, создать ориентиры для новой героики и новых «героев труда».

Над всем, что в советское время связывалось с «трудовым энтузиазмом», нынче принято иронизировать. Такое отношение будто бы подтверждается и преданиями, которые живут практически в каждой семье и вызывают к себе больше доверия, чем официальные источники. Предания эти не обманывают: люди того времени не были примитивными «совками», как их пытаются нынче представить идеологи либерального толка. Это были нормальные, трезвомыслящие люди, они умели и поиронизировать по поводу существовавших порядков, и – пусть с оглядкой, пусть не в любой компании – рассказать уместный анекдот. Но они умели ценить труд и мастерство; нормы трудовой морали по дореволюционной еще традиции сидели в них прочнее, чем в сегодняшних «прагматиках», и было им не все равно, как зарабатывать свой хлеб. Слова могли быть казенными, но труд был подлинный. Поэтому, подтрунивая над тогдашними лозунгами, они, тем не менее, скромные свидетельства общественного признания своих тогдашних трудовых доблестей по сей день бережно хранят – если, конечно, судьба позволила им дожить до нынешних дней.

Первое направление трудовых усилий обозначилось как бы само собой: после того, как огненный и железный вал фронта прокатился по стране от Бреста до Сталинграда и обратно, страну нужно было восстанавливать. Открывался огромный фронт работ, и он имел такую же всеобщую моральную поддержку, как недавняя вооруженная борьба с врагом. Новый трудовой фронт открыли, как только произошел надежный, явно уже необратимый поворот в ходе войны. В середине июля 1943 года совершилось знаменитое танковое сражение под Прохоровкой – центральный эпизод Курской битвы. Оно переросло в наступление, остановить которое противник был уже не в силах. Еще не завершилась битва под Курском, когда ЦК и Совнарком приняли постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» (21 августа 1943 года). Началась большая и разумно организованная – спланированная – работа. Ею предусматривалось, в частности, введение в кратчайшие сроки хозяйственных объектов, которые должны были не только стать экономической базой возрождаемой на этих территориях жизни, но и включиться в продолжающуюся общую работу для фронта, для победы.

Одним из способов помочь возрождению территорий, опаленных войной, стало возрождение предприятий на месте тех, что были эвакуированы, но прижились на новых местах. То немногое, что все-таки возвращалось, напоминало зерно, высаженное в

весеннюю почву. В нем заключена «программа» развития растения, но, чтобы она реализовалась, нужны «строительные материалы» (для зерна – микроэлементы, а тут – длинный список того, что нужно, в том числе и стройматериалы в буквальном смысле). Обеспечить приток этих материалов должен был набравший силу тыл.

Вот почему уже с осени 1943 года с Урала в западные районы пошли эшелоны со станками, машинами, металлическим прокатом, цементом, стеклом и всем прочим, что нужно для возрождения промышленности, жилья, инфраструктуры. Это было не возвращение эвакуированного, но в определенном смысле на эвакуацию походило: думали не столько о восстановлении того, что было раньше на этих территориях, а о том, что здесь должно появиться в соответствии с новыми хозяйственными планами. При этом сократили, насколько позволял существовавший экономический порядок, пути от тыловых «доноров» к восстанавливаемым хозяйственным объектам: снабжение шло не через Москву, не через Госплан, а – в порядке «шефской помощи» – от предприятия к предприятию, от территории к территории, от города к городу. Например, Магнитогорский металлургический комбинат помогал восстанавливать «Запорожсталь», Челябинская область активно участвовала в восстановлении Донбасса, Уральский турбинный завод (до 1948 года он назывался еще заводом № 76) и Уралэлектроаппарат включились в работу по восстановлению энергосистем освобожденных районов и т. д. Эта работа требовала наращивания на уральских заводах производства «мирной» продукции.

Однако не надо представлять дело так, будто перестройка производства на мирный лад совершалась лишь под влиянием внешних обстоятельств. Дальновидные хозяйственные руководители еще в разгар войны, торопя приближение победы, думали и о том, каким образом придется перестраивать производство, когда долгожданная победа придет. Так, директор Уралмаша Б.Г.Музруков еще в начале 1944 года создал небольшой творческий коллектив, который в обиходе окрестили «группой завтрашнего дня». Это неофициальное название точно выражало суть порученного ей задания: подготовить предложения по перестройке производства после окончания войны.

Для работы в группе никто не был освобожден от своих основных обязанностей, ибо во многом на них держалось производство: главный технолог (ставший вскоре главным инженером) С.И.Самойлов, начальник планового отдела В.М.Пекаревич, заместитель директора В.Н.Соловьев, главный конструктор по индивидуальному производству А.Б.Верник, главный металлург Н.Н.Покалов и ряд других руководителей завода, авторитетных не только по должности, но, прежде всего, по уровню компетентности. Наверно, им было непросто выкраивать часы в своем напряженном рабочем графике, чтоб не только заявить идею, но и обосновать ее расчетами, графиками и иными весомыми аргументами. Зато никто лучше их не знал завод в его тогдашнем состоянии, его ресурсы и потенции, возникшие в ходе освоения «военной специальности». Им ничего не нужно было «выдумывать из головы»: они были подобны шахматистам, разыгрывающим труднейший миттельшпиль, но знающие свои возможности и умеющие просчитывать партию на много ходов вперед. И роль Музрукова не сводилась, конечно, к тому, чтобы поставить задачу перед своими сподвижниками: Борис Глебович сам стал главным идеологом и движителем разработки этой стратегии.

Очень важно также, что эту инициативу поддерживал дальновидный нарком Малышев – без его покровительства заводскую «самодеятельность» могли и прихлопнуть.

Любопытно, что просчитывать свой план перехода в послевоенное состояние руководители Уралмаша начали до того, как планированием развития советской экономики после войны занялись руководители государства. Нет, разумеется, о будущем думали и «наверху». И не только думали – делали на удивление много: открывали новые вузы, научные учреждения, закладывали важные исследовательские проекты... Однако то были планы развития, то есть прибавления к тому, что имеет страна, каких-то новых звеньев, без которых ей в будущем не обойтись. А трансформацией в мирных целях чего-то такого, что создавалось для войны, те планы не были. Между тем уралмашевская «группа завтрашнего дня» продумывала именно варианты превращения военного производства в производство продукции мирного назначения, в чем и заключалось ее новаторство.

Сегодня многие, наверно, сказали бы, что Музруков и его команда, не дожидаясь окончания войны, разрабатывали план конверсии. В то время слова «конверсия» не знали. (Вернее, знали, но в другом значении, к военному производству оно не имело отношения). Но дело не в слове, а в смысле. Слово «конверсия», вошедшее в наш обиход в «лихие девяностые», к той перестройке производства, что готовилась на Уралмаше еще во время войны, никак не применимо. Не разоружение предполагалось, не капитуляция, не переход на производство титановых кастрюлек вместо баллистических ракет, а полноценное, да еще и с приращением, использование всего потенциала, накопленного при производстве сложной военной техники, для усиления экономической мощи государства.

Поворот планировался очень конкретно: соотносили возможности обновленного войной предприятия с достоверно просчитанными прогнозами острых потребностей народного хозяйства страны, которое придется в кратчайшие сроки возрождать из руин. Прислушивались к пожеланиям хозяйственных руководителей са-

мого высокого уровня. Планы, вырабатываемые уралмашевской «группой завтрашнего дня», были настолько обоснованы и реальны, что тут же волею руководства завода начинали облекаться в дела. Не ожидая лучших времен, на заводе создавали конструкторские бюро по прокатному, прессовому, экскаваторному, дробильному оборудованию, и эти творческие коллективы без промедления приступали к разработке конструкций, которые на поточных линиях завода, как только для того созреют условия, должны заменить бронекорпуса, танки, самоходки. Мирная жизнь утверждалась на заводе еще до того, как окончилась война.

В конечном итоге определились три основных направления послевоенного развития, следуя которым Уралмаш, продолжая оставаться «заводом заводов», должен был наладить производство таких видов продукции, в которых страна нуждалась в тот период не меньше, чем воюющая армия в танках. Во-первых, производство буровых установок, которые до того в СССР не производились, а нужда в них была огромная. Заняться ими просили бакинские нефтяники, их ходатайство поддерживал нарком Малышев. Во-вторых – тяжелые карьерные экскаваторы. Их тоже не выпускало ни одно предприятие в СССР, а требовалось их, по оценке экспертов, не менее 150 штук в год. Ну, и, в-третьих, традиционное для Уралмаша доменное, прокатное и иное оборудование для восстанавливаемых и строящихся металлургических заводов.

План был логичен, хорошо обоснован и просчитан, и его предстояло утвердить в Москве. В полной уверенности, что процедура утверждения будет легкой, почти формальной – ибо кто же станет возражать против того, что очевидно? – директор Музруков отправился в столицу согласовывать план.

И в первом же высоком кабинете его ждал «облом»: секретарь ЦК Г.М.Маленков взял короткий тайм-аут, чтобы «посоветоваться с товарищами», а на следующий день сказал по телефону, что план не подпишет, и, не объясняя причины, положил трубку.

«Товарищами», с которыми посоветовался Маленков, оказался С.А.Акопов, с 1937 по 1939 год возглавлявший Уралмаш. С Уралмаша он ушел на повышение – в заместители наркома тяжелого машиностроения, потом стал наркомом среднего машиностроения, потом был «брошен» на автомобильную промышленность, но позицию по Уралмашу, оказывается, сохранял твердую: вы, дескать, хотите сделать завод серийным и тем самым подорвать развитие черной металлургии – не позволим!

Свой резон был и у И.Ф.Тевосяна, наркома черной металлургии: мне, дескать, экскаваторы не нужны, а потребуются – куплю за границей. И буровые машины его будто бы не касались.

И Н.С.Козаков, нарком тяжелого машиностроения, в ведение которого Уралмаш переходил после окончания войны, проект не поддержал: вы, мол, должны работать на металлургию, а буровые машины и экскаваторы – не ваша забота.

Никаких аргументов директора Уралмаша никто из них даже слушать не захотел. Казалось, проект безнадежно провален. Но Музруков проявил настойчивость и нашел-таки влиятельных сторонников: нарком нефтяной промышленности Н.К.Байбаков был «по определению» заинтересован в уралмашевских буровых машинах. А.И.Микоян, ведавший торговлей с заграницей, оценил, какие выгоды сулит производство буровых машин и экскаваторов у себя дома: какая экономия валюты! Получив такую поддержку, Музруков позвонил Малышеву и Вознесенскому – и вопрос был поставлен на обсуждение на самом высоком правительственном уровне. Дело кончилось тем, что 15 декабря 1945 года уралмашевский проект подписал Сталин.

Под мирный план, с энтузиазмом воспринятый уралмашевским коллективом, многое на заводе пришлось перестраивать. Оригинальным организационным решением стала централизация технологических служб, позволившая в значительной мере снять противоречие между «штучным» производством, на которое изначально был ориентирован «завод заводов», и преимуществами серийного производства. Дело в том, что в конструкциях «штучных» машин использовалось множество стандартных или родственных деталей и узлов – так почему бы для их проектирования и изготовления не использовать принципы серийного производства? Это значительно ускоряло и удешевляло процесс создания новой техники.

Новый организационный принцип диктовал другие требования к планировке производственных площадей, к расстановке оборудования. Опираясь на опыт военных лет, уралмашевцы сумели произвести крупномасштабные перемены быстро и без остановки действующего производства. Демонтировали и переносили сотни станков, строили новые корпуса, прокладывали коммуникации. Оборудование нового цеха буровых машин – его площадь составляла 8 тыс. кв. метров! – смонтировали «по-фронтовому» за одну лишь неделю, хотя по нормам мирного времени на то ушло бы месяца два. За неделю смонтировали в ноябре 1946 года и оборудование экскаваторного цеха.

Тем временем конструкторы доводили до стадии полной готовности рабочие чертежи, технологи разрабатывали оснастку.

Производство буровых установок начинали с нуля: на заводе не было ни специалистов этого профиля, ни опыта производства. За дело принялась группа энтузиастов, участвовавших до того в конструировании разных машин (в их числе был, в частности, и **Леонид Александрович Ефимов**, отличившийся на прессовом оборудовании). Вскоре определился лидер – **Гурген Бейбутович Карапетян**. С буровыми установками он прежде тоже дела не имел: с 1932

года работал на Уралмаше, за два года до войны окончил заочное отделение Уральского индустриального института по специальности станки, инструменты и холодная обработка металлов. Но задача его увлекла.

Уже весной 1946 года конструкторы выдали чертежи, в октябре группа получила официальный статус конструкторского бюро нефтепромыслового оборудования, которое возглавил Карапетян. А к ноябрю были изготовлены три опытных образца установки Уралмаш-3Д, которые нефтяники восприняли с энтузиазмом, и в 1947 году таких установок было выпущено уже 75, а вскоре их производство довели до 300 штук в год (тогда как до войны в стране их было всего 250). Успех окрылил конструкторов, они принялись совершенствовать свое детище – и, как это бывает, не всегда удачно. Одна новация, к примеру, вызвала такие осложнения, что пришлось остановить производство, но ситуацию удалось выправить. И в конце концов уралмашевцы добились того, что их установки по эксплуатационным качествам не уступали зарубежным, а обходились в несколько раз дешевле. В 1948 году Карапетян и его ближайшие сотрудники были удостоены Сталинской премии «за усовершенствование конструкции и организацию серийного выпуска тяжелых нефтебуровых установок».

Тяжелые буровые установки остались одним из главных направлений уралмашевского производства на десятилетия вперед. Уральский завод создал технологическую базу для освоения топливно-энергетических ресурсов Западной Сибири; мировую славу Уралмашу принесли установки для сверхглубокого бурения: самая глубокая в мире скважина – Кольская, 12262 метра, – пройдена с помощью уральской техники. Принципиально новый технологический уровень добычи углеводородов был достигнут с помощью уралмашевских установок кустового бурения.

Карьерные экскаваторы – второе направление развития Уралмаша в послевоенные годы. До войны тяжелые карьерные экскаваторы в СССР не выпускались. Первая такая машина с ковшом емкостью 3 куб. метра была спроектирована на уральском заводе под руководством молодого конструктора **Бориса Ивановича Сатовского** еще в 1937–1938 годах, но в производство ее не запустили. В годы войны Борис Иванович был одним из технологов танкового производства, но уже в 1944 году возглавил конструкторское бюро горного оборудования. Ни «реанимировать» довоенную конструкцию, ни копировать зарубежные образцы он и его коллеги не стали; созданная ими машина СЭ-3 (то ли «Скальный», то ли «Сатовского» – по-разному расшифровывают; но однозначно – «электрический», с объемом ковша 3 кубических метра) оказалась в изготовлении проще зарубежных аналогов, стало быть, и дешевле, но производительней их процентов на 20. Первый экземпляр СЭ-3 хотели выпустить, по советской традиции, «в подарок 30-летию Октября», но успели на полгода раньше – к Первому мая 1947 года. Машина получилась настолько удачной, что никакая существенная доводка ей не понадобилась, а спрос был так велик, что ее сразу же поставили на поток. Уже в 1948 году завод выпустил 122 экскаватора СЭ-3 – вдвое больше, чем американская фирма «Бюсайрус», специализирующаяся на производстве экскаваторов с начала XX века. В том же году группе работников Уралмаша во главе с Б.И.Сатовским «за разработку и промышленное освоение новой конструкции экскаватора высокой производительности» была присуждена Сталинская премия третьей степени.

А три года спустя конструктор Б.И.Сатовский и его сподвижники были отмечены Сталинской премией первой степени за создание шагающего экскаватора. Первый шагающий экскаватор, созданный на Уралмаше, участвовал в прокладке Волго-Донского канала, исправно прослужил тридцать лет и – вот такое совпадение! – был «отправлен в отставку» в тот же год, когда Б.И.Сатовский выходил на пенсию. Появление первого шагающего гиганта в обстановке послевоенного возрождения страны воспринималось как символ, об этом событии много говорили по радио, писали в газетах, снимали для кинохроники. Следующие машины этого класса были раз за разом все крупнее и производительнее, и счет их пошел сначала на десятки, а потом и на сотни, но производство их перешло в разряд повседневности, интереса для средств массовой информации оно больше не представляло. Так что для общественности прошел не замеченным печальный конец самого крупного уралмашевского драглайна. Экскаватор ЭШ-100.100, со стометровой стрелой и ковшом, в котором поместилась бы двухкомнатная квартира, был построен в 1980 году для Назаровского угольного разреза в Красноярском крае. Он исправно работал почти четверть века и мог бы работать дальше, но в 2004 году был остановлен и законсервирован из-за сильно понизившегося спроса на назаровский уголь. Охотники за цветными металлами растащили с усыпленного гиганта все, что представляло для них ценность, и, спохватившись, «эффективные собственники» карьера сочли, что последняя возможность извлечь хоть какую-то прибыль из «раскулаченного» агрегата – продать его на металлолом.

Отдельные экземпляры шагающих экскаваторов, габаритами поменьше, уже в 2000-х годах были построены Уралмашем для Белоруссии – там деиндустриализация зашла не так далеко, как в России.

Третье производственное направление, прославившее послевоенный Уралмаш, – машины и оборудование для металлургического производства: доменное оборудование, кузнечнопрессовое, но, прежде всего, прокатные станы. Лидером, а вскоре вслед за тем и руководителем конструкторского коллектива, создавшего ста-

ны с маркой «УЗТМ», стал **Георгий Лукич Химич**. В 1936 году он окончил УПИ и пришел работать в конструкторское бюро Уралмаша. С началом войны, отказавшись от брони, ушел на фронт, воевал до победного конца и возвратился в родное КБ капитаном-артиллеристом, кавалером нескольких боевых наград и обуреваемый, по слову поэта, «марсианской жаждою творить». Он стал руководителем коллектива, которому предстояло выполнить первый крупный послевоенный заказ – рельсобалочный стан для Нижнетагильского металлургического комбината.

Рельсобалочный стан – это не один, хотя бы и крупный, механизм: это двести машин, соединенных в единый производственный комплекс. Это даже не цех, это «завод в заводе», требующий большой слаженности всех его блоков. Чтобы заставить такой мега-агрегат работать надежно и с высокой производительностью, следовало в максимально возможной степени избавить его от операций, требующих непосредственного участия человека, а в особенности – физического труда, который на прокатных станах всегда был очень тяжел и опасен. Отсюда главное направление конструкторской мысли: механизация и автоматизация.

Впервые в нашей стране рельсобалочный стан проектировался без участия иностранных специалистов, без копирования зарубежных образцов. При этом сразу творческая планка была поднята очень высоко: победители в «войне моторов» были уверены, что смогут сделать сложнейший агрегат лучше, чем делают немцы и американцы. Разумеется, решить такую задачу на одном лишь энтузиазме и творческом порыве было невозможно: конструкторы изучили станы зарубежного производства, работающие на советских заводах, изучили литературу, то и другое позволило отчетливо увидеть проблемы, не решенные мировыми производителями, и по-уралмашевски смело взяться за их решение. Конечно, огромную роль сыграл яркий творческий дар главного конструктора, который еще в начале своего инженерного поприща заявил о себе и как об ученом. В предвоенном 1940 году Г.Л.Химич опубликовал свои первые научные работы, а впоследствии стал автором более 60 статей, восьми монографий, 56 изобретений, защищенных 76 патентами в США, Англии, Германии и других странах. Его вклад в науку был удостоверен степенью доктора технических наук и званием члена-корреспондента Академии наук СССР.

Именно в результате нетрадиционного подхода к традиционным для мирового машиностроения задачам уралмашевские конструкторы под руководством Химича сделали блестящий проект, в котором нашло воплощение большое количество инноваций, официально признанных изобретениями. Нижнетагильский рельсобалочный стан «800» стал крупнейшим, самым производительным и самым автоматизированным в мире. Его производительность была почти в два раза выше, чем у зарубежных аналогов, а работой его управлял один оператор, сидящий за пультом в кабине, из которой просматривается весь гигантский цех.

Успех создателей стана был отмечен Сталинской премией первой степени. Высоким знаком признания можно считать и тот факт, что завод получил заказы на изготовление таких же станов для Индии и Китая. Штучное производство и не прекращающаяся работа конструкторской мысли стали причиной того, что станы для этих стран были не повторением нижнетагильского, а улучшенными его модификациями. Производительность их была в полтора раза выше, а вес оборудования (всех этих двухсот машин, из которых состоит агрегат) на пять тысяч тонн меньше, чем у тагильского стана. И если производительность соотнести с весом, то есть подсчитать «удельную производительность» (есть еще и такая характеристика прокатной техники), то по этой характеристике станы для Индии и Китая превосходили тагильский в два раза.

За рельсобалочными станами последовала серия толстолистовых станов «2800», которые по сей день работают на многих заводах бывшего СССР и за рубежом, серия высокопроизводительных блюмингов «1150» и блюмингов «1300», производительность которых вдвое выше, чем у зарубежных аналогов, трубопрокатные станы, установки для непрерывной разливки стали и многое другое металлургическое оборудование.

Замечательным инженерно-организационным новшеством при конструировании прокатного оборудования стала унификация узлов. При этом стало возможным применять сложную оснастку, значительно ускоряющую время обработки деталей, загружать работой уникальные станки. Отработав этот сквозной для всех участников производства прием, завод получил возможность применять серийные методы в индивидуальном производстве и, как следствие, принимать групповые заказы на изготовление сложного оборудования. Мало того, этот организационно-технологический принцип скоро вышел за рамки прокатного производства: оказалось, что в единый производственный поток можно вовлечь изготовление и доменного оборудования, и дробилок, и прессов. В результате пакет заказов, которые находились в работе одновременно, исчислялся сотней, а то и полутора сотнями агрегатов, а партии узлов, которые для них изготавливались, доходили до полутора и более тысяч. Это уже было крупносерийное производство.

Война была огромным бедствием и для всего народа, и для Уралмаша. Но, как сказал поэт, тяжкий млат, дробя стекло, кует булат. За военные годы завод неизмеримо расширил свои производственные возможности – и по оснастке, и по технологическим инновациям, и, как сказали бы сегодня, по обоснованным амбициям. Конечно, глав-

ным обретением этих трудных лет для завода стали специалисты и организаторы производства, которые уверенно поднимали планку своих творческих притязаний до мирового уровня и, случалось, уверенно превосходили его.

Перед новыми угрозами

В результате стратегического маневра, который достаточно условно обозначается понятием «эвакуация», страна не только одержала трудную победу над противником, но и стала гораздо мощнее в военно-промышленном отношении. Между тем к концу войны было уже очевидно, что победа не сулит разоружения: обстановка в послевоенном мире будет иной, но никак не менее напряженной. Поэтому практически без паузы, без передышки на базе военной экономики СССР периода Великой Отечественной войны начала выстраиваться советская оборонная промышленность, способная создать ракетно-ядерный щит, предохраняющий страну от угроз нового уровня – тех, что были столь откровенно продемонстрированы новыми претендентами на мировое господство бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки.

Для решения этой задачи измотанная четырехлетней войной страна должна была найти в себе силы, чтобы совершить мощный рывок в сфере науки и образования, создать новые, причем не просто наукоемкие, но за горизонтом доступных к тому времени знаний, отрасли производства, которых не было не только в СССР, но даже и в самых технологически продвинутых странах Запада – США и Великобритании: хоть они и провели масштабный «эксперимент», спалив в адском огне два японских города, атомная промышленность у них тоже еще только создавалась.

Кстати, именно США показали примеры того, как это делать с максимальной эффективностью: американские закрытые города – Ок-Ридж, Лос-Аламос, Хантсвилл, – начали строить еще в годы Второй мировой войны. В них в условиях глубокой секретности сосредотачивались силы и средства для создания ядерного оружия и ракетной техники.

Между прочим, сведения об этих потаенных действиях планетарного масштаба нашему руководству не разведка донесла: они вдруг широко выплеснулись в американскую открытую печать! В августе 1945 года в Соединенных Штатах в свободную продажу поступила книга Генри Смита «Атомная энергия для военных целей». На первый взгляд, это был ошеломляющий «слив» сверхсекретной информации о том, как американцы создавали атомную бомбу. Однако профессор Смит не был «Сноуденом» того времени: его книга вышла не только с ведома, но, есть основания считать, что даже и по инициативе американских властей.

Мотивировано ее появление было самым невинным образом. В очень коротком (и очень взвешенном, надо признать) предисловии генерала Лесли Гровса, военного руководителя Манхэттенского проекта, говорилось, что нет, мол, причин, по которым эти сведения «нельзя было бы сделать достоянием широкой публики». Сам же автор, профессор Смит, апеллировал к демократическим традициям Америки: дескать, за национальную политику отвечают сами граждане страны, и они «только тогда могут сознательно выполнить свой долг, когда они достаточно информированы». Но любопытно, что под авторским вступлением стоит дата: «1 июля 1945 года», а под предисловием генерала Гровса: «Август 1945 года». То есть книга была подготовлена к печати, по меньшей мере, за полмесяца до взрыва первой атомной бомбы на полигоне Аламогордо, но «отмашка» к ее публикации совпала по времени с принятием решения о бомбардировках Хиросимы и Нагасаки. В продажу книга поступила 12 августа 1945 года – из груд оплавленных камней, в которые в один миг превратились и Хиросима, и Нагасаки, еще струился радиоактивный пар. Очевидно, что книга тоже была своего рода «бомбой», только информационной, – ее взрывом дополнили первые ядерные взрывы, чтобы придать их воздействию на политическую ситуацию в мире кумулятивный эффект.

Зачем понадобилась американскому правительству книга Смита именно в тот момент? Ответ достаточно очевиден: разрушительная сила ядерного оружия была продемонстрирована всему миру – убедительней некуда. Без такой демонстрации никто бы даже и не поверил, что такое возможно. Вот почему не было смысла издавать книгу до того, как прогремели взрывы: она бы только ослабила эффект атомных взрывов. Вот когда врата ада отверзлись, тогда и следовало дать понять всему миру, что атомная бомба – оружие чисто американское, никто другой в мире не способен ее создать. Но как в том убедить мир? Единственный способ – показать, насколько это сложно, трудоемко, капиталоемко. Для того и понадобилось достаточно широко распахнуть завесу тайны.

Тайна, впрочем, сразу была ограждена «сигнальными флажками»: «В этой книге содержатся все научные данные, опубликование которых не может нарушить интересы национальной безопасности. К частным лицам или организациям, участвовавшим прямо или косвенно в осуществлении проекта, обращаться с просьбами о сообщении дополнительных сведений не следует. Лица, разглашающие или собирающие любым способом дополнительные данные, подлежат суровым наказаниям, предусмотренным законом о шпионаже».

Любопытны еще дразнящие нотки во вступительных текстах. Генерал Гровс заявляет, что это «увлекательный, но сугубо научный отчет»; профессор Смит буквально на следующей странице говорит несколько иное: «Этот доклад не является ни официальным документальным отчетом, ни научным трудом для специалистов».

Но еще страницей позже предупреждает: «Предмет изложен здесь не в популярной форме, и книга рассчитана на научных работников и инженеров, а также на других лиц с высшим образованием, имеющих хорошую подготовку по физике и химии».

Эти немного путаные оговорки, согласитесь, не имеют никакого смысла для американских «налогоплательщиков», которые «должны знать». Это, по сути, «месседж» спецслужбам и руководителям других стран, которые претендуют на какую-то роль в послевоенном мире; СССР – в первую очередь. Зовите, мол, самых подготовленных своих специалистов, всей правды мы им не скажем, но того, что скажем, вполне достаточно, чтоб они сами поняли и вас убедили, что вам такие «игрушки» не по силам. «Стоимость проекта, включающего возведение целых городов и невиданных доселе заводов, растянувшихся на многие мили, небывалая по объему экспериментальная работа – все это, как в фокусе, сконцентрировано в атомной бомбе. Никакая другая страна в мире не была бы способна на подобные затраты мозговой энергии и технических усилий».

Так что, если перевести этот «месседж» на язык родных осин, он означал: не дергайтесь и будьте благоразумны. Только «граждане Соединенных Штатов, существенно заинтересованные в благополучии всего человечества», имеют и будут иметь в обозримом будущем такое оружие, они же и станут об этом благополучии заботиться – по собственным, естественно, понятиям. Что сказать? Гуманно: никаких амбиций, никаких конфронтаций, никакой гонки вооружений; живите мирно, но по законам, установленным американцами и сообразуясь с американскими интересами.

Советское руководство, которому, в первую очередь, это послание и было адресовано, все прекрасно поняло, но отреагировало совсем не так, как рассчитывали новые хозяева мира: предложенный ими новый мировой порядок неотвратимой неизбежностью признавать не стали, однако воспользовались «любезно предоставленной» информацией, чтобы скорректировать собственные планы.

Планы же были давние и серьезные. Проблемы радиоактивности разрабатывались российскими учеными еще до революции; в 1922 году по инициативе академика Вернадского был учрежден Радиевый институт, который, естественно, бомбой не занимался, но в области ядерной физики делал заметные шаги. Нынче хронология исследований в области ядерной физики в научных учреждениях СССР хорошо известна, так что имеет смысл этот сюжет опустить, а лишь процитировать выступление академика Петра Леонидовича Капицы на антифашистском митинге в Колонном зале Дома Союзов 12 октября 1941 года: «Одним из основных видов оружия современной войны являются взрывчатые вещества. Наука показывает, что в принципе их разрушительную силу можно увеличить в один, полтора и два раза. Однако последние годы открыли новые возможности использования внутренней энергии атома. Теоретические расчеты показывают, что в то время, как современная бомба большой взрывной силы может разрушить целый квартал города, атомная бомба даже небольшой величины, если удастся ее изготовить, свободно может разрушить большой город с несколькими миллионами жителей».

«Если удастся ее изготовить», – оговаривается будущий нобелевский лауреат. Трудно сказать, имел ли он в виду, что такие попытки делаются, или говорил лишь о теоретической возможности. Скорее второе, иначе едва ли он выступил бы с таким заявлением перед широкой публикой.

Для советских исследователей и советского руководства к началу Великой Отечественной войны атомная бомба была чисто теоретической проблемой – примерно, как нынче полет на Марс. Но в сентябре-октябре 1941 года наша разведка в Лондоне передала в Москву первые сведения о том, что в Англии ведутся работы по урановой бомбе. Затем последовали новые сообщения, и скоро выяснилось, что работы по созданию атомной бомбы ведутся широким фронтом не только в Англии, но и во Франции, Германии, а более того в США. Понимая, что проблема быстро приобретает экстраординарную актуальность, Берия 6 октября 1942 года передал Сталину краткую докладную записку с приложением материалов разведки. Материалы накапливались в течение года, и трудно понять, почему он решил именно в тот момент дать им ход: ведь как раз на первую половину октября пришелся особый накал Сталинградской битвы, тяжелые бои шли уже в черте города, немцы прорывались к берегу Волги – до миражей ли из неопределенного будущего было тогда? Сталин, однако, не оставил записку Берии без внимания, и как только битва завершилась разгромом немецкой группировки, ГКО принял постановление об организации работ по использованию атомной энергии в военных целях.

Во исполнение этого постановления была создана ныне знаменитая (а тогда сверхсекретная) Лаборатория № 2 Академии наук СССР. На роль ее руководителя «сватали» самых авторитетных физиков, хорошо знакомых с ядерной проблематикой, – академиков Абрама Федоровича Иоффе и Петра Леонидовича Капицу, но оба отказались. Кстати, первому шел тогда уже 63-й год, второму 60-й. Назначили менее именитого Игоря Васильевича Курчатова («Курчатов так Курчатов», – без энтузиазма, как гласит легенда, согласился Сталин), зато он только-только (в январе 1943-го) отметил свое сорокалетие, и это был «эталонный» возраст организаторов Победы в Великой Отечественной войне! А кураторами Лаборатории от ГКО были назначены М.Г.Первухин (зам. председателя Совнаркома) и С.В.Кафтанов – уполномоченный ГКО по науке, а впоследствии

министр высшего образования СССР, председатель Гостелерадио.

Если сопоставить с будущими затратами на «атомные» города, работа Лаборатории № 2 правительству практически ничего не стоила. Ну, выделили помещение – сначала вовсе «на птичьих правах», потом достроили для них корпус, который еще до войны начали строить для Института экспериментальной медицины. Ну, подключили Курчатова к серьезным источникам информации: предоставили возможность не только знакомиться с разведданными, но даже и заказывать разведке получение тех или иных сведений. Ну, позволили ему набирать штат не только из специалистов, которые работали в научных учреждениях тыла, но и отзывать с фронта. Можно ли это было сравнивать по масштабам расходов хотя бы с установкой эвакуированной моторной линии на Турбинном заводе или ижорского броневого стана на Нижнетагильском металлургическом?

Курчатов ни по силе интеллекта, ни по организаторским способностям, ни по витальной энергии не уступал молодым наркомам и генералам танкопрома, но от его усилий не зависело напрямую положение на фронтах, и потому работа его в раскладе ГКО не считалась первоочередной. Предполагалось, что они работают на послевоенное будущее – вроде как уралмашевская «группа завтрашнего дня», до которой ГКО и вовсе не было дела. В сущности, курчатовцы занимались теоретической проработкой вопросов производства, практическая нужда в котором еще не встала в первую строчку повестки дня, и потому к весне 1944 года в Лаборатории № 2 числилось лишь 25 научных сотрудников, включая самого Курчатова, а всего в штате было 74 человека – со сторожами и уборщицами.

Но, в отличие от своих партийно-государственных кураторов, Курчатов ядерную проблему знал изнутри и был твердо убежден в ее исключительной важности и неотложности. Задачей номер один он считал пуск экспериментального ядерного реактора, в котором должен нарабатываться оружейный плутоний. На его энтузиазме, главным образом, дело и держалось. Он донимал Сталина, по его собственному признанию, как назойливая муха, добиваясь решения самых неотложных вопросов. Как от мухи, Сталин от него и отмахивался. Тем не менее, в мае 1945 года курчатовский коллектив выдал эскизный проект уран-графитового реактора, и даже началась работа по превращению этого проекта в документ реальных действий.

Вот такой задел имела страна к моменту, когда на виду у всей планеты были взорваны три американские атомные бомбы, а вслед за ними четвертая – информационная.

Книгу профессора Смита переведут у нас в авральном режиме и издадут на русском языке уже в 1946 году. Но в англоязычном оригинале она едва ли не на другой день после американской премьеры (строго говоря, не сама книга, а ее фотокопия) легла на стол Курчатову. Полистав ее и должным образом оценив ее смысл, Игорь Васильевич немедленно отправился к Первухину (тот уже не был зампредом Совнаркома, но ядерная проблематика осталась на его попечении). На совещание были приглашены еще два-три человека, посвященные в атомную проблематику, а также кандидат-физик из другого ведомства, свободно владевший английским языком. Вот этому «англоязычному» кандидату и было поручено за ночь проштудировать книгу Смита и сделать ее подробный реферат для советских специалистов.

Он выполнил поручение безупречно: уже ранним утром следующего дня явился в Лабораторию № 2 с материалами, пригодными для более предметного осмысления. Специалисты-ядерщики быстро вникли в ситуацию, образовали рабочую группу, которую сразу же перевели на казарменное положение, – и в течение недели, к 20-му августа, ориентируясь на опрометчивые откровения Генри Смита и немалый уже собственный опыт, эта чрезвычайная группа разработала обстоятельный проект правительственного постановления. А 30 августа 1945 года проект был Совнаркомом утвержден, то есть превратился в программу создания научно-производственной отрасли, включающей систему научно-исследовательских учреждений и промышленных предприятий. Вместе они должны были составить цельный и слаженно функционирующий организм, производящий ядерное оружие.

Однако уже с первых шагов по разработке этой программы было очевидно, что на уровне курчатовской лаборатории, как бы ей ни помогали Первухин и Кафтанов, такая задача невыполнима. Поэтому, не ожидая даже, когда завершится ее разработка, ГКО и Совнарком занялись созданием государственных органов, ответственных за ее реализацию. Схема этого механизма выглядела таким образом. Наверху Спецкомитет (во главе с всесильным Берией) – говоря очень условно, орган законодательный, то есть помогающий принимать решения, касающиеся атомного проекта, на государственном уровне. Под ним орган «исполнительный» – Первое Главное управление (ПГУ) во главе с Борисом Львовичем Ванниковым, который еще до войны стал наркомом вооружения, с февраля 1942 до 1946 года был наркомом боеприпасов и проявил себя выдающимся организатором.

Функции ПГУ были сложны, компетенции очень широки: ведь даже по книге Смита было понятно, что для реализации атомного проекта придется (в который раз за короткую советскую историю!) поднимать на дыбы всю страну. Поэтому штатное расписание атомного Управления не шло ни в какое сравнение со скромной курчатовской лабораторией: уже в момент создания там числилось 415 человек, а в дальнейшем эта цифра быстро росла, при том что

квалифицированных кадров для заполнения вакансий остро не хватало. Но их аврально готовили, целенаправленно развивая систему высшего образования в интересах новой отрасли.

Особый интерес представляет руководящий орган Управления – коллегия ПГУ. В первый ее состав вошло 9 человек, включая самого Ванникова. Сам Борис Львович, оставив пост наркома, полностью переключился на работу ПГУ, но большинство коллег стали его замами, не оставив своих, как правило, очень высоких государственных должностей. В частности, замами Ванникова в ПГУ стали, к примеру, заместитель Берии по НКВД (МВД) Авраамий Павлович Завенягин, заместитель председателя Госплана СССР (то есть Вознесенского) Николай Андреевич Борисов, заместитель члена ГКО Микояна Петр Яковлевич Антропов, начальник Главного управления лагерей промышленного строительства НКВД (МВД) Александр Николаевич Комаровский и др.

Замысел такого «совместительства» заключался в том, чтобы через руководителей важных государственных структур привязать сами эти структуры к общему делу, которое вдруг стало самым важным общегосударственным делом. Этот принцип был положен в основу организации ГКО – и Победа 9 мая 1945 года доказала его эффективность. Но, может быть, нагляднее выглядит параллель коллегии ПГУ с Советом по эвакуации первых месяцев войны: он ведь тоже состоял из представителей разных ведомств, обладающих полномочиями решать все вопросы на месте, без согласований и бюрократических проволочек. По образу и подобию этих организаций, с учетом их огромного опыта, и строилась система руководства атомным ведомством.

Бросается в глаза, что через такое «совместительство» атомное «министерство» (Управление и стало через некоторое время министерством «среднего машиностроения») более всего было связано с НКВД (МВД), и это понятно: ГУЛАГ в те годы обладал практически неисчерпаемыми, мобильными, безотказными ресурсами рабочей силы, ни одна крупная стройка без участия ГУЛАГа не обходилась. Конечно, по условиям того времени обойтись без ГУЛАГа при создании атомного комплекса было просто немыслимо. Сохранились свидетельства, что Берия даже рассчитывал всю эту работу подчинить НКВД, то есть лично ему, но Ванников убедил Сталина, что этого не следует допустить.

Но ограничиться традиционной мантрой о «рабском труде» в этом случае было бы несправедливо. Во-первых, в тех условиях альтернатива была у нас только одна: во всем положиться на «граждан Соединенных Штатов, существенно заинтересованных в благополучии всего человечества» (кто-то сегодня считает, что так и следовало поступить). Во-вторых, работу на таких стройках лучше оценивать не в абсолютных показателях, а в сравнении. Трудно в те годы было у нас везде (пожалуй, в колхозах даже и труднее), но на стройках ПГУ старались создавать приемлемые условия хотя бы ради более эффективной работы. И, наконец, генералам-строителям из НКВД столь же нелепо приписывать преступления ГУЛАГа, как египетским зодчим, строившим пирамиды в Гизе или храм Амона-Ра в Луксоре, вину в том, что на строительстве этих объектов использовался «египетский труд».

В данном случае хочу обратить внимание на другое: ни Курчатова, ни его сподвижников не было в составе руководства ПГУ. Они выдавали идеи, а ПГУ, обладая безграничными полномочиями и при поддержке Спецкомитета, эти идеи воплощало в институты, заводы и города, которые, конечно, очень дорого обошлись стране – едва ли не так же дорого, как Победа 1945 года, но обеспечили тот паритет силы с новыми претендентами на мировое господство, который сохранялся на протяжении десятилетий. (Впрочем, состав ПГУ много раз пересматривался, со временем и Курчатов стал даже первым замом Ванникова в этом Управлении).

Внешне эпопея создания советского ядерного щита мало напоминает эвакуацию 1941 года. Железнодорожные магистрали не были забиты составами, идущими с запада на восток, хотя эшелоны все-таки шли. Ничто не горело и не взрывалось там, откуда начиналось их движение, никто не бомбил их в пути; не демонтировалось оборудование одних предприятий, чтоб установить его в другом месте, – нигде не было такого оборудования, которое было нужно атомной отрасли.

Но в глубинной своей сути это тоже был великий стратегический маневр, призванный изменить соотношение противоборствующих сил на мировой арене. Цель его была такая же, как раньше: втайне от противника нарастить военно-промышленный потенциал страны до уровня, соответствующего масштабам новых угроз. Как и при эвакуации, для развертывания новых военно-промышленных производств отводились удаленные от посторонних глаз глубинные уголки Урала и Сибири. Использовались и методы, отработанные в первые месяцы войны: предельная мобилизация и концентрация материальных и человеческих ресурсов, быстрое их сосредоточение в намеченных точках, широкий простор организационной инициативе и строгая ответственность за выполнение поставленных задач. Мало того, в ряде случаев ключевыми фигурами в этом новом стратегическом маневре оказывались деятели, закалившие характер и накопившие организационный опыт в ходе возрождения на уральской земле эвакуированных предприятий. Тут, конечно, в первую очередь нужно назвать А.Н.Комаровского, строившего Бакальский завод качественных сталей, Е.П.Славского и Б.Г.Музрукова.

«Жизненная сила России»
в условиях новых угроз

Как и во время войны, в послевоенной стране почти не было предприятий, которые так или иначе не работали бы на «оборонку» в ее новом качестве. И как тогда в центре военно-промышленной отрасли стояли такие гиганты, как челябинский «Танкоград», тагильский Уралвагонзавод, свердловский Уралмаш, так и сейчас весь организм перенапряженной страны через тысячи капилляров передавал свою энергию в центры новых производств, на базе которых создавались закрытые «атомные» города. Таких городов в стране было создано десять, пять из них – на Урале, а первым из них по времени и наиболее связанным с традициями эвакуации стал нынешний Озёрск («псевдонимы» советских лет – База-10, Челябинск-40, Челябинск-65), ядром которого стал плутониевый комбинат – нынешний «Маяк».

Однако эвакуированные предприятия возрождались, как правило, на заранее определенных местах. Даже на пустыре, где выгрузился киевский завод «Большевик», были видны следы не состоявшейся стройки. Даже площадка для Бакальского (будущего Челябинского металлургического) завода, которую уже назначенный директор и нарком в декабрьских снегах с первой попытки не смогли найти, была еще до войны тщательно обследована и приготовлена для строительства.

А вот с площадкой для Базы-10, несмотря на срочность задания, не могли определиться в течение нескольких месяцев. Дело не в нерешительности проектировщиков, а в том, что даже заказчик (которым условно считалась Лаборатория № 2) толком не знал, что придется строить, а что и знал – не имел права «рассекречивать». Известно только было (и то немногим: Курчатову, Ванникову, Берии, а кому еще, кроме них?), что будет строиться плутониевый комбинат, но даже главный его объект – реактор существовал пока что лишь в эскизном проекте. (Заметим, что через год, в самом конце 1946 года, Курчатову и его сподвижникам удастся запустить первый в Европе и Азии полупромышленный уран-графитовый котел. Это будет принципиально важный этап в реализации нашей атомной программы). Чтобы сделать полноценный рабочий проект, нужно было провести серьезные научные исследования, а исследования можно было провести лишь в лабораториях, оборудованных приборами, которых тоже не было...

Выбор был такой: либо все делать по порядку (исследовать, проектировать, строить) – тогда этот процесс растянется на десятилетия (на что, собственно, и рассчитывали американцы, «подразнившие» маломощных претендентов в конкуренты книгой Генри Смита); либо, вопреки здравому смыслу, строить «то, не знаю что». Руководители нашего атомного проекта выбрали второй вариант: на первый история не отводила времени.

Впрочем, опыт такого строительства во время эвакуации был: вспомните, как, например, на Магнитогорском комбинате цех строили и проектировали одновременно, причем строители порой опережали проектантов. И были люди, воспитанные войной: они не рассуждали – можно или нельзя, а брались и делали. Именно такой человек отвечал по линии ПГУ за строительство плутониевого комбината на Южном Урале.

Про Александра Николаевича Комаровского я в одной из предыдущих глав говорил: это он руководил сооружением оборонительных сооружений, преграждавших движение гитлеровцев в сторону Сталинграда. Он не успел завершить ту работу, ибо его перебросили на более проблемный, как тогда казалось, участок: именно Комаровский в авральном порядке строил Бакальский завод качественных сталей. А теперь, как упомянуто выше, генерал-майор Комаровский был назначен заместителем Ванникова по ПГУ, оставаясь начальником Главного управления лагерей промышленного строительства НКВД (МВД).

А.Н.Комаровский знал Урал и опыт работы с самыми массовыми контингентами тогдашних строителей имел огромный. Имея чрезвычайные полномочия, он быстро нашел решения главных вопросов, определивших судьбу будущего объекта. В частности, по его предложению главным подрядчиком строительства Базы-10 был утвержден Челябметаллургстрой (ЧМС) – организация, хорошо ему знакомая с военных лет.

Знал Комаровский и тогдашнего руководителя этой организации – генерала от НКВД **Якова Давыдовича Рапопорта**. Нынче это имя широко известно благодаря Солженицыну, но можно ли безоговорочно верить автору «Архипелага ГУЛАГ»? Он, к примеру, чисто умозрительно предположил, что Завенягин «зверь был отменный», между тем как Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, по свидетельству Гранина, лично общавшийся с Авраамием Павловичем, отозвался о Завенягине так: «Вокруг него собиралось много хороших людей и сравнительно малое количество сволочи. Вот этим он и был замечателен. Завенягин был не только умница, но прекрасный, непосредственный человек». Относительно Рапопорта Солженицын тоже не принял во внимание, что «недоучившийся дерптский студент», как вспоминают первостроители Базы-10, свободно владел тремя языками, что он во Время Великой Отечественной войны командовал 3-й саперной армией, занимался строительством оборонительных сооружений, потом возглавлял ряд крупных строек на Урале и в Сибири. К тому ж он работал в одной команде с тем же Завенягиным и с Комаровским: неужто именно он принадлежал к «сравнительно малому количеству сволочи», о которой говорил бескомпромиссный Зубр? Вернее предположить, что советский строй представлял собою явление, на порядок более сложное, нежели сегодня убеждают нас его исступленные про-

тивники, и это важно знать затем, чтобы не впадать в истерику эмоциональных «мнений», а трезво оценивать историю и советскую, и «антисоветскую»: это наша жизнь.

Если же возвратиться к строительству первого «атомного» города на Урале, то надо признать: к реализации этого проекта была привлечена элита строительной отрасли, существовавшей тогда в СССР. Ничего лучшего у нас не было.

А еще именно генерал Комаровский, приехав на Южный Урал, поставил точку в затянувшихся колебаниях с выбором места строительства. Организовал небольшую рабочую группу, куда вошли, кроме него самого, и генерал Рапопорт, и военный строитель, начальник отделения ЧМС Дмитрий Кириллович Семичастный, и представитель Курчатова инженер-полковник Сапрыкин. Сели они в классный вагон с дрезиной, прицепили к нему платформу с легковушкой-вездеходом – и в течение нескольких дней октября 1945 года объехали все места, которые обследовались изыскателями на предмет размещения стройки. Сравнив, сопоставив их на основе собственного богатого опыта, взвесив все аргументы своих спутников «за» и «против», Александр Николаевич Комаровский принял решение: здесь! И «стало здесь» – между Каслями и Кыштымом, возле небольшого поселка Старая Теча, в окружении озер Иртяш, Кызылташ, Малая и Большая Нанога.

Все было в том месте, как того требовали особенности сооружаемого предприятия: и много кристально чистой воды, и труднодоступная глушь (при том что недалеко проходит железнодорожная линия, а если ехать по ней – совсем недалеко оказываются и Челябинск, и Свердловск). И есть за что «зацепиться» на первых порах: упомянутый поселок Старая Теча, парочка захудалых колхозных деревень.

Начинали с колышка в чистом поле (впрочем, давно уже забыто, кем и где он был вколочен), а уже в августе 1946 года на площадке работало 11 тысяч солдат-строителей, ожидалось еще 11 тысяч, уже функционировал один лагерь для заключенных и был получен приказ выстроить еще два.

Когда строительство комбината и города перешло в ту стадию, когда уже было нужно комплектовать и налаживать производство (о котором далеко не всё знали и его проектировщики, в том числе и сам Курчатов), во главе предприятия был поставлен **Ефим Павлович Славский**. Тот самый, что эвакуировал Днепровский алюминиевый завод в Каменск-Уральский, по сути – создал УАЗ, с 1945 года работал заместителем наркома цветной металлургии, потом, одновременно, и заместителем начальника ПГУ. Кстати, именно в качестве зам начальника ПГУ он инспектировал Рапопорта и доложил Берии, что тот не справляется. Берия был скор на решения и тут же заменил Рапопорта Славским. Вклад Славского в развитие атомной отрасли, по мнению историков, сопоставим с вкладом Курчатова: одновременно с ним и другими создателями первой советской атомной бомбы Славский в 1949 году становится Героем Социалистического Труда; так же, как и Курчатов, он удостаивается этого звания трижды. И нет числа другим его наградам.

Однако в конце 1947 года гигантскую стройку лихорадило: многотысячный коллектив, где были привычно смешаны несовместимые контингенты, становился неуправляемым, эшелоны с оборудованием и материалами, которые возрастающим потоком шли с разных концов страны, не усваивались, намеченные сроки срывались – и Берия снял Славского с должности директора предприятия и заместителя начальника ПГУ. Вместо него он, при полном одобрении Сталина, назначил еще одного знаменитого уральца времен эвакуации – **Бориса Глебовича Музрукова**. Этот легендарный уралмашевец руководил предприятием до момента ухода на пенсию в 1974 году. При нем комбинат достиг зрелости и стал важнейшим элементом ракетно-ядерного щита СССР.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ, ТЕМУ НЕ ЗАКРЫВАЮЩАЯ

80 лет спустя

Пять лет назад мне довелось побывать в старом уральском селе Четкарино Пышминского района, которое смело можно принять за аналоговую модель нынешней России. За пять лет там, наверно, что-то изменилось, но я о том, честно говоря, не знаю. Однако жизнь в стране за эти годы если и изменилась, то, увы, не в лучшую сторону; неужели отдельно взятое село двигалось против общего течения? Был бы рад, если б дело обстояло именно так, но никаких предпосылок к тому во время памятной поездки не заметил. Так что буду рассказывать о том, что видел тогда: для понимания нынешней ситуации в стране сравнительно давние впечатления, мне кажется, ничуть не устарели.

Находится Четкарино в юго-восточном уголке Свердловской области, клинышком раздвинувшем границы между Курганской и Челябинской областями. Мы подъезжали к нему со стороны Камышлова. На дальних подступах к селу, средь широкого то ли поля, то ли луга, заросшего дурнотравьем, громоздился некогда прославлявшийся партийной пропагандой, а нынче ржавеющий без ухода и применения АИСТ – агрегат искусственной сушки травы. Между прочим, он сам по себе тянет на символ.

Хорошо помню, как АИСТы внедрялись в обиход. Несколько дождливых летних сезонов подряд во второй половине 1970-х сильно подкосили уральское земледелие. Свежескошенное сено не успевало просушиться, загнивало в валках. Никли на корню злаки в непроходимых для комбайнов полях. Студенческие отряды не поспевали до первых снегов извлечь из липкой грязи «второй хлеб» – картошку. Б.Н.Ельцин, незадолго

перед тем вступивший в должность первого секретаря Свердловского обкома КПСС, объявил и сам возглавил *борьбу за урожай*; помню его зажигательные речи по этому поводу на местном телевидении. Полтора десятилетия спустя эта «борьба» послужила новым сподвижникам теперь уже вождя демократов Ельцина поводом для объявления советского способа хозяйствования безнадежно провальным. Насколько справедливой была такая оценка – отдельный разговор (лучше бы с учетом бывших пашен, заросших нынче кустарником, и обезлюдевших деревень). Но тогда партийному «хозяину» области удалось-таки авторитарными методами кое-что сделать. В частности, в 160 хозяйствах появились вот эти самые АИСТы. Клепались они под нажимом обкома совместными усилиями Уралхиммаша, Уралмаша, целого ряда других предприятий и проектных институтов. Всякие сантименты, вроде «бабы с граблями рядами ходят, сено шевеля», отменялись, скошенная хотя бы под дождем трава сразу попадала на переработку; один такой металлический монстр производил в час полторы тонны травяной муки; она тут же преобразовывалась в гранулы и брикеты. Не знаю, подсчитывал ли кто-то себестоимость таких кормов; во всяком случае, в наиболее доступных источниках я таких цифр не обнаружил. Но, так или иначе, АИСТы помогали в условиях непогожего уральского лета обеспечивать надежную кормовую базу для местных животноводческих ферм.

Одна из таких ферм располагалась как раз на полпути от ржавеющего нынче АИСТа к Четкарино. Сейчас это руины: несколько приземистых, уже без окон и дверей, с проваленными крышами, корпусов среди чертополоха и крапивы. Уже и не понять, кого там выращивали: нынче оттуда не доносится ни поросячий визг, ни коровье мычание; туда не ведет ни одна тропинка. Даже вороны там не гнездятся. Там нет не только признаков жизни, но хотя бы признаков того, что жизнь когда-то может туда вернуться.

Ощущение необратимости произошедших в этом краю перемен усугубляется еще одним зрелищем на ближних подступах к селу. На большой площадке у дороги – кладбище брошенной сельскохозяйственной техники: плуги, бороны, сеялки-косилки, целые комбайны и даже, помнится, «раскулаченные» трактора. Похоже, никому это все в одночасье стало не нужным и не предвиделось, что понадобится в обозримом будущем. Даже сдать на металлолом то ли не озаботились, то ли (это вернее) не смогли: это ж сколько требовалось денег затратить, чтобы расчленить да увезти, – расходы вряд ли окупились бы.

Как и большинство российских сел (и городов в глубинке), Четкарино заметно обезлюдело. Сейчас численность его населения едва ли достигает трети от того, что жило и работало здесь в не столь еще давние советские времена. Пока ехали через село, видели много заброшенных домов, даже заброшенные улицы.

Между тем в обитаемой своей части село вовсе не выглядит умирающим. Дома ухожены, за прочными тесовыми воротами угадывается неплохо обустроенный быт: есть там и сараи, и амбары, и дровяники. Конюшен вроде не видно, зато почти при каждой усадьбе есть гараж. Машины днем чаще несут дежурство по эту сторону ворот: они могут понадобиться в любую минуту. Их и запрягать, как прежде лошадь, не надо: сел, повернул ключ зажигания, нажал педаль и поехал – хоть в магазин, хоть в райцентр, хоть к теще на блины. Пахать на них, конечно, не приспособились – так где-нибудь во дворе, под навесом, найдется мотоблок, а то и минитрактор: его пяти или десяти лошадиных сил вполне хватает для десяти-пятнадцати, даже и сорока приусадебных соток, еще и вдо́вой соседке по старой сельской традиции можно пособить.

Зажиточные (по крайней мере, по внешнему впечатлению) четкаринцы – не фермеры: они работают, как правило, не на рынок, а на свою семью, отчасти и на родню, перекочевавшую в город. Те, понятно, не остаются в долгу: чем-то снабжают, выручают, как некогда студенческие отряды, во время посевной и уборочной страды. Но приусадебным участком не проживешь, машину не купишь – где-то надо всерьез зарабатывать, а в селе работы практически нет. Выходит, на стороне находят они работу. Один случай знаю: небольшая бригада мастеровитых (и, между прочим, весьма интеллигентных) четкаринских мужичков подряжается на строительно-ремонтные работы в любом уголке области, а позовут – так и за ее пределами. Свой транспорт, своя, по минимуму, техника. Знают, где и как раздобыть материалы. Работают дружно, качественно, поэтому без дела (значит, и заработков) не сидят.

Но, в принципе, как и где зарабатывает нынешняя глубинная Россия, когда работать негде, – это одна из тайн современной российской экономики.

Самое необычное впечатление ожидало меня как человека приезжего в центре села. Посреди просторной площади на возвышенном месте – большое церковное здание: Иоанно-Предтеченский храм. Он был построен, как я выяснил позже, еще в первой половине XIX века, потом не раз достраивался и перестраивался, а в советское время его обезглавили и разжаловали в клуб. После крушения советской власти клуб стало содержать не на что, да и незачем: народ разъехался, и жизненный уклад стал другой. Так что восстанавливать храм не имело смысла: непомерно велик он для села, где осталось не больше пятисот жителей, да и средства нужны немалые – не только на то, чтобы восстановить, но и чтобы содержать. Откуда их взять? Вот и стоит он обезглавленный, неопрятный, с заколоченным входом.

Однако временный выход нашли: восстановили «на живульку» один (из трех) придел – боковой,

конечно: длинное такое, метров на двадцать – двадцать пять, и узкое помещение. Разделили его по длине на три примерно равные части. В одной оборудовали-таки молитвенную комнату во имя все того же Иоанна Предтечи: крест над входом водрузили, молодого батюшку ангажировали. Он, говорят, бывает там наездами: службы разные и требы совершает, души лечит по расписанию. Другую часть отвели под клуб: надо ж где-то по неизжитой советской традиции собрания проводить. А в третьей обосновалась сельская библиотека – с неплохим, кстати, ассортиментом книг. Мне показалось, что именно библиотека и есть настоящий культурный центр села: туда приходит постаревшая сельская интеллигенция не только чтобы книгу на абонементе сменить, но и свежую прессу полистать, и новости обсудить, и фильм посмотреть. Даже Интернет у них есть.

Получилось прямо как с современной российской государственной символикой: флаг, герб, гимн – из разных эпох.

Но модель современной России я усмотрел в Четкарино не потому, что там механически и причудливо соединены обломки разных времен, а потому, главным образом, что в жизнестойкости старинного уральского села наглядно проявилось своеобразие нынешнего российского образа жизни. В плане экономическом: от производства, которым прежде кормилось село, остались лишь ржавый металлолом и заросшие бурьяном руины, между тем народ (хотя и заметно поубавившийся) живет, и довольно зажиточно. В социокультурном: тут если не в органическом, то в компромиссном единстве переплелись и советские, и постсоветские, и, пожалуй, антисоветские компоненты общественного устройства. Чем-то те и другие кому-то удобны – вот жители села от них и не отказываются. А «принципы» оставьте при себе.

И еще: хоть в Четкарино, хоть в большой нашей России баланс между тем, что отвергнуто (а оно, оказывается, еще нужно и ничем не заменено), и теми возможностями, которые сулит свободный рынок (но попробуй-ка ими воспользуйся), неустойчив и не открывает надежной перспективы. Выведенные из хозяйственного оборота пашни, ржавеющий АИСТ, заброшенная ферма – это зримые приметы непреодоленного кризиса, это неиспользуемый экономический потенциал, это отсутствие внятной хозяйственной стратегии – серьезная заминка в пути: то ли предстоит рывок и выход на путь устойчивого развития, то ли медленная, но неуклонная деградация с летальным исходом.

Было – стало

Случай Четкарино тем интересен, что там все рядом, все на виду, поэтому я и говорю про модель. А явление, суть которого этой моделью схватывается, по масштабу равновелико самой России. Вас впечатлили ржавеющий АИСТ на заброшенном поле или кладбище сельхозмашин на колхозном дворе? А вы видели (хотя бы на кино- или телеэкране; за проходную человека с улицы все же не пустят), как выглядят сегодня многие корпуса десятиорденоносного Уралмашзавода – флагмана и гордости советской индустрии? По мнению специалистов, восстановлению они уже не подлежат. Но еще в более плачевном состоянии пребывают сегодня бывший Сталинградский и Алтайский тракторные заводы. Сколько видит глаз с высоты полета дрона – руины, руины, руины... Как будто тут совсем недавно фронт прошел. Ну, да по всей стране подобных развалин – сотни, а может, и тысячи; статистика не предается гласности.

Заколоченные окна в Четкарино... А вы интересовались судьбой российских депрессивных или вовсе умирающих городов?

К примеру, пермский **Кизел**. Его история началась в середине XVIII века. На землях возле таежной речки Кизел, которыми владели Строгановы, нашли железную руду, заложили копи. В 1780-х годах рудоносное место купил у Строгановых И.Л.Лазарев, придворный ювелир при Екатерине II, один из самых богатых богатеев екатерининской поры. Он построил металлургический завод и поселок при нем. Тут же вскоре были открыты и залежи каменного угля, который со временем оказался главным природным богатством этих мест. Дело предприимчивого миллионера продолжили и значительно расширили его наследники, которые уже во второй половине XIX века стали князьями Абамелек-Лазаревыми…

Значение Кизеловского каменноугольного бассейна и расположенных близ него, так или иначе связанных с ним промышленных предприятий еще во второй половине XIX века, было так велико, что в проекте Уральской горнозаводской железной дороги, первой на Урале, с самого начала была предусмотрена Луньевская ветка, соединяющая предприятия Кизеловского куста с общеуральской транспортной системой (своего рода «внутрицеховым» транспортом промышленного Урала). Проходили десятилетия, социально-экономические потрясения изменили весь уклад российской жизни, но без топлива не прожить при любой власти, поэтому, несмотря ни на что, экономический потенциал Кизела и после революции нарастал.

В начале 1930 года Совет труда и обороны страны вынес постановление электрифицировать линию Чусовская-Кизел, мотивируя это необходимостью «усиления пропускной способности железнодорожных выходов из Кизеловского района на юг». Дело было новое: ни опыта, ни техники, ни кадров; до этого момента в СССР было только два «пробных» электрифицированных участка – 20-километровый возле Баку и 18-километровый в Подмосковье. А электровозов в локомотивном хозяйстве страны в 1932 году было всего восемь штук! Правда, в 1932 году завершили электрификацию еще одной трассы – в Грузии, через Сурамский хребет, протяженностью 68 километров. Специально для нее

по заказу советского Внешторга электровозы спроектировали и построили в Америке; их соответственно и назвали С-10 («С» – значит, «Сурамский»). Но на Урале предстояло проделать более сложную работу: горная местность не проще, чем на Кавказе, протяженность бóльшая, нежели в трех «пробных» случаях, вместе взятых, – сразу 113 километров. Ну, и предполагалось гораздо больше обходиться своими силами: валютных ресурсов не напасешься, чтоб и дальше развиваться за счет импорта.

Оборудование для тяговых подстанций пришлось-таки и на этот раз закупить в не очень дружественных странах – в Англии, Италии, Германии, Японии. Но пока его монтировали – присматривались и сами многое научились делать: пригодилось, когда продолжили электрификацию на следующих участках. А электровозы для Урала построили уже в Харькове и Москве по американской лицензии, но со своими доработками (поэтому их назвали СС-11: «Сурамский советский»). Дефицит кадров восполняли студентами транспортных вузов; в школе ФЗУ, открытой на станции Чусовской еще в 1929 году, стали готовить электромонтеров, монтажников контактной сети, слесарей по ремонту электровозов (хотя электровозов тут еще никто «живьем» не видел). Набрали энтузиастов из числа паровозных машинистов, чтоб переучить их на машинистов электровозов. Поначалу их, как и слесарей, учили «на пальцах», потом свозили на практику в Москву и на Сурамский перевал… Сегодня трудно поверить в такие темпы, но уже в конце августа 1933 года от станции Чусовской в сторону Кизела под звуки оркестра отправился первый пробный состав с электрической тягой. Правда, после того оставалось еще много недоделанной работы, тем не менее с марта 1934 года по первой на Урале электрифицированной линии началось регулярное движение грузовых поездов. Это событие стало импульсом к дальнейшему повышению роли Кизела в хозяйственной жизни Урала.

А в годы Великой Отечественной войны в Кизел эвакуировали технику и шахтеров из Донецкого бассейна, и уже на кизеловский уголь в значительной мере перешли и транспорт, и энергетика края, становящегося опорным. Думаю, показательно, что именно в район Кизела в 1942 году нацелены были диверсанты Отто Скорцени (операция «Ульм», я о ней рассказывал): тут можно было не только опоры ЛЭП взорвать, но и более непоправимых бед натворить.

И вот этого города на экономической карте страны фактически не стало…

Одна причина на виду: еще в конце 1950-х пошел на убыль кизеловский уголь, добыча его с более глубоких горизонтов требовала бóльших расходов. Но в городе к тому времени было за 60 тысяч жителей, и там уже далеко не все было завязано на шахтах. Развитой город подобен зрелому, многоопытному человеку, который не только зависит от условий, но сам способен их изменять. Кизел постепенно уходил от угольной зависимости, развивая другие производства, но это было не проще, нежели нынешней России слезть с нефтегазовой иглы.

А потом случились реформы, приведшие к монетизации социальной ответственности. Добычу угля в Кизеловском бассейне сочли нерентабельной и прекратили. Вслед за тем стали закрываться другие производства, с угледобычей уже не связанные, в том числе, например, молокозавод. Нынче население Кизела едва превышает 13 тысяч и продолжает убывать. Жилые дома и общественные учреждения, где еще вчера бурлила жизнь, пустыми глазницами окон и провалами выбитых дверей напоминают уже руины Уралмашзавода, Алтайского тракторного и других гигантов советской индустрии, которые стали ненужными «новой России».

«Современно» мыслящий читатель скажет: ну и что? Это же в порядке вещей. Города рождаются, растут и умирают, как люди. И непременно напомнят про Детройт, который был четвертым по численности населения мегаполисом Соединенных Штатов Америки, но рухнули три автомобильных гиганта (Форд, Дженерал Моторз и Крайслер), на которых он стоял, как на слонах, вследствие того обанкротился город, жители из него побежали, и сейчас к нему приклеился ярлык: *город-призрак*.

Здесь не место для подробного обсуждения этого вопроса, и я отвечу коротко: а почему мы должны ориентироваться на «порядок вещей» по-американски? Мы уже очень многое от такой ориентации потеряли. К тому ж у нас в Конституции записано, что Россия – «социальное государство», так не нарушаем ли мы Основной закон, признавая нормой катастрофический обвал уровня жизни города из-за экономических проблем так называемого градообразующего предприятия, а точнее – из-за социальной безответственности «эффективных собственников»?

Конечно, есть другая сторона проблемы. Если отдельно взятый человек почему-то остался без работы, ему поможет биржа труда; если без работы осталось село или целый город – кто тут поможет, даже если государство наше – «социальное»?

Очевидно, тут возможны варианты. Очень показателен в этом плане Уралмаш. Строился завод-гигант, а рядом с ним и для него – «соцгород» (словечко из того времени). В предвоенном 1939 году на Уралмашзаводе работало 18200 человек[162]; «соцгород» проектировался на тридцать тысяч, но, как утверждает его бывший директор Ю.Н.Кондратов, перед войной там жило уже 50 тысяч. Во время войны численность работников предприятия перевалила за сорок тысяч – а сколько их было с чадами и домочадцами?!

А сейчас на Уралмашзаводе работает, по неофициальным данным, всего-навсего две с половиной

[162] Формирование трудового коллектива Уралмашзавода в 30-е гг. XX в. (urfu.ru)

тысячи человек. Но вот что поразительно: жилой район Уралмаш разросся нынче аж до 300 тысяч человек! При этом, если заняться опросом случайных прохожих на улице, то не только 10 из 10, но и 100 из 100 ответят вам, что ни сами они, ни кто-нибудь из их близких никакого отношения к заводу не имеют. Между тем, казалось бы, утратив свое градообразующее предприятие, район депрессивным не выглядит. Детройт – «призрак», а Уралмашу (не заводу, а бывшему «соцгороду»), кажется, любые кризисы нипочем.

Насчет столицы американского автопрома скажу одно: ее деградация угасания американской цивилизации не предвещает – переживут. Но это не моя тема.

Однако не вижу особой загадки и в том, что жилой район Уралмаш благополучно выживает при разрушении Уралмашзавода. Дело, конечно, не в особой стойкости людей «уралмашевской закалки», а в том, что огромный жилой массив при почти не существующем заводе – не автономное поселение, а часть мегаполиса, где «рабочих мест» даже в кризисные времена полно. Есть великое множество разных контор, нашедших «свою нишу»; мальчики на велосипедах развозят пиццу – тоже работа; «требуются расклейщики рекламы» – объявление, которое я много раз видел при входе в свой подъезд. До пандемии ковида целая армия «иностранцев» подметала тротуары и стригла газоны; нынче их «рабочие места» вакантны, и власти взывают к отечественным пенсионерам. В конце концов, нынешний Екатеринбург разгорожен трехметровыми металлическими заборами, металла на них уходит, вероятно, не меньше, чем когда-то на уралмашевские танки и самоходки, а охрана при воротах и шлагбаумах по численности, несомненно, превосходит уралмашевские штаты военных времен. Да все мужички в силе – не чета доходягам, умиравшим у станков на глазах высокого партийного начальства. В общем, работа есть, жить можно.

Так, может, мы – страна – пройдя грозовыми дорогами героического и трагического века, и достигли наконец той стадии умудренности, когда ясно осознаешь: это твой потолок, это твоя судьба, и нечего гоняться за журавлем в небе? Возобладавшая нынче идея «стабильности», кажется, именно это имеет в виду.

Стабильность как альтернатива «великим потрясениям» – ценность действительно непреходящая; еще Конфуций, согласно легенде, лишь врагу желал «жить в эпоху перемен». Однако точно ли то стабильность, что нынче за нее выдается? Обратимся хотя бы к «аналоговой модели» Четкарино. Ржавеющая без применения сельхозтехника, заросшие бурьяном и кустарником пашни, разваливающиеся от непогоды опустевшие корпуса животноводческой фермы, догнивающие избы с заколоченными дверями и окнами, чуть подлатанное помещение, поделенное, условно говоря, между державным двуглавым орлом, триколором и михалковским гимном, – вы готовы воспринимать эти реалии современной российской жизни как признаки стабильности?

Ах, да, есть ведь еще ухоженные подворья с целым табуном иномарок, дежурящих за воротами. Но вот что меня смущает. Нынешним их работящим хозяевам – как минимум, за сорок, а чаще за пятьдесят и больше. Дети-то у них где? В городах, за малым разве что исключением. Захотят ли они вернуться, когда пробьет час, в Четкарино, чтоб продолжить отцовское дело? А, собственно, в чем оно заключается, отцовское дело на этом подворье? Стоит ли оно того, чтобы, бросив уже обжитой город (Каменск, Шадринск, Екатеринбург) и приобретенную в городе специальность, отправиться его продолжать?..

Но село в дальнем уголке области, где случайно побывал пять лет назад, я рассматриваю здесь – для наглядности – только как «аналоговую модель» нынешней России. Полагаю, что читатель без моей подсказки способен подняться на ступеньку выше в этом рассуждении, оценить перспективы стабильности «общероссийской».

А я хочу, завершая главный сюжет этой книги, обратить внимание читателя на разительный контраст двух эпох: катастрофа 1941 года – и «стабильность» 2021-го.

Накапливалась энергия роста

В первые месяцы Великой Отечественной войны страна подвергалась реальной опасности разрушения, однако не только выдержала сокрушительный удар, но – ценой, конечно, запредельных усилий и невосполнимых потерь – стала прочней и, как минимум, удвоила, а то и увеличила в разы свой военно-промышленный, научно-технологический и даже человеческий потенциал. Сразу поясню, что, говоря о человеческом потенциале, имею в виду не человеческие жизни в их физическом измерении, тут потери были чудовищны и приуменьшить их было бы кощунственно. Нет, я говорю о человеческом потенциале как творческом факторе – особом и ничем не заменимом ресурсе развития. Создать в любой сфере деятельности нечто такое, чего прежде не было, выйти за привычные границы возможного, решить проблему, которая казалась нерешаемой, даже пожертвовать личным ради общественного – такие задачи не для «искусственного интеллекта», не для компьютерных технологий; это и есть примеры реализации именно человеческого фактора.

Мирового уровня научные, инженерные и организаторские кадры выросли у нас в обстановке войны, на страницах этой книги появлялась лишь малая их толика. Благодаря человеческому фактору немыслимый рывок в технологическом плане совершили тогда наши предприятия. Стала нормой работа с небывалой самоотдачей. Появилась неведомая прежде уверенность в своих силах: раз надо – значит, сможем. При этом пере-

стали всякий раз оглядываться на заграницу: нужно – так мы сумеем даже лучше. И там, где это было особенно важно (производство вооружения, а позже атом, космос), – сумели.

Особое внимание хочу обратить на то, что в процессе самой невероятной, потому и не понятой противником, операции по перемещению военно-промышленных предприятий в тыл буквально во всех случаях наращивались «мускулы» и крепли «скрепы». Будто с помощью крупноячеистого сита отбирались самые масштабные и перспективные научно-прикладные идеи, которые незамедлительно превращались в самые передовые технологии. При этом никому не было дела до того, что инженеры и мастера, доводившие до ума какую-либо грозную (для врага) конструкцию в потаенном уголке уральского заводского (а то и приспособленного для заводских работ) корпуса, собрались «с бору по сосенке» – кто из Харькова, кто из Подмосковья, а кто из уральской глубинки. Русские, украинцы, евреи, татары – кого в той обстановке волновали национальные различия?

Жили в перенаселенных квартирах, наспех сметанных бараках, землянках, но никто не жаловался – дескать, «понаехали тут». В атмосфере человеческой приязни и устремленности к общей цели, как расчлененные клетки в сказочной живой воде, росли и душевно срастались люди, развивались трудовые коллективы, предприятия, города и веси. Энергия роста, накопленная в годы войны, определяла тонус жизни и в первые послевоенные десятилетия; мне довелось самому приобщиться к этой атмосфере, когда я в середине 1950-х пришел работать на завод; некоторые мои заводские наставники появлялись на страницах этой книги.

Жаль, не поинтересовался я в свое время, коснулась ли каким-то образом эвакуация «модельного» Четкарино; знаю лишь (и я о том не раз здесь упоминал), что многие уральские села приняли беженцев. Но в селах больше спасались от голода и холода семьи фронтовиков и мастеров, подселенных близ завода в какую-либо кладовку или на чердак, а для семьи места уже не хватило. В селах беженцы оставили после себя, главным образом, морально-культурный след, а в городах, где делали танки и самолеты, мины и снаряды, остались и на послевоенные времена оборудование и технологии, производственный опыт, новый жизненный уклад.

Можно уверенно утверждать, что нет на Урале ни одного города, в истории которого эвакуация не запечатлелась бы этапным рубежом. Где-то возникли новые предприятия и в недолгом времени обрели статус градообразующих (как, к примеру, УралЗИС в Миассе, химфармзавод и мотоциклетный завод в Ирбите); где-то вышли на новый уровень технологий и нарастили свой удельный вес в хозяйственном раскладе Урала и всей страны (как Кизел или Верхняя Салда). А областной Свердловск радикально обновился во многих областях жизни. Обрели новые масштабы Уралмаш, бывший Уралтурбозавод, ставший Турбомоторным, Уралэлектроаппарат (Уралэлектротяжмаш); появились новые гиганты – Уралхиммаш, имени Калинина, Уралтрансмаш; возникли предприятия отраслей, которые здесь раньше не были представлены – заводы: оптико-механический, приборостроительный, резинотехнических изделий. Мощные импульсы к развитию получили научные учреждения, вузы, театры... Не берусь перечислить всё.

Крупнейшие промышленные предприятия Урала, флагманы советской индустрии, ставшие мировыми брендами: тот же Уралмаш, Уралвагонзавод, Челябинский тракторный и Челябинский металлургический, – в сущности, «дети войны». Атомные города, выход в космос – все это появилось у нас тоже благодаря человеческому потенциалу и энергии развития, накопленным, начиная с эвакуации, в годы войны.

Увы, «всё это было, было, было»...

Книга моя вся посвящена тому, что «было»; того, что стало, я коснулся совсем чуть-чуть – главным образом, сейчас, в заключительной главе и, как непременно кто-то упрекнет, выйдя за границы темы. Но, по-моему, бессмысленно выяснять то, что «было», не держа в памяти того, что стало, что есть. Ведь мы живем в потоке времени; что было – оно теперь в нас, если угодно, оно – мы сами; став опытней на это событие (если, конечно, доставили себе труд его осмыслить и понять), мы становимся другими и будем строить свою жизнь иначе, чем если бы этого опыта не было.

Не будем отвлекаться на выяснение того, чтó значит для нас история: «magistra vitae» или, напротив, ничему не учит. У нас здесь имеется уникальная возможность, не погружаясь в дебри метафизики, сопоставить два ключевых момента нашей коллективной истории: момент, когда катастрофа обернулась созиданием, и момент, когда обещанное (реформаторами 1990-х) созидание обернулось катастрофой. Одни и те же географические реалии, одна лента коллективной памяти. Пока что никто не решился демонтировать (как приснопамятную Краснознаменную группу на Плотинке) стелу с десятью уралмашевскими орденами, напоминающими о подвигах коллектива в годы войны и в послевоенные десятилетия. По сей день за проходной завода на чугунном постаменте, изображающем уральскую скалу, – самоходка, сошедшая с заводского конвейера, по легенде, в последний день войны. Эти памятники *того* времени резко контрастируют с временем нынешним: *тогда* был подъем, а *сейчас* – провал.

Но почему? Может, люди стали *не те*?

А ведь именно так дело и обстоит: люди стали *не те*!

Но важно понять, в каком отношении и почему.

Биологически Homo sapiens во все обозримые времена остается одним и тем же – если не считать того, что порой по какой-то причине появляется поколение несклад-

ных акселератов, а в иную пору преобладают рыхлые толстяки. Но, кажется, и в этих случаях виноваты не столько гены, сколько образ жизни. А уж личностью, то есть носителем социальных свойств, человек точно становится уже после физического появления на свет – в процессе *социализации*. Тут работает механизм социальной наследственности: по *надбиологическим* каналам индивид из окружающей социальной среды получает и в той или иной мере усваивает, скажем так, *фермент человеческого* – духовную субстанцию, аккумулировавшую в себе коллективный опыт жизни предшествующих поколения: знания, навыки, верования, предрассудки и т. п.

Процесс превращения биологической особи в личность слишком сложен, чтобы рассуждать о нем походя, но один его аспект представляется достаточно очевидным: бесконечно разнообразны индивидуальные качества личности, но во всех случаях так или иначе варьируются возможности и особенности времени, когда эта личность формировалась. Поэтому вполне реальным смыслом наполнены понятия *первобытный* человек (добавьте еще: с его «пещерной моралью»), *средневековый*, *ренессансный* человек. А то еще *восточный*, *кавказский*... Во всех случаях это Homo sapiens, но насколько различны его социальные модификации!.. Замечательно точно эту зависимость личности от времени выразил Пушкин в известных стихах: «Он в Риме был бы Брут, в Афинах – Периклес, а здесь он – офицер гусарской».

Этот закон я и имею в виду, утверждая, что люди, творившие Победу, в том числе и совершившие подвиг эвакуации, были «не то, что нынешнее племя».

Победители были
не населением, а народом

Каким образом время и среда воплощаются в конкретном человеке? Механизм этого процесса, если не погружаться в детали, представляется достаточно простым. Каждая относительно замкнутая человеческая общность под воздействием разных причин (в том числе субъективных: заманчивые цели, харизматичные вожди) вырабатывает свою систему представлений об окружающем мире, свое понимание ценностей, свои нормы поведения. Принадлежа к этой общности, индивид эти нормы усваивает и volens nolens вынужден им подчиняться, иначе рискует быть отторгнутым – стать *отщепенцем*, *изгоем* или просто (как чаще говорится в «демократическом» обществе) *нерукопожатным*. Любой вариант отторжения чреват неприятными последствиями – вряд ли тут нужны пояснения. Это и есть естественная, фундаментальная основа процесса социализации в любом обществе.

Однако советское общество на протяжении всей своей истории – а особенно в период Великой Отечественной войны – нуждалось в том, чтобы эту зависимость индивида от среды ужесточить, сделать более действенной и безальтернативной. Уже сам социалистический путь развития страны, декларированный вождями революции, предполагал возможность сосредотачивать все ресурсы страны на решении ключевых задач – общественно-политических, народнохозяйственных, военных. Ну и, конечно, выдержать удар, с которого начинался гитлеровский блицкриг, восстановить оборонительную мощь страны и повернуть ход событий от поражения к победе можно было лишь общими усилиями всего населения.

Между тем население, расколотое историческими катаклизмами предшествующих десятилетий (начиная еще с дореволюционных времен), вовсе не чувствовало себя единым социальным организмом – на что, собственно, и рассчитывали (не без оснований!) гитлеровские стратеги. Поэтому еще в 1930-е годы руководством страны была поставлена задача формирования *морально-политического единства* советского общества, превращения разнородного и разобщенного *населения* СССР в единый социальный организм – советский *народ*. Решению этой задачи придавалось не меньшее значение, нежели строительству новых заводов и перевооружению армии.

Как она решалась – на эту тему можно целый трактат писать. Принятие так называемой «сталинской» Конституции – впервые декларировавшей социальную однородность советского общества. Важные акценты в политическом докладе Сталина на XVIII съезде ВКП(б). Повсеместное изучение «Краткого курса истории ВКП(б). Создание всепроникающей сети политучебы, исправной работы которой партийные органы требовали не менее строго, нежели выполнения производственной программы.

В одной из первых глав («Да, Великая, да, Отечественная») я подробно, опираясь на архивные документы, показал, как работали эти механизмы. Еще раз подчеркну, что главными объектами партийно-политической пропаганды были трудовые коллективы, в чем был, я бы сказал, тройной резон. Во-первых, Советская Россия даже после всех пертурбаций индустриализации и коллективизации ментально оставалась по преимуществу крестьянской страной, а для крестьянского (христианского, общинного) сознания жить «на миру» было делом понятным и привычным. Во-вторых, коллективное мнение, с которым вынужден бы сверять свое поведении, даже мысли и переживания советский человек, легче поддавалось воздействию извне (управлению, если угодно), нежели внутренний мир индивидов, из которых этот коллектив состоит (и какая разница, что он там про себя думает – лишь бы жил и работал «правильно»). Наконец, коллективное мнение в ту пору не столько даже под влиянием «массово-политической работы», сколько под воздействием обстановки на фронтах и в тылу было настроено на борьбу с захватчиками, так что любой коллектив тогда был «за правое дело».

Вот так и совершался единственно спасительный для того времени процесс – превращение травмированного в ходе общественных перемен и разобщенного населения СССР в советский народ. Не все получалось, как рассчитывали, но результат был вполне приемлемый. И эвакуированные харьковчане (неважно, что у них там значилось в «пятой графе»: русский, украинец, еврей; неважно, был он ведущий инженер или простой слесарь), и ленинградцы, перевезенные полуживыми через Ладожское озеро, и полураздетое, полуголодное строительное воинство генерала А.Н.Комаровского, и будущий академик-ракетчик В.П.Глушко в казанской «шарашке», и другой будущий «космический» академик Б.В.Раушенбах на кирпичном заводе в Нижнетагильском спецлагере, и поэт Борис Ручьев, которому выпала доля копать грунт и дробить камни «у края Родины, в безвестье», – все они ощущали себя гражданами своей страны и частицами советского народа, ведущего справедливую войну, от исхода которой зависит их личная судьба.

Не соглашусь с нынешними критиками «сталинизма», что партийно-политическая пропаганда военных лет манипулировала коллективным мнением: все-таки, судя по документам той поры, вести ее поручалось самым уважаемым членам коллектива, и они, даже если не обо всем могли говорить вслух, все-таки опиралась на правдивую информацию и преследовала реальную высокую цель.

Другое дело, что для достижения быстрого и верного эффекта порой использовались приемы и средства, которые трудно оправдать даже применительно к тому времени. Я имею в виду, что широкий спектр воспитательных (назовем их так) мер дополнялся мерами карательными. Пожалуй, тогда на коллективном уровне даже к ним относились с бóльшим пониманием, нежели я сегодня, но понимание не есть оправдание.

Особо хочу подчеркнуть, что коллективное мнение – в сущности, оно было идеологией Победы – равно разделяли и старый больной президент Академии наук, и семнадцатилетний парнишка, достойно ответивший на ночной телефонный звонок Сталина, и члены комсомольско-молодежных «фронтовых» бригад, где бригадиром мог оказаться и 35-летний коммунист, и 19-летняя вчерашняя школьница, которой недоставало роста, чтоб управляться с большим станком – приходилось сооружать деревянный помост. Наверно, и тогда не обходилось без споров между «отцами и детьми», но не было противостоящих друг другу «субкультур»: все были объединены общей заботой, одержимы общей страстью.

С этим, я думаю, прежде всего связано одно из важнейших преимуществ организации советского общества той поры: ключевые посты в нем, как правило, занимали неправдоподобно (с нынешней точки зрения) молодые люди. Я постоянно, по ходу своего повествования, обращал на это внимание: тридцатилетние (или около того) руководители крупнейших предприятий, наркоматов, обкомов партии (которые тогда были главными организаторами работы сообща) преобладали на всех уровнях власти.

Между прочим, в одном историческом исследовании встретилось мне любопытное наблюдение: «Сравнение возраста высшего командования вооруженных сил СССР и Германии убеждает, что наши государственные кадры были в среднем на 8–10 лет моложе своих противников»[163]. Не сомневаюсь, что молодость главных действующих лиц нашей оборонной промышленности – тоже один из ресурсов нашей победы.

Однако молодость сама по себе, конечно, ничего ни тогда, ни сегодня не решает. Она значима лишь потому, что молодой руководитель не придавлен авторитетами, не зашорен стереотипами, не боится рисковать, брать на себя ответственность – ему терять еще нечего. К тому же он не отягощен возрастными недугами (при необходимости может работать и сутками, и на постельном режиме). Но все-таки важнее, какие задачи и на каком уровне компетенции он с такой энергией и целеустремленностью решает.

Молодые советские директора и наркомы военного времени имели, как правило, прекрасную профессиональную подготовку (окончили лучшие отечественные вузы, многие побывали на стажировке в промышленно развитых странах Европы, в том числе и на заводах Круппа), были проверены в деле и на низовых (сменный мастер в цехе), и на ответственных должностях «у себя дома». При этом их личность и судьба формировались при советской власти, они на собственном опыте оценили ее преимущества, были убежденными ее сторонниками и защитниками и не «делали карьеру», не «самоутверждались», не стремились переложить руль истории на другой галс, а работали в общей упряжке, изыскивая способы решения стратегических задач, поставленных правительством и ГКО, которые и прокладывали курс движения к Победе. Не все у молодых и решительных получалось тонко (нынче о каждом можно найти в Интернете компромат), но они – нет, скажу точнее: народ, организованный и ведомый ими, – победили.

Люди, одолевшие агрессора, не были богатырями, но они не были и аморфным *населением*, расколотым и разобщенным чередой социальных катастроф. Они действительно были *советским народом*, сплоченным общей идеей отразить нашествие врага, отстоять свое право жить своим умом, хорошо ли, плохо ли, но самостоятельно творить свою историю. Тем и победили.

Что происходило в Советской стране на протяжении десятилетий после Победы?

Здесь, конечно, не место обсуждать этот вопрос в деталях.

[163] *Кондакова Н.* Государственная власть в годы Великой Отечественной войны / Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 26.

Констатирую очевидное: повоевав со «сталинизмом», погонявшись за призраком «коммунизма к 1980 году, понаслаждавшись «стабильностью» застоя, к началу 1990-х страна погрузилась в тяжелый кризис. Преодолеть его внятными и эффективными мерами подряхлевшее телом и рассудком кремлевское руководство не сумело, инициативу перехватили так называемые «младореформаторы» (которые особо молодыми и не были: как правило, лет на пять, а то и десять постарше легендарных «сталинских наркомов»). Они сразу заявили себя противниками всяческих революций и восславили эволюционный путь развития (Егор Гайдар даже в пику Ленину написал книгу «Государство и эволюция»), но на деле оказались революционерами круче большевиков. Все сломали, чтобы начать жизнь сначала.

О костоломной «шоковой терапии» написано много, а по мне так хватило бы одного признания американского советника наших реформаторов Джеффри Сакса в одном из интервью 2000 года (оно гуляет по Интернету): «*Российское руководство превзошло самые фантастические представления марксистов о капитализме: они сочли, что дело государства – служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег и поскорее. Это не шоковая терапия. Это злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатств в интересах узкого круга людей*».

Однако сдается мне, что гарвардский гуру лукавит: его подопечные сделали даже больше, чем от них ожидалось их заокеанскими покровителями. Точными и эффективными мерами, причем в темпе блицкрига, не допуская обсуждений и не давая никому опомниться, они разрушили ту субстанцию, которая во время Великой Отечественной войны и стала главным фактором нашей Победы. Я имею в виду, что своими реформами они победивший советский народ вновь фрагментировали, превратили в *население*, и всё предусмотрели для того, чтобы восстановление его в целостном виде стало невозможным.

Обломки бывшего народа разделены теперь имущественными, этническими, религиозными, возрастными, даже гендерными, клановыми барьерами. Но и, конечно, трехметровыми стальными решетками с кодовыми замками, шлагбаумами и целой армией охранников. С энергией и экспрессией, на порядок превосходившей ту, что некогда была затрачена на реализацию концепта морально-политического единства советского народа, нынешние идеологи внедрили в массовое сознание мысль о принципиальной несочетаемости этих фрагментов. Надо признать, что при существующем укладе жизни они и впрямь несочетаемы.

Мало того, даже само понятие «народ» – видимо, из опасения аллюзий с советским строем – выведено из экономико-политического обихода. Равно как и понятие «политическая экономия» (наука о созидании государства с помощью экономических инструментов). При этом то ли по незнанию, то ли злонамеренно реформаторы проигнорировали тот факт, что эти понятия были ключевыми в системе взглядов самых успешных в отечественной истории экономических стратегов – тех самых, что на грани XIX и XX веков вывели Россию по темпам экономического развития на первое место в мире.

Однако в идеологическом обиходе некое рудиментарное образование, восходящее к понятию «народ», сохраняется по сей день. Испытываются разного рода «скрепы»; учрежден даже праздник «День народного единства». Но «скрепы» легко разрушаются, когда затрагиваются житейские интересы населения.

Особо хочу подчеркнуть, что из эфемерного в нынешнем идеологическом раскладе представления о народе совершенно выпадает молодежь. Для нее, правда, разыгрываются разные «скреповые» игры, которые в лучшем случае распаляют жажду личного успеха. Но на волне личного успеха молодые карьеристы, не терзаясь сомнениями, откочуют в более благоустроенные края, и никакие «скрепы» их не удержат.

Тут я вплотную подошел к границе своей темы, заглянул за нее... Могу лишь надеяться, что читатель сам додумает мысли, к которым подводит жизненный материал, положенный в основу этой книги, – для того она и писалась. Хочу только вдогонку посоветовать: не чурайтесь идеологии, не обращайте внимания на опасливые предостережения, будто бы идеология у нас запрещена Основным законом. Почитайте внимательней статью 13 Конституции, хотя бы второй ее параграф: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Разумная норма! Она означает, между прочим, что чубайсовский «последний гвоздь в крышку гроба коммунизма» – не более как приватное мнение одиозного приватизатора, которое претендовать на статус принципа государственной политики не может: Конституция ему, слава богу, запрещает. А вот партия, идущая на выборы, не потрудившись осмыслить и предложить «населению» свою идеологию, либо не думает о перспективах развития страны, либо истинные свои намерения она скрывает...

ЛУКЬЯНИН. 6 ЭТАПОВ БИОГРАФИИ

1. Появление на свет. Родился в Брянской области в 1937 году. Отец, сельский учитель, знавший европейские языки, писавший стихи по-русски, по-польски и по-белорусски, увлекавшийся эсперанто и организовавший переписку своих учеников на этом языке со школьниками Испании, Франции и Швеции, был за эти деяния осужден как «враг народа» и «лишен права переписки» за два месяца до рождения младшего сына. Этот сюжет положен в основу документальной повести В.Лукьянина «Обыкновенная история, XX век», которая издана под одной обложкой с книгой стихов отца «Черная тетрадь» в 2012 году.

2. Детство в оккупации. В три с половиной года увидел, как в село вступает запыленная колонна немецких мотоциклистов. А выгоняла захватчиков из села два года спустя часть Уральского добровольческого танкового корпуса, которая за ту свою операцию получила почетное название Унечской (Унеча – райцентр, к которому было приписано родное село автора). За два года в оккупации видел многое из того, чего лучше бы не видеть и взрослому.

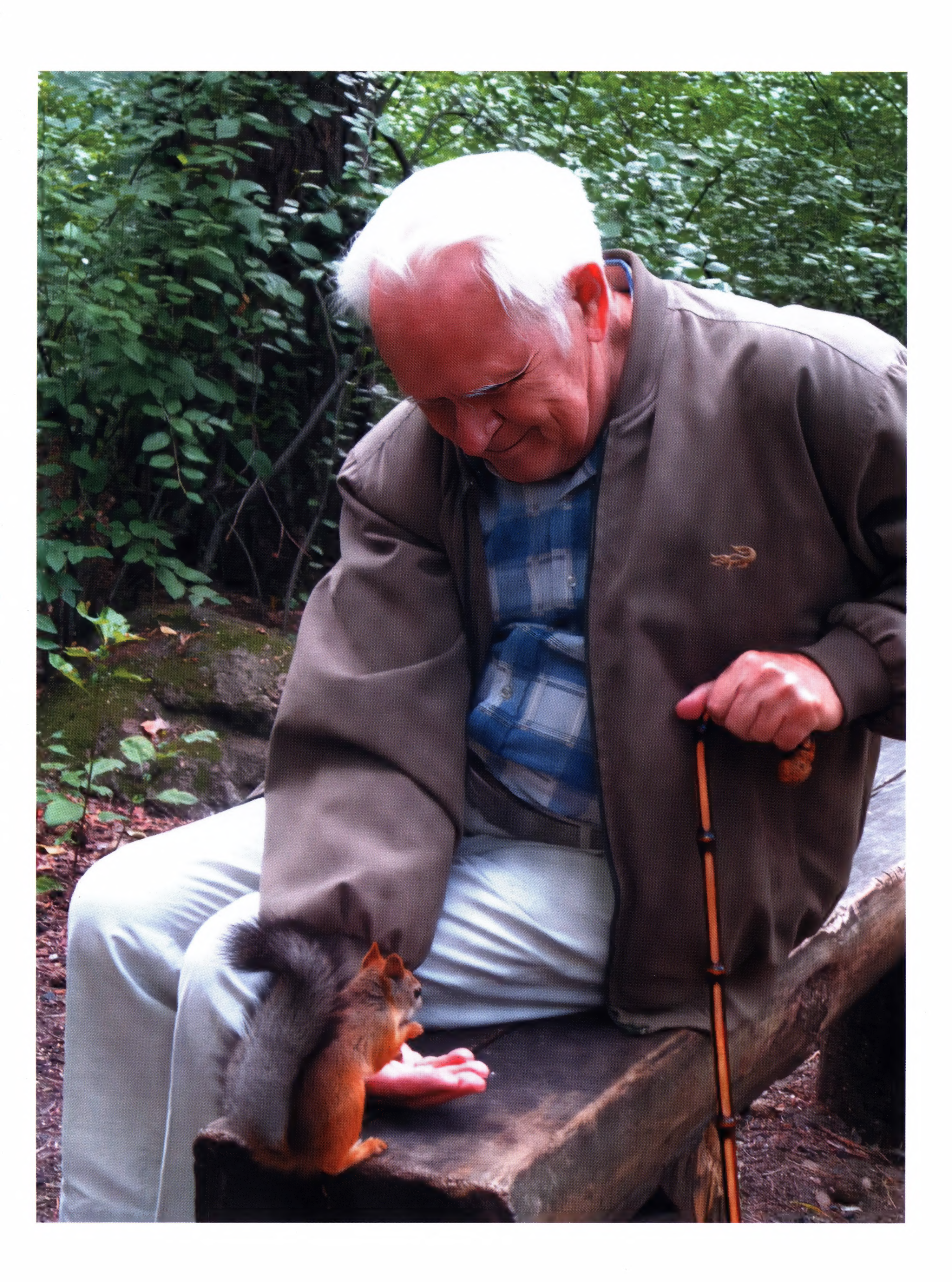
3. Годы взросления. Окончил сельскую семилетку, потом машиностроительный техникум в городе Бежице, ставшем впоследствии административным районом Брянска. По распределению в 1955 году приехал в Свердловск. Два года проработал в конструкторском бюро по паровым турбинам на Турбомоторном заводе, а следующие пять лет учился на филологическом факультете УрГУ имени А.М.Горького. Самое интересное из того, чем запомнились студенческие годы, отражено в книге «На переломе эпох советской истории. Страницы жизни Уральского университета и страны в годы Оттепели» (вышла в 2021 году).

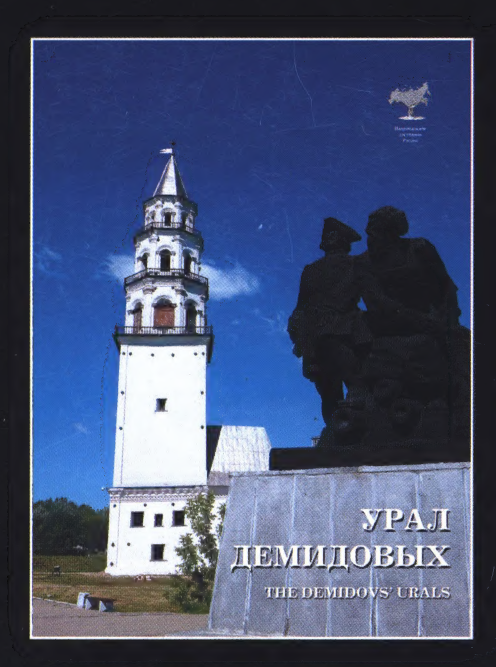
4. Поиск единственного пути. Практически сразу после окончания университета оказался на распутье: поступил в философскую аспирантуру и одновременно вступил на стезю литературной критики. Еще до окончания аспирантуры перешел на преподавательскую работу – и стал печататься в «толстых» литературных журналах. Одно другому в какой-то мере мешало. В начале 1979 года был отправлен в длительную командировку на Кубу, «внедрял» там курс эстетики на незадолго перед тем созданном философском факультете в университете Орьенте (Сантьяго-де-Куба) – и там же получил телеграмму из Москвы: дескать, Вы приняты в Союз писателей СССР.

5. Главная школа жизни. Две параллельные дороги пересеклись в мае 1980 года, когда автор был назначен главным редактором журнала «Урал». Без малого двадцать лет в этой должности пришлись на время «великих потрясений»: завершалась советская эпоха и начиналась эпоха антисоветская. Как всё это нарождалось, развивалось и разрешалось, описано в книге «Урал: журнал и судьбы» (издана в 2018 году). Журнал удалось сохранить, но сам автор почти ушел от литературной критики и переродился в публициста, а потом ушел из редакции на пенсию.

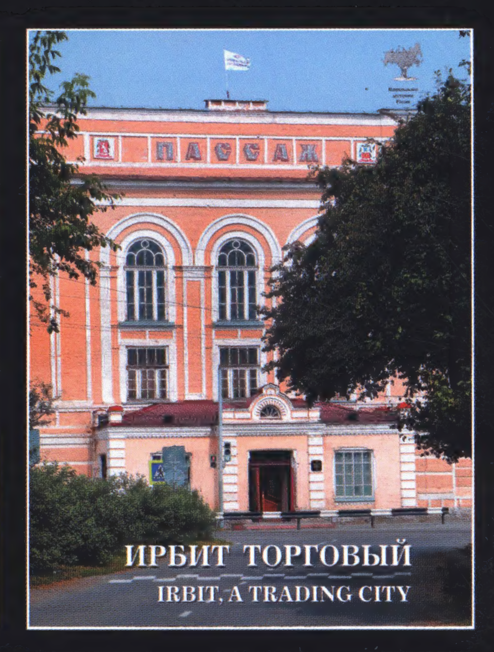
6. На заслуженном отдыхе. Для автора «заслуженный отдых» обернулся самым интенсивным периодом литературной работы. Названные выше книги появились именно в этот период, а кроме них – «Литературный квартал» (в соавторстве с М.П.Никулиной), «Вершины уральской науки», «Исаак Постовский. Древо знания», «Операция, равная величайшим битвам», а также десятки статей в разных журналах. Кстати, последняя из перечисленных книг образовалась «нечаянно» из сценария 4-серийного документального фильма «Равная величайшим битвам» (фильм появился на телеэкранах годом позже).

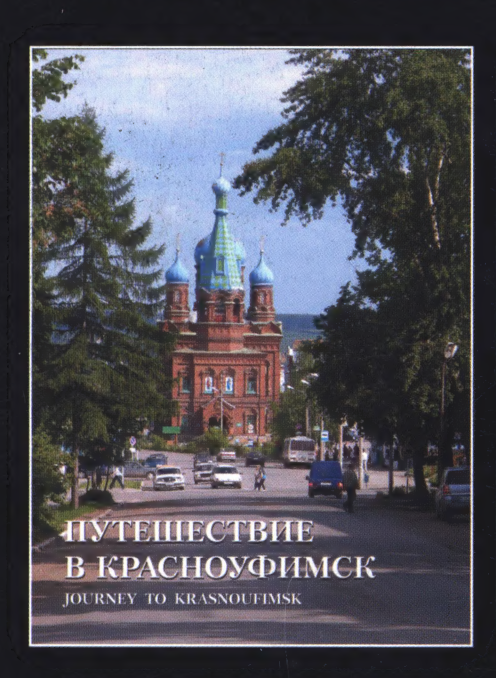
«Отдых» продолжается: в работе еще две книги.

УРАЛ
ДЕМИДОВЫХ
THE DEMIDOVS' URALS

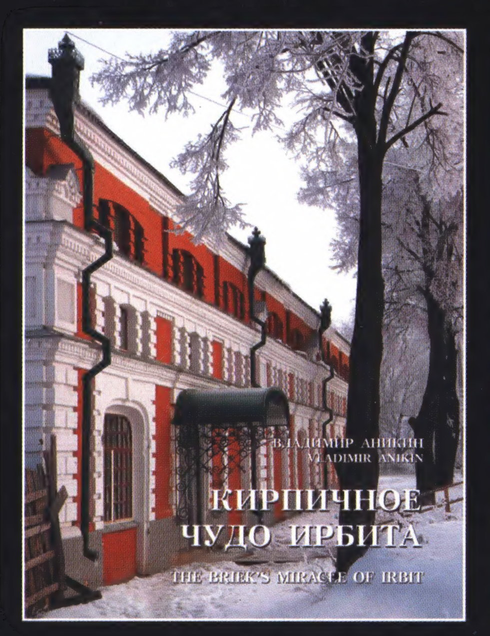

ЗОЛОТЫЕ РОССЫПИ
БЕРЁЗОВСКОГО
GOLDEN GLEAM
OF BEREZOVSKY

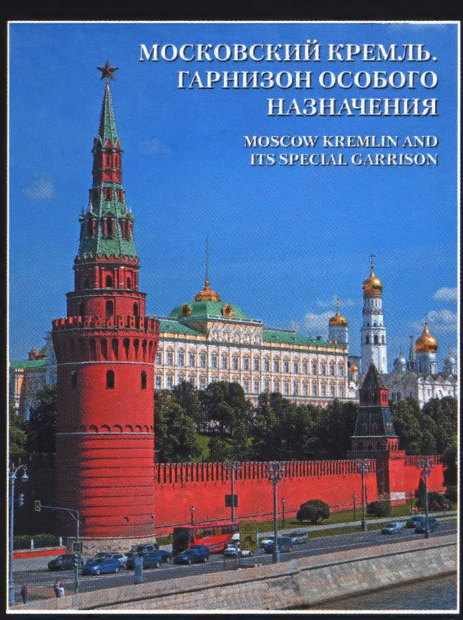

ПАССАЖ
ИРБИТ ТОРГОВЫЙ
IRBIT, A TRADING CITY

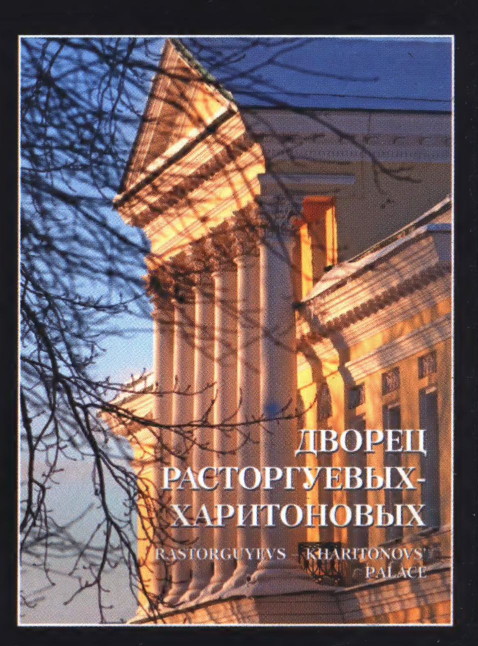

ПУТЕШЕСТВИЕ
В КРАСНОУФИМСК
JOURNEY TO KRASNOUFIMSK

Серия
Национальное достояние
России

ДОМ
СЕВАСТЬЯНОВА
SEVASTIANOV'S
HOUSE

ВЛАДИМИР АНИКИН
VLADIMIR ANIKIN
КИРПИЧНОЕ
ЧУДО ИРБИТА
THE BRICK'S MIRACLE OF IRBIT

МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ.
ГАРНИЗОН ОСОБОГО
НАЗНАЧЕНИЯ
MOSCOW KREMLIN AND
ITS SPECIAL GARRISON

ДВОРЕЦ
РАСТОРГУЕВЫХ-
ХАРИТОНОВЫХ
RASTORGUYEVS' KHARITONOVS'
PALACE